ЛЮБИМАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

АГАТА КРИСТИ

1930

УБИЙСТВО В ДОМЕ ВИКАРИЯ

Agatha Christie®

Убийство в доме викария
Агата Кристи

Аннотация
Агата Кристи. Убийство в доме викария
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32

Аннотация

В этом романе впервые появляется одна из любимых героинь Агаты Кристи – мисс Джейн Марпл. Эта дотошная и обаятельная пожилая леди, проживающая в деревне Сент-Мэри-Мид, способна распутывать самые головоломные ситуации, лишь ненадолго отвлекаясь от вязания и пропалывания сорняков в любимом саду. Первым расследованием мисс Марпл станет убийство полковника Протеро. Слишком многие в деревне мечтали о смерти этого неприятного типа: даже викарий, в доме которого совершено убийство, может попасть под подозрение!

Агата Кристи
Убийство в доме викария

Agatha Christie
THE MURDER AT THE VICARAGE

© 1930 Agatha Christie Limited. All rights reserved AGATHA CHRISTIE, MISS MARPLE and the Agatha Christie Signature are registered trade marks of Agatha Christie Limited in the UK and elsewhere. All rights reserved

© Павлычева М.Л., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Розалинде

Глава 1

Трудно решить, с чего начать эту историю, но я остановил свой выбор на той среде, когда мы все сидели за столом и обедали. Беседа не имела отношения к тому, о чем пойдет речь в моем рассказе, но некоторые опрометчивые высказывания впоследствии повлияли на ход событий.

Я закончил разделывать кусок вареного мяса (кстати, на удивление жесткого), занял свое место и в духе, совершенно не подобающем моему сану, заметил, что любой, кто прикончил бы полковника Пр**о**теро, оказал бы миру большую услугу.

Мой юный племянник Деннис тут же сказал:

— Ваши слова вспомнят и используют против вас, когда старикана найдут в луже собственной крови. Мэри даст свидетельские показания, правда, Мэри? И расскажет, как вы угрожающе размахивали кухонным ножом.

Мэри, которая рассматривает работу в моем доме как ступеньку к лучшей жизни и к более высокому жалованью, громко, по-деловому, произнесла: «Овощи» — и с вызовом сунула ему под нос треснувшее блюдо.

Моя жена с сочувствием осведомилась:

— Неужели он и в самом деле так невыносим?

Я ответил не сразу, потому что в этот момент Мэри, плюхнув на стол блюдо с овощами, взяла миску с совершенно недоваренными и страшно неприглядными клецками и поднесла ее мне. Я сказал: «Нет, спасибо», и она в сердцах почти швырнула миску на стол и ушла.

— Жаль, что я такая ужасная домохозяйка, — сказала моя жена с искренним сожалением.

Я был склонен согласиться с ней. Мою жену зовут Гризельдой[1], и это имя как нельзя лучше соответствует ее статусу супруги приходского священника. Но на этом соответствие заканчивается. В ней нет ни капли кротости и смирения.

Я всегда придерживался мнения, что священник не должен связывать себя узами брака. Зачем я после двадцати четырех часов знакомства упросил Гризельду выйти за меня, до сих пор не понимаю. Брак, считал я, дело серьезное, и к нему следует подходить с осторожностью и после долгих размышлений, причем совпадение вкусов и наклонностей было для меня наиважнейшим

[1] Сноски: 1

Героиня, известная своей покорностью мужу, терпением и стойкостью в испытаниях, чей образ перекочевал из фольклора в книгу Дж. Боккаччо «Декамерон».

условием.

Гризельда почти на двадцать лет младше меня. Она ошеломительно красива и абсолютно не способна воспринимать что-либо всерьез. Она некомпетентна во всех отношениях, и жить с ней невыносимо. Она относится к приходу как к большому увеселительному мероприятию, устроенному ради ее развлечения. Я пытался заниматься ее развитием, но потерпел неудачу. И лишний раз убедился в том, что целибат[2] крайне желателен для духовенства. Я нередко намекал на это Гризельде, однако она лишь смеялась в ответ.

— Моя дорогая, — сказал я, — если б ты приложила хоть немного усилий…

— Иногда прилагаю, — перебила меня Гризельда. — Но мне кажется, что от моих попыток дела становятся только хуже. Ясно, что от природы мне не дано быть домохозяйкой. Поэтому я прихожу к выводу, что будет лучше, если я оставлю все на Мэри и смирюсь с неудобствами и невкусной едой.

— А как насчет твоего мужа, дорогая? — с упреком спросил я и, следуя примеру дьявола,

---

[2] Сноски: 2
Целибат — обет безбрачия.

который ради своих нужд цитировал Священное Писание, добавил: — «Она наблюдает за хозяйством в доме своем…»[3]

— Только подумай, как тебе повезло, что тебя не порвут на части львы, — быстро заявила Гризельда. — Или что тебя не сожгут заживо. Плохая еда, и пыль, и дохлые мухи — все это не стоит того, чтобы поднимать шум. Расскажи мне еще о полковнике Протеро. Во всяком случае, первым христианам повезло в том, что у них не было церковных старост.

— Напыщенный старый грубиян, — сказал Деннис. — Неудивительно, что первая жена сбежала от него.

— А что ей оставалось? Не представляю, — сказала моя жена.

— Гризельда, — резко произнес я, — я не потерплю, чтобы ты говорила такие вещи!

— Дорогой, — ласково произнесла моя жена, — расскажи мне о нем. В чем проблема? В том, что мистер Хоуз на каждом шагу кланяется и крестится?

Хоуз — это мой новый заместитель. Он приехал к нам чуть более трех недель назад; придержи-

---

[3] Сноски: 3
Прит. 31:27.

вается взглядов Высокой церкви[4] и постится по пятницам. Полковник же Протеро — величайший противник обрядов в любой форме.

— На этот раз нет. Этого он коснулся мимоходом. А вот главная проблема возникла из-за несчастной банкноты миссис Прайс-Ридли.

Миссис Прайс-Ридли — истово верующий член нашей общины. На утренней службе в годовщину смерти своего сына она положила банкноту в один фунт в мешок для пожертвований. А позже, читая вывешенный перечень пожертвований, с болью в сердце обнаружила, что самой крупной из упомянутых была банкнота в десять шиллингов.

Она пожаловалась мне на это, и я ответил, вполне резонно, что она, должно быть, ошиблась. «Мы уже не так молоды, как были, — сказал я, стараясь потактичнее донести до нее свою мысль. — И должны смириться с издержками преклонных лет».

Как ни поразительно, мои слова, кажется, лишь распалили ее. Миссис Прайс-Ридли сказала,

---

[4] Сноски: 4

Направление в англиканской церкви, выступающее за сохранение обрядности и иерархичности в противовес характерной для протестантизма тенденции сделать эти стороны церковной жизни как можно менее важными. Из-за этого часто воспринимается как тяготеющее к католичеству.

что все это выглядит довольно странно и что ее удивляет, что я придерживаюсь иного мнения. Она удалилась и, полагаю, отправилась со своими проблемами к полковнику Протеро. Последний относится к тем людям, кому нравится устраивать шум по каждому поводу. Вот он его и устроил. Жалко, что произошло это в среду. По утрам в среду я преподаю в церковной школе, эта деятельность вызывает у меня острую нервозность и лишает спокойствия на остаток дня.

— Что ж, думаю, и он должен получать от чего-то удовольствие, — сказала моя жена, стараясь, судя по всему, занять беспристрастную позицию. — Никто не трепещет перед ним и не называет «дорогим викарием», и не вышивает для него домашние тапочки жуткого вида, и не дарит ему толстые шерстяные носки на Рождество. И жена, и дочь — обе сыты им по горло. Полагаю, он счастлив донельзя, когда чувствует себя такой важной персоной.

— Он зря так разошелся из-за этого, — не без горячности воскликнул я. — Сомневаюсь, что он осознавал скрытый смысл того, о чем говорил. Он хочет проверить всю церковную бухгалтерию на предмет растрат — именно это слово он и использовал. Растрат! Он подозревает меня в

присвоении церковных фондов?

— Никто никогда ни в чем тебя не заподозрил бы, дорогой, — ответила Гризельда. — Ты настолько прозрачен, что стоишь выше всяких подозрений, так что, думаю, это великолепный шанс. Я была бы только рада, если б ты присвоил себе фонды ООРЕ[5]. Ненавижу миссионеров — всегда ненавидела.

Я бы упрекнул ее за подобные высказывания, но в этот момент вошла Мэри с недоваренным рисовым пудингом. Я вяло запротестовал, но Гризельда сказала, что японцы всегда едят рис недоваренным, и, как следствие, у них отлично работают мозги.

— Осмелюсь заметить, — добавила она, — что если б ты ел вот такой рисовый пудинг каждый день до воскресенья, то читал бы самые чудесные проповеди.

— Упаси Господи, — сказал я, содрогнувшись. — Завтра вечером к нам придет Протеро, и мы с ним вместе проверим счета. Сегодня я должен закончить свою речь для ОМАЦ[6]. Когда я искал одну

---

[5] Сноски: 5

Объединенное общество распространения Евангелия — миссионерская организация англиканской церкви.

[6] Сноски: 6

Общество мужчин англиканской церкви.

ссылку, меня так увлекла «Реальность» каноника Ширли, что я совсем забросил работу. Гризельда, что ты делаешь сегодня днем?

— Исполняю обязанности, — ответила Гризельда. — Свои обязанности жены викария. Чай и обмен сплетнями в половине пятого.

— А кто будет?

Гризельда с усердием принялась загибать пальцы:

— Миссис Прайс-Ридли, мисс Уэзерби, мисс Хартнелл и эта ужасная мисс Марпл.

— А мне мисс Марпл нравится, — сказал я. — У нее хотя бы есть чувство юмора.

— Она главная сплетница в деревне, — сказала Гризельда. — Она всегда знает, что происходит, и делает из этого отвратительные умозаключения.

Гризельда, как я уже говорил, значительно моложе меня. А к моему возрасту человек уже успевает уяснить, что самое отвратительное обычно оказывается правдой.

— Ну а меня, Гризельда, к чаю не жди, — сказал Деннис.

— Чудовище! — воскликнула Гризельда.

Деннис счел благоразумным трубить отступление, а мы с Гризельдой вдвоем прошли в мой кабинет.

— Интересно, что у нас будет к чаю, — сказала жена, усаживаясь на мой письменный стол. — Доктор Стоун и мисс Крам, полагаю, еще, возможно, миссис Лестрендж. Кстати, я вчера заходила к ней, но ее не было дома. Да, на чай у нас точно будет миссис Лестрендж. Все это так таинственно, правда? Вот так вот приехала сюда, поселилась в доме и практически не выходит… Сразу вспоминаются детективные истории. Ну, ты понимаешь: «Что это за таинственная дама с лицом красивым, но бледным? Какое у нее прошлое? Никто не знает. В ней проглядывает нечто зловещее». Думаю, доктору Хейдоку кое-что о ней известно.

— Ты читаешь слишком много детективов, Гризельда, — мягко заметил я.

— А ты? — отпарировала она. — На днях, когда ты сидел здесь и сочинял проповедь, я по всему дому искала «Пятно на лестнице». А когда зашла к тебе и спросила, не видел ли ты книгу, что я обнаружила?

У меня хватило такта покраснеть.

— Я случайно подобрал ее. Мое внимание привлекло одно предложение и…

— Знаю я такие предложения, — сказала Гризельда и с выражением процитировала: — «А

потом случилось нечто любопытное: Гризельда встала, прошла через комнату и страстно поцеловала своего пожилого мужа». — Свои слова она сопроводила действием.

— Разве это нечто любопытное? — спросил я.

— Естественно, — ответила Гризельда. — Лен, ты хоть понимаешь, что я могла бы выйти за министра, за баронета, за богатого владельца компании, за трех офицеров и за бездельника с приятными манерами, но вместо всех их выбрала тебя? Тебя это не удивляет?

— Когда-то удивляло, — ответил я. — Я часто задавался вопросом, почему ты так сделала.

Гризельда рассмеялась.

— Я вознеслась на самую вершину, — сказала она. — Другие считали меня просто красивой и, естественно, горели желанием заполучить меня. С тобой же все было по-другому. Я олицетворяла для тебя все, что тебе не нравится и что ты осуждаешь, однако ты не смог устоять! Мое тщеславие не могло выдержать такого испытания. Гораздо приятнее быть тайным и упоительным грехом, чем служить броским украшением. В моем обществе ты испытываешь чудовищную неловкость, и я постоянно вынуждаю тебя сворачивать с правильного пути, однако ты все равно обожаешь

меня до безумия. Ты обожаешь меня до безумия, не так ли?

— Естественно, я люблю тебя, дорогая.

— О Лен, ты обожаешь меня. Ты помнишь тот день, когда я осталась в городе и послала тебе телеграмму, которую ты так и не получил, потому что почтальонша забыла принести ее тебе из-за того, что ее сестра рожала близнецов? Помнишь, в каком ты был состоянии, как звонил в Скотленд-Ярд, какой страшный шум ты поднял?

Есть вещи, которые люди не любят вспоминать. Тогда я действительно почему-то повел себя глупо.

— Дорогая, если ты не возражаешь, я хотел бы заняться ОМАЦ, — сказал я.

Гризельда возмущенно фыркнула, взъерошила мне волосы, потом пригладила их и сказала:

— Ты меня не достоин. На самом деле не достоин. Придется завести роман с художником. И ведь заведу… по-настоящему. Только представь, какой скандал разразится в приходе.

— У нас и так множество скандалов, — мягко проговорил я.

Гризельда рассмеялась, послала мне воздушный поцелуй и удалилась через французское

окно[7] кабинета.

[7] Сноски: 7

Окно во всю стену или в большую часть стены как в ширину, так и в высоту, фактически — гибрид окна и застекленной двери.

Глава 2

Гризельда крайне невыносима. Вставая из-за обеденного стола, я был в хорошем расположении духа и горел желанием приготовить действительно сильную речь для Общества мужчин англиканской церкви. Сейчас же мною овладели беспокойство и смятение.

Когда я вернул себе душевное равновесие и собрался сесть за работу, в кабинет вплыла Леттис Протеро.

Я использовал слово «вплыла» обдуманно. Я читал романы, в которых про молодых людей говорят, что из них ключом бьет энергия: *joie de vivre*[8], прекрасная живость молодости… Мне же почему-то всю жизнь попадались молодые люди, похожие на призраки во плоти.

Сегодня Леттис особенно сильно напоминала такой призрак. Она милая девочка, высокая, светловолосая, но совершенно не от мира сего. Она вплыла через французское окно, рассеянно сняла желтый берет и с каким-то отстраненным удивлением произнесла:

---

[8] Сноски: 8
Радость жизни (*фр.*).

— О, это вы…

От Олд-Холла через лес идет тропинка, которая выводит к калитке в наш сад, поэтому очень многие в стремлении сократить путь не обходят дом, чтобы зайти через парадную дверь, а прямиком идут к окну кабинета. Я не удивился, когда Леттис вошла через окно, а вот ее реакция на мое присутствие меня слегка обидела. Если ты приходишь в дом викария, то должен быть готов к тому, что встретишь викария.

Она прошла в кабинет, бесформенной кучей плюхнулась в одно из глубоких кресел и, глядя в потолок, принялась рассеянно дергать себя за волосы.

— Деннис здесь?

— Я не видел его с обеда. Как я понял, он собирался к вам, играть в теннис.

— О! — сказала Леттис. — Надеюсь, он к нам не пошел. Он там никого не найдет.

— Он говорил, что ты сама его пригласила.

— Наверное, пригласила. Только на пятницу. А сегодня вторник.

— Сегодня среда, — сказал я.

— О, какой ужас! — сказал Леттис. — Это значит, что я в третий раз забыла прийти на обед к одним людям… — К счастью, это, судя по всему,

ее не очень расстроило. — А Гризельда здесь?

— Полагаю, ты найдешь ее в студии в саду — она там позирует Лоуренсу Реддингу.

— Ну и кипеж у нас был из-за него, — сказал Леттис. — С отцом, понятное дело. Отец просто ужас.

— И что стало причиной этого ки… как там? — спросил я.

— А то, что он писал меня. Отец узнал об этом. И почему нельзя писать меня в купальном костюме? Если я выхожу в нем на пляж, почему меня нельзя в нем писать? — Леттис помолчала и продолжила: — Это же полнейший абсурд: отец запрещает пускать молодого человека в дом. Естественно, мы с Лоуренсом просто ошалели. Я приду сюда и буду позировать ему в вашей студии.

— Нет, моя дорогая, — сказал я. — Нет, раз отец тебе запрещает.

— О Господи, — со вздохом произнесла Леттис. — Какие все зануды. Я в расстроенных чувствах. Определенно. Будь у меня хоть немного денег, я бы уехала, но без денег не могу. Вот если б отец проявил порядочность и умер… Тогда все было бы замечательно.

— Нельзя говорить такие вещи, Леттис.

— Ну а если он не хочет, чтобы я хотела его смерти, он не должен впадать в такой раж из-за денег. Неудивительно, что мама бросила его. Между прочим, я все годы верила, что она умерла. А тот молодой человек, с которым она сбежала? Каким он был? Приятным?

— Это было до того, как твой отец переехал сюда.

— Интересно, что с ней стало. Думаю, Энн вскорости закрутит с кем-нибудь роман. Энн ненавидит меня — она держится со мной вполне благопристойно, но ненавидит меня. Она стареет, и ей это не нравится. Бежит от возраста, понятное дело.

Интересно, спросил я себя, не собирается ли Леттис провести в моем кабинете весь остаток дня.

— Вы не видели мои грампластинки, а?

— Нет.

— Вот незадача… Я знаю, что где-то их оставила. А еще я потеряла собаку. И свои наручные часы, только это не страшно, потому что они не ходят. О Господи, мне так хочется спать… Не понимаю, почему — ведь я встала только в одиннадцать. Но жизнь ужасно сокрушительна, вам не кажется? О Господи, я должна идти. В три я собираюсь

на курган доктора Стоуна — хочу взглянуть на раскопки.

Я покосился на часы и обратил ее внимание на то, что сейчас уже без двадцати пяти четыре.

— Ой! Разве? Какой ужас. Интересно, они еще ждут — или уехали без меня? Наверное, стоит сходить туда и все выяснить. — Она встала и выплыла наружу, слабым голосом произнеся: — Вы передадите Деннису, да?

Я автоматически ответил «да» и только потом сообразил, что не знаю, что нужно передавать. Но, поразмыслив немного, пришел к выводу, что это и не важно. Гораздо большую пищу для размышлений мне дал доктор Стоун, известный археолог, который недавно заселился в «Голубого кабана» и взялся руководить раскопками кургана, расположенного на землях Протеро. Между ним и полковником состоялся уже не один диспут. Меня удивило и позабавило то, что он решил показать Леттис, как идут работы.

Я вдруг подумал, что Леттис Протеро по своему складу самая настоящая кокетка. И мне стало интересно, как она поладит с секретаршей археолога, мисс Крам. Последняя — разумная молодая женщина двадцати пяти лет, бойкая, яркая и очень жизнерадостная. Глядя на ее улыбку, дума-

ешь, будто у нее зубов больше, чем положено.

Мнение деревни разделилось: одни полагают, что она так себе, ничего выдающегося, другие считают женщиной крепчайших моральных устоев, которая поставила себе цель при первой же возможности стать миссис Стоун. Она во всех отношениях — полная противоположность Леттис.

Я отлично представлял, как обстоят дела в Олд-Холле — далеко не радостно. Несколько лет назад полковник Протеро снова женился. Вторая миссис Протеро отличалась красотой, правда, довольно необычной. Я всегда подозревал, что в отношениях между ней и падчерицей не все гладко.

Мне опять помешали. На этот раз пришел Хоуз, заместитель. Он хотел узнать подробности моих переговоров с Протеро. Я сказал ему, что полковник порицает его «римско-католические склонности», но что на самом деле цель его визита состояла совсем в другом. Затем я изложил ему собственные претензии и прямым текстом заявил, что Хоуз должен подчиняться моим решениям. В общем и целом он воспринял мои замечания очень хорошо.

После его ухода меня охватили глубочайшие

угрызения совести за то, что я его недолюбливаю. Испытывать иррациональные симпатии и антипатии к другим людям, на мой взгляд, совершенно не по-христиански.

Я со вздохом обнаружил, что стрелка часов на моем письменном столе указывает на три четверти пятого, а это означает, что половина пятого уже миновала, поэтому я встал и направился в малую гостиную.

Там, с чашками в руках, собрались четыре моих прихожанки. Гризельда сидела за чайным столиком и пыталась выглядеть естественно в окружающей обстановке, но преуспела только в том, что казалась еще более неестественной, чем обычно.

Я обменялся со всеми рукопожатиями и сел между мисс Марпл и мисс Уэзерби.

Мисс Марпл — седая пожилая дама с мягкими, очень приятными манерами, мисс Уэзерби — смесь ядовитости с сентиментальностью. Из этих двоих мисс Марпл куда более опасна.

— Мы тут, — сладчайшим, как мед, голосом произнесла Гризельда, — говорили о докторе Стоуне и мисс Крам.

У меня в памяти тут же всплыл довольно грубый стишок Денниса: «Мисс Крам плевать на

срам». Мне вдруг захотелось произнести это вслух и посмотреть, каков будет эффект, но, к счастью, я сдержался.

— Ни одна приличная девушка на это не пошла бы, — сухо заявила мисс Уэзерби и с осуждением поджала тонкие губы.

— На что? — поинтересовался я.

— Не стала бы секретаршей неженатого мужчины, — полным ужаса голосом ответила мисс Уэзерби.

— Ах, моя дорогая, — сказала мисс Марпл, — а вот я думаю, что женатые мужчины гораздо хуже. Вспомните бедняжку Молли Картер.

— Женатые мужчины, живущие отдельно от своих жен, конечно, пользуются дурной славой, — сказала мисс Уэзерби.

— И даже те, которые живут вместе с женами, — пробормотала мисс Марпл. — Я помню…

Я прервал ее воспоминания о всяких мерзостях, сказав:

— Но в наши дни девушка может работать на тех же должностях, что и мужчина.

— И уехать в глубокую провинцию? И остановиться в той же гостинице? — строго осведомилась миссис Прайс-Ридли.

— И оба номера на одном этаже… — тихо про-

говорила мисс Уэзерби, обращаясь к мисс Марпл.

Мисс Хартнелл, закаленная и жизнерадостная, гроза бедняков, громко и искренне произнесла:

— Бедняга и глазом не успеет моргнуть, как его захомутают. Он невинен, как нерожденный младенец, это и так видно.

Любопытно, какие странные обороты мы используем в своей речи. Ни одной из присутствующих дам не пришло бы в голову сослаться на младенца, если только это не какой-нибудь младенец, мирно спящий в колыбельке у всех на виду.

— Отвратительно, вот что я считаю, — со своей обычной бестактностью продолжила мисс Хартнелл. — Ведь он как минимум на двадцать пять лет старше ее.

Три дамы заговорили одновременно, высказывая разрозненные замечания насчет пикника мальчиков из хора, прискорбного инцидента на прошлом собрании матерей и сквозняков в церкви. Мисс Марпл подмигнула Гризельде.

— Вам не кажется, — сказала моя жена, — что мисс Крам просто рада иметь интересную работу? И что она воспринимает доктора Стоуна лишь как своего работодателя?

Наступила тишина. Очевидно, что ни одна из

четырех дам не была с этим согласна. Молчание нарушила мисс Марпл.

— Моя дорогая, — сказала она, хлопая Гризельду по руке, — вы очень молоды. А у молодых помыслы всегда невинны.

Гризельда с негодованием заявила, что помыслы у нее отнюдь не невинны.

— Конечно, — сказала мисс Марпл, не обращая внимания на это возражение, — вы думаете обо всех только хорошо.

— Вы действительно считаете, что она хочет выйти за лысого и скучного?

— Как я понимаю, он вполне обеспечен, — ответила мисс Марпл. — Хотя, надо признать, характер у него довольно взрывной. На днях у них с полковником была серьезная ссора.

Все с любопытством подались вперед.

— Полковник Протеро обвинил его в невежестве.

— Как это в духе полковника, и как это абсурдно, — сказала миссис Прайс-Ридли.

— То, что это в духе полковника, я согласна, но не вижу ничего абсурдного, — сказала мисс Марпл. — Вспомните ту женщину, которая приехала сюда и заявила, что она представляет благотворительную организацию, а потом, со-

брав пожертвования, исчезла, и о ней больше никто не слышал. Оказалось, что она не имеет никакого отношения к той организации. Люди доверчивы и склонны оценивать других людей по своим меркам.

Мне и в голову не пришло бы назвать мисс Марпл доверчивой.

— Скандал случился из-за молодого художника, мистера Реддинга, не так ли? — спросила мисс Уэзерби.

Мисс Марпл кивнула.

— Полковник Протеро отказал ему от дома. Как выясняется, он писал Леттис в купальном костюме.

— Я всегда думала, что между ними что-то есть, — сказала миссис Прайс-Ридли. — Этот молодой человек постоянно болтается по округе без дела. Жаль, что у девочки нет матери. А мачеха — это совсем другое.

— Осмелюсь заметить, что миссис Протеро старается изо всех сил, — сказала мисс Хартнелл.

— Юные барышни такие коварные, — с сожалением произнесла миссис Прайс-Ридли.

— Самый настоящий роман, да? — воскликнула мягкосердечная мисс Уэзерби. — Он очень привлекательный молодой человек.

— Но распущенный, — сказала мисс Хартнелл. — Иначе и быть не может. Художник! Париж! Модели! Обнаженная натура!

— Писать ее в купальном костюме, — проговорила миссис Прайс-Ридли. — Крайне нескромно.

— Он и меня пишет, — сказала Гризельда.

— Но не в купальном же костюме, дорогая, — сказала мисс Марпл.

— Может, в чем-нибудь похуже, — абсолютно серьезно заявила Гризельда.

— Проказница, — сказала мисс Хартнелл, воспринимая шутку со всей возможной широтой своих взглядов. У остальных же на лицах появилось слегка ошарашенное выражение.

— А наша дорогая Леттис рассказывала вам о скандале? — обратилась ко мне мисс Марпл.

— Мне?

— Да. Я видела, как она прошла через сад к окну в кабинет.

Мисс Марпл всегда все видит. Забота о саде служит отличным прикрытием, да и из наблюдения за птичками через мощный бинокль всегда можно извлечь определенную пользу.

— Да, она что-то упоминала, — ответил я.

— А вот у мистера Хоуза вид был обеспокоенным, — сказала мисс Марпл. — Надеюсь, он не

перетруждает себя.

— Ой! — возбужденно вскричала мисс Уэзерби. — Я совсем забыла. У меня есть для вас кое-какая новость. Я видела, как доктор Хейдок выходил из дома миссис Лестрендж.

Все переглянулись.

— Возможно, она заболела, — предположила миссис Прайс-Ридли.

— Если так, то болезнь свалила ее очень неожиданно, — сказала мисс Хартнелл. — Потому что я видела, как она гуляла по саду в три часа дня — и выглядела абсолютно здоровой.

— Должно быть, они с доктором Хейдоком давние знакомые, — продолжила высказывать предположения миссис Прайс-Ридли. — Только он хранит молчание по этому поводу.

— Любопытно, — сказала мисс Уэзерби, — что он никогда не упоминал об этом.

— Между прочим… — произнесла Гризельда тихим, таинственным голосом и замолчала. Все подались вперед еще больше. — Так уж получилось, что я знаю, — торжественно провозгласила она. — Ее муж — миссионер. Ужасная история. *Его съели*, вот какое дело. В прямом смысле съели. А она вынуждена была стать старшей женой вождя. Доктор Хейдок был в экспедиции и спас ее.

У присутствующих на мгновение восторженно загорелись глаза, но всеобщее возбуждение тут же улеглось, едва мисс Марпл с упреком, но и с улыбкой сказала:

— Проказница! — Она с неодобрением похлопала Гризельду по руке. — Это очень неблагоразумно с вашей стороны, моя дорогая. Таким историям, люди, как правило, верят. И это может создать массу сложностей.

От собрания ощутимо повеяло холодом. Две дамы встали и собрались уходить.

— Интересно, а на самом деле есть ли что-нибудь между Лоуренсом Реддингом и Леттис Протеро? — спросила мисс Уэзерби. — Похоже, что есть. Что вы скажете, мисс Марпл?

Та, кажется, задумалась.

— Я сомневаюсь. Если есть, то не с Леттис. С кем-то еще, я бы так сказала.

— Но полковник Протеро, должно быть, решил…

— Я всегда считала полковника чрезвычайно глупым человеком, — сказала мисс Марпл. — Он из тех, кто склонен вбивать себе в голову неправильные идеи и упорно отстаивать их. Помните Джо Бакнелла, который держал «Голубого борова»? Был какой-то шум из-за его дочери, которая

якобы связалась с молодым Бейли. А выяснилось, что роман закрутила его распутница-жена.

Пока мисс Марпл говорила, ее взгляд был прикован к Гризельде, и я вдруг ощутил приступ дикого бешенства.

— Вам не кажется, мисс Марпл, — сказал я, — что мы все склонны давать слишком много воли своим языкам? Любовь не мыслит зла[9], как известно. Глупая болтовня и злобные сплетни могут причинить неисчислимый вред.

— Дорогой викарий, — сказала мисс Марпл, — вы такой неискушенный. Боюсь, что те, кто столь же долго, как я, наблюдает за человеческой природой, не ожидают ничего хорошего. Осмелюсь заметить, хоть праздная болтовня чрезвычайно порочна и несет с собой только зло, однако она очень часто оказывается правдой, не так ли?

Выпустив эту парфянскую стрелу[10], мисс Марпл пошла домой.

---

[9] Сноски: 9
1Кор. 13:4-5.

[10] Сноски: 10
Сокрушительный довод перед выходом из спора. Жизнь крылатой фразе дала кавалерийская тактика древнего народа парфян (хотя она применялась не только ими), которые при отступлении резко разворачивались и выпускали в противника тучу стрел.

Глава 3

— Противная старая ведьма, — сказала Гризельда, едва за ними закрылась дверь. Она скорчила гримасу вслед ушедшим гостьям, потом посмотрела на меня и рассмеялась. — Лен, неужели ты и в самом деле подозреваешь меня в связи с Лоуренсом Реддингом?

— Конечно нет, моя дорогая.

— Но ты подумал, что мисс Марпл намекает на это. И ринулся на защиту — это было так красиво. Ты был как… как яростный тигр.

Мне стало неловко. Священник англиканской церкви никогда не должен ставить себя в такое положение, когда его могут назвать яростным тигром.

— Я почувствовал, что это тот самый случай, когда нужно возразить, — сказал я. — Только мне очень хотелось бы, чтобы ты, Гризельда, чуть более тщательно следила за тем, что говоришь.

— Ты имеешь в виду эту историю с каннибалами? — спросила она. — Или предположение, что Лоуренс писал меня обнаженной? Если б они знали, что он пишет меня в тяжелой накидке

с высоким меховым воротником… в общем, в таком виде, в каком ты вправе предстать перед Папой: даже крохотный кусочек греховной плоти скрыт от чужого взгляда! На самом деле все абсолютно целомудренно. Лоуренс даже ни разу не попытался заняться со мной любовью — не понимаю почему.

— Наверняка потому, что ты замужняя женщина…

— Лен, не притворяйся, будто ты прямиком с Ноева ковчега. Ты отлично знаешь, что привлекательная молодая женщина, имеющая пожилого мужа, — это своего рода дар небес для молодого человека. Должно быть, есть другие причины, и дело вовсе не в том, что я непривлекательна. Я очень привлекательна.

— Но ты же не хочешь, чтобы он занимался с тобой любовью?

— Н-нет, — ответила Гризельда с бóльшим сомнением, чем я ожидал.

— Если он влюблен в Леттис Протеро…

— Мисс Марпл кажется, что не влюблен.

— Мисс Марпл может ошибаться.

— Она никогда не ошибается. Такие старые ведьмы всегда оказываются правы. — Она помолчала минуту и, покосившись на меня, сказала: —

Ведь ты веришь мне, да? В том, что между мной и Лоуренсом ничего нет.

— Моя дорогая Гризельда, — сказал я, удивленный. — Конечно.

Жена подошла ко мне и поцеловала.

— Жаль, что тебя, Лен, так легко обмануть. Ты поверишь всему, что бы я ни сказала.

— И, надеюсь, не зря… И все же, моя дорогая, я очень прошу тебя следить за своим языком и быть осторожной в высказываниях. Помни: у этих кумушек чудовищная нехватка чувства юмора, они всё воспринимают всерьез.

— Капельки безнравственности — вот чего им не хватает, — сказала Гризельда. — Тогда они бы не искали с таким ожесточением безнравственность в поступках других людей.

С этими словами она вышла из комнаты, а я, посмотрев на часы, поспешил с визитами, которые следовало бы нанести значительно раньше.

Явка на обычную для среды вечернюю службу была, как и ожидалось, скудной, и к тому моменту, когда я, разоблачившись в ризнице, вышел из алтарной части, все уже разошлись, и только одна женщина стояла и смотрела на окна. У нас сохранились старинные витражи, да и сама церковь достойна внимания. Женщина повернулась

на звук моих шагов, и я увидел, что это миссис Лестрендж.

Мгновение мы оба колебались, потом я сказал:

— Надеюсь, вам нравится наша маленькая церковь.

— Я любовалась витражами, — сказала она. Ее очень приятный голос звучал отчетливо, она обладала великолепной дикцией. — Мне очень жаль, что я вчера не застала вашу супругу, — добавила она.

Мы еще несколько минут поговорили о нашей церкви. Мне стало ясно, что миссис Лестрендж — образованная женщина и разбирается в истории церкви и архитектуре. Мы вместе вышли на улицу и пошли по дороге, так как нам было по пути, только мой дом находился чуть дальше. Когда мы остановились у ее калитки, она любезно сказала:

— Прошу вас, заходите. Мне будет интересно узнать ваше мнение о том, как я тут все переделала.

Я принял приглашение. Литтл-Гейтс раньше принадлежал полковнику, служившему в Индии, и я не мог не испытать облегчение, увидев, что из коттеджа исчезли медные восточные столики и бирманские идолы. Обстановка была очень простой, но элегантной. В доме царила атмосфера

гармонии и покоя.

Однако меня все сильнее и сильнее занимал вопрос, что привело в Сент-Мэри-Мид такую женщину, как миссис Лестрендж. Она явно была из тех людей, которые любят жизнь, поэтому мне казалось странной ее склонность похоронить себя в деревне.

В яркой освещенной гостиной я получил возможность впервые разглядеть эту женщину.

Она отличалась высоким ростом. Золотистые волосы имели легкий рыжеватый оттенок. Я так и не смог понять, природа ли наделила ее темными бровями и ресницами или же ее собственная рука. Если все же она, как я предполагал, наложила косметику, то сделала это с высочайшим умением. В ее лице в спокойном состоянии было нечто от сфинкса, а глаза меня просто поразили: я никогда не видел такого удивительного золотистого цвета.

Она была одета с безупречным вкусом и обладала непринужденностью хорошо воспитанной женщины, однако в ней присутствовал некий диссонанс, придававший ей определенную загадочность. Сразу чувствовалось, что это женщина-загадка. Мне в голову пришло слово, прозвучавшее из уст Гризельды: «зловещая». Не-

лепость, конечно, — впрочем, почему нелепость? В сознание закралась непрошеная мысль: «Эта женщина не остановится ни перед чем».

Наша беседа шла в обычном направлении: живопись, книги, старые церкви. Однако я не мог избавиться от впечатления, что миссис Лестрендж хочет рассказать мне что-то еще, нечто совершенно иного характера.

Раз или два я ловил на себе ее взгляд: она смотрела на меня с любопытством и сомнением, как будто никак не могла принять решение. И продолжала говорить, как я заметил, на строго обезличенные темы. Ни мужа, ни родственников она ни разу не упомянула. Однако в ее взгляде читался некий странный призыв, настоятельная просьба. Взгляд как бы говорил: «Рассказать вам? Я очень хочу. Вы поможете мне?»

В конечном итоге этот призыв исчез — возможно, он просто был плодом моего воображения. Я почувствовал себя так, словно меня отвергли. Я встал и собрался уходить. Идя через комнату, я оглянулся и увидел, что миссис Лестрендж озадаченно, с сомнением смотрит мне вслед. Поддавшись порыву, я вернулся.

— Я могу чем-нибудь…

Она неуверенно произнесла:

— Это очень любезно с вашей стороны…

Мы замолчали. Наконец, она сказала:

— Если б я знала… Это так трудно… Нет, думаю, никто не в силах мне помочь. Но все равно спасибо, что предложили свою помощь.

Ее слова показались мне окончательными, поэтому я ушел. Однако от мучивших меня вопросов не избавился. Ведь мы тут, в Сент-Мэри-Мид, не привыкли к тайнам.

Так уж сложилась судьба, что, когда я вышел из калитки, на меня натолкнулась мисс Хартнелл. Она мастерски умеет наталкиваться на людей и не давать им прохода.

— Я вас видела! — воскликнула она с тяжеловесным восторгом. — И я так обрадовалась. Теперь вы все нам расскажете.

— О чем?

— Об этой таинственной даме! Она вдова или у нее где-то есть муж?

— Но я ведь не знаю. Она мне не рассказывала.

— Как странно… Любой предположил бы, что она упомянет в разговоре кого-нибудь, так, между прочим. Складывается впечатление, не так ли, что у нее есть причины ничего не рассказывать?

— На самом деле я не вижу никаких причин.

— Ах! Но, как говорит наша дорогая мисс Марпл,

вы совершенно неискушены, мой дорогой викарий. Скажите, она давно знает доктора Хейдока?

— Она не заговаривала о нем, поэтому я не знаю.

— Вот как? Так о чем же вы тогда беседовали?

— О живописи, музыке, литературе, — совершенно правдиво ответил я.

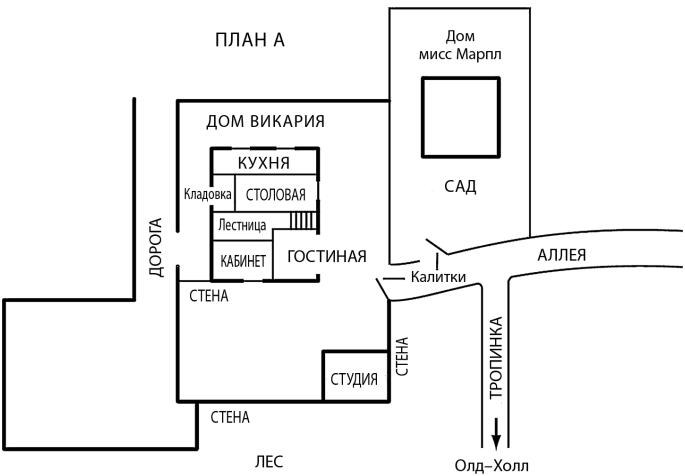
Мисс Хартнелл, у которой единственной темой для разговора были личные дела других, посмотрела на меня с подозрением и недоверием. Воспользовавшись заминкой, пока она размышляла, какой вопрос задать следующим, я пожелал ей спокойной ночи и быстро пошел прочь.

По дороге я нанес еще один визит и только после этого направился к себе домой. Я прошел в свой сад через садовую калитку, и для этого мне пришлось миновать опасный участок, где меня могла увидеть мисс Марпл. Я не допускал мысли, что весть о моем визите к миссис Лестрендж уже достигла ее ушей — ведь это было за пределами человеческих возможностей, — поэтому чувствовал себя в относительной безопасности.

Когда я задвигал щеколду на калитке, мне в голову пришла идея пройти в сарай, который молодой Лоуренс Реддинг использовал в качестве студии, и своими глазами взглянуть на то, как

продвигается портрет Гризельды.

Тут я прилагаю грубый набросок, который окажется полезным в свете дальнейших событий, причем включу в него только самые необходимые детали.



Я не предполагал, что в студии кто-то есть. Я не слышал голосов, которые могли бы предупредить

меня, да и мои шаги по траве были абсолютно бесшумными. Поэтому, открыв дверь, я замер на пороге, охваченный смятением. В студии было два человека: мужчина обнимал женщину и страстно целовал ее.

Эти двое были художник Лоуренс Реддинг, и миссис Протеро.

Я попятился, быстро вышел из студии и поспешил в свой кабинет. Там сел в кресло, достал курительную трубку и принялся обдумывать ситуацию. Открытие стало для меня огромным шоком. Ведь именно после сегодняшнего разговора с Леттис во мне окрепла уверенность в том, что между ней и молодым человеком установилось более-менее прочное взаимопонимание. Более того, я пришел к выводу, что и сама она так думает. Я был уверен, что она не подозревает о чувствах художника к ее мачехе.

Неприятный поворот. Я, пусть и с большой неохотой, вынужден был отдать должное мисс Марпл. Она не дала себя обмануть и, очевидно, имела полное представление об истинном положении вещей. Я же совершенно неправильно понял ее многозначительный взгляд, обращенный к Гризельде.

Мне и в голову не пришло рассматривать мис-

сис Протеро в таком аспекте. Она воспринималась как жена Цезаря[11]. Никто бы не заподозрил, что эта тихая, сдержанная женщина способна на глубокое и сильное чувство.

Когда я в своих размышлениях подошел к этому умозаключению, в окно кабинета постучали. Я встал и подошел к нему. За окном стояла миссис Протеро. Я открыл окно, и она влетела внутрь, не дожидаясь от меня приглашения, пронеслась через комнату и рухнула на диван.

У меня возникло ощущение, что я вижу ее впервые. Та тихая, сдержанная женщина, которую я хорошо знал, исчезла. А вместо нее появилось задыхающееся, охваченное отчаянием создание. Я только сейчас понял, что Энн Протеро красива.

На бледном лице, обрамленном каштановыми волосами, выделялись глубоко посаженные серые глаза. Сейчас она была взволнована, и ее грудь учащенно вздымалась и опускалась. Казалось, будто внезапно ожила статуя. Хлопая глазами, я с изумлением смотрел на эту транс-

---

[11] Сноски: 11

«На мою жену не должна падать даже тень подозрения», — говорит Цезарь в его жизнеописании авторства Плутарха, разводясь со своей супругой Помпеей после того, как ее поклонник пытался увидеться с ней, — говорит, не разбираясь, отвечает ли она поклоннику взаимностью, и принимая во внимание только сам факт настойчивости поклонника (пер. К. Лампсакова и Г. Стратаковского). Отсюда «жена Цезаря» — женщина вне подозрений.

формацию.

— Я решила, что лучше прийти, — сказала она. — Вы… вы ведь нас видели?

Я кивнул.

Она очень тихо произнесла:

— Мы любим друг друга…

Несмотря на явное страдание и нервное возбуждение, Энн Протеро все же не смогла сдержать слабую улыбку. Улыбку женщины, которая видит нечто очень красивое и замечательное. Я все еще молчал, и она, не вытерпев, спросила:

— Как я понимаю, вам все это кажется неправильным?

— А вы, миссис Протеро, ожидали от меня чего-то другого?

— Нет… нет, наверное, нет.

Я продолжил, прилагая все силы к тому, чтобы мой голос звучал как можно мягче:

— Вы замужняя женщина…

— Ой, знаю, знаю, — перебила она меня. — По-вашему, я не задумываюсь об этом снова и снова? На самом деле я не плохая… нет. И все совсем не так… не так… не так, как вам видится.

— Рад этому, — серьезно сказал я.

Она довольно робко спросила:

— Вы расскажете моему мужу?

Я довольно сухо ответил:

— Кажется, существует распространенное мнение, что священник не способен вести себя по-джентльменски. Это неправда.

Она посмотрела на меня с благодарностью.

— Я так несчастна… Ах! Я ужасно несчастна. Так не может продолжаться. Я просто не могу так жить дальше. И я не знаю, что делать. — Ее голос зазвучал громче, в нем появились истеричные нотки. — Вы не знаете, во что превратилась моя жизнь. Я страдаю с первых дней жизни с Люциусом. Ни одна женщина не будет с ним счастлива. Как бы я хотела, чтобы он умер… Это ужасно, но я действительно этого хочу… Я в безвыходном положении. Поверьте, в безвыходном. — Она вздрогнула и повернулась к окну. — Что это было? Мне показалось, там кто-то есть? Наверное, это Лоуренс.

Я подошел к окну. Я думал, что закрыл его, но оказалось, что это не так. Я вышел наружу и оглядел сад, но никого не увидел. И все же я был почти уверен, что тоже что-то услышал. Или, возможно, на меня повлияла ее убежденность.

Когда я вернулся в комнату, миссис Протеро сидела, наклонившись вперед и уронив голову на руки — само олицетворение отчаяния. Наконец

она снова заговорила:

— Я не знаю, что делать. Я не знаю, что делать.

Я сел рядом с ней и стал говорить ей то, что считал своим долгом сказать, попытавшись вложить в эти слова необходимую уверенность. Говоря все это, я с немалой долей неловкости осознавал, что только сегодня утром сам высказался в том смысле, что мир без полковника Протеро стал бы только лучше.

Кроме всего прочего, я попросил ее ничего не делать сгоряча. Ведь бросить мужа и уйти из дома — это очень серьезный шаг.

Не думаю, что я убедил ее. Я прожил на этом свете достаточно долго, чтобы понять: спорить с влюбленным человеком практически бесполезно. И все же, думаю, мои слова послужили для нее хоть каким-то утешением.

Собравшись уходить, миссис Протеро поблагодарила меня и пообещала обдумать все, что я ей сказал.

Однако после ее ухода тревога не покинула меня. Я с горечью осознал, что неверно оценил характер Энн Протеро. Сейчас же я увидел в ней отчаявшуюся женщину, которая ни перед чем не остановится и пойдет на поводу у своих бурных эмоций. Я понимал, что она дико, безумно,

страстно влюблена в Лоуренса Реддинга, человека на несколько лет младше ее. И вот это мне не нравилось.

Глава 4

Я совсем забыл, что в тот вечер мы ждали на ужин Лоуренса Реддинга. Когда Гризельда ворвалась ко мне и с упреком напомнила, что до назначенного времени осталось две минуты, я был немало ошарашен.

— Надеюсь, все будет в порядке, — крикнула она мне уже с лестницы. — Я обдумала то, что ты сказал за обедом, и нашла несколько довольно вкусных блюд.

Позволю себе мимоходом заметить, что наша вечерняя трапеза лишь подтвердила слова Гризельды о том, что ее вмешательство усугубляет ситуацию. Меню было составлено самое изысканное, и Мэри, кажется, получала извращенное удовольствие, прилагая все усилия к тому, чтобы либо не доварить, либо пережарить. Устриц, заказанных Гризельдой которые, в общем-то, застрахованы от вмешательства некомпетентного кулинара, мы, к сожалению, так и не смогли отпробовать, так как в доме было нечем открыть их, а обнаружилось это, только когда их подали на стол.

У меня имелись сомнения насчет того, появится ли у нас Лоуренс Реддинг. Я допускал, что он запросто откажется под каким-нибудь предлогом.

Однако он появился, причем минута в минуту, и мы вчетвером сели ужинать.

Лоуренс Реддинг обладает неоспоримой привлекательностью. Ему, как я полагаю, лет тридцать. У него темные волосы, а глаза поразительно яркого, завораживающего голубого цвета. Он из тех молодых людей, у которых все всегда получается и спорится. Он великолепный рассказчик и хороший актер-любитель, неплохо играет в разные игры и отлично стреляет. Он умеет быть душой компании. Думаю, в нем течет ирландская кровь. Он далек от сложившегося образа художника, однако я уверен, что он хороший художник, пишущий в современной манере. Я плохо разбираюсь в изобразительном искусстве.

Вполне естественно, что в тот вечер Лоуренс был немного *distrait*[12]. Однако держался он отлично. Думаю, ни Гризельда, ни Деннис ничего не заметили. Вероятно, я тоже ничего не заметил бы, если б не знал.

Гризельда и Деннис от души веселились — шу-

---

[12] Сноски: 12
Рассеянным (*фр.*).

тили насчет доктора Стоуна и мисс Крам, которую называли Ходячий Скандал. Я вдруг ощутил болезненный укол, когда ко мне пришло осознание того, что Гризельде Деннис гораздо ближе по возрасту, чем я. Ко мне он обращается «дядя Лен» и на «вы», а к ней — по имени и на «ты». Почему-то я почувствовал себя очень одиноким.

Думаю, меня выбил из колеи инцидент с миссис Протеро. Обычно я не предаюсь столь пустым размышлениям.

Гризельда и Деннис иногда позволяли себе в шутках много лишнего, но у меня не было желания приструнить их. Я всегда с сожалением отмечал, что одно лишь присутствие священника подавляет людей.

Лоуренс принимал активное участие в веселье. Однако я видел, что его взгляд то и дело останавливается на мне, и меня не удивило, когда после ужина он устроил все так, что мы вдвоем оказались в кабинете.

Как только мы остались одни, его манеры тут же изменились.

— Вы случайно узнали нашу тайну, сэр, — сказал он. — Что вы собираетесь с этим делать?

С Реддингом мне было говорить гораздо проще, чем с миссис Протеро, и я без обиняков изложил

ему свою точку зрения. Молодой человек воспринял это спокойно.

— Конечно, — сказал он, когда я закончил, — вы обязаны говорить все это. Вы пастырь. Я не имею в виду ничего оскорбительного. Между прочим, я считаю, что вы правы. Но то, что есть между мной и Энн, нельзя отнести к обычной связи.

Я сказал ему, что люди с незапамятных времен повторяют именно эти слова, и его губы искривила слабая улыбка.

— Вы утверждаете, что все считают свою ситуацию уникальной? Возможно, и так. Но в одно вы должны поверить.

Реддинг заверил меня, что «ничего предосудительного в этом нет». Энн, сказал он, едва ли не самая честная и верная жена на свете. Как быть дальше, он не знает.

— Если б это был сюжет романа, — мрачно усмехнулся Реддинг, — старик должен был бы умереть — счастливое избавление для всех.

Я упрекнул его.

— О! Я не хотел сказать, что собираюсь воткнуть ему нож в спину, хотя я искренне поблагодарю того, кто это сделает. На свете нет ни единой души, которая могла сказать о нем доброе слово. Удивляюсь, как первая миссис Протеро не

прикончила его… Я когда-то, много лет назад, познакомился с ней, и она, судя по виду, вполне была способна на такое. Она как тот тихий омут, в которых водятся черти. Опасная женщина. Что до него, то он вечно сотрясает воздух, сеет вокруг себя одни проблемы, страшно алчен да к тому же наделен чудовищно мерзким характером. Вы не представляете, как Энн натерпелась от него. Будь у меня деньги, я бы без долгих разговоров увез ее отсюда.

После этого заговорил я. Я со всей серьезностью попросил его уехать из Сент-Мэри-Мид. Оставаясь здесь, он только усугубляет страдания Энн Протеро, на долю которой и так выпало немало испытаний. Начнутся пересуды, слухи дойдут до полковника Протеро — и ее жизнь станет просто невыносимой.

Лоуренс запротестовал.

— Никто о нас ничего не знает, кроме вас, падре[13].

— Дорогой мой, вы недооцениваете сыскные инстинкты местных обитателей. О ваших сердечных делах в Сент-Мэри-Мид знает каждый.

---

[13] Сноски: 13

Здесь и далее: видимо, обращение «падре» (так именуют лишь католических священников, а местный викарий — англиканин) следует отнести на счет творческой экзальтированности художника.

В Англии нет сыщиков, равных незамужним женщинам неопределенного возраста, имеющим кучу свободного времени.

Он беззаботно заявил, что ничего тут страшного нет. Все считают, что у него роман с Леттис.

— А вы хоть раз задумывались о том, — спросил я, — что по этому поводу думает сама Леттис?

Эта мысль, кажется, удивила его. У Леттис, сказал он, ничего к нему нет. Он в этом уверен.

— Она довольно необычная девушка, — сказал Реддинг. — Кажется, что она все время грезит, и все же я считаю, что под этой мечтательностью кроется вполне практичная натура. Я считаю, что это своего рода поза. Леттис отдает себе полный отчет в своих действиях. В ней есть определенная мстительность, что выглядит забавно. Между прочим, она не выносит Энн. Просто люто ненавидит ее. Энн же всегда была с ней сущим ангелом.

Я, естественно, не воспринял его последние слова на полном серьезе. Одержимым страстью молодым людям возлюбленная всегда видится ангелом. И все же, по моим наблюдениям, Энн всегда относилась к своей падчерице по-доброму и со всей возможной справедливостью. Поэтому сегодня днем меня удивила та горечь, что прозву-

чала в голосе Леттис.

Нам пришлось на этом закончить разговор, так как в кабинет вбежали Гризельда и Деннис и потребовали, чтобы я отпустил Лоуренса и не превращал его в старого зануду.

— О боже! — воскликнула Гризельда, падая в кресло. — Я просто мечтаю о сенсации. Такой, чтобы повергла нас в трепет. Например, об убийстве… или хотя бы ограблении.

— Сомневаюсь, что здесь есть те, кого стоит грабить, — сказал Лоуренс, подлаживаясь под ее настроение. — Если только не считать богатой добычей вставные зубы мисс Хартнелл.

— Они так ужасно щелкают, — сказала Гризельда. — Но вы ошибаетесь насчет того, что среди нас нет достойных объектов для грабежа. В Олд-Холле много изумительного старинного серебра. Солонки, например, и ваза времен Карла Второго[14] — в общем, все в таком роде. Стоит, я полагаю, тысячи фунтов.

— Старик пристрелил бы тебя из своего армейского револьвера, — сказал Деннис. — Ведь он так любит пострелять.

— Да ну, мы опередили бы его и скрутили бы

---

[14] Сноски: 14
Король Англии, Шотландии и Ирландии в 1660–1685 гг.

ему руки! — сказала Гризельда. — У кого есть револьвер?

— У меня есть «Маузер», — сказал Лоуренс.

— У вас?.. Как интересно. А зачем он вам?

— На память о войне, — коротко ответил Реддинг.

— Сегодня старик Протеро показывал свое серебро Стоуну, — сообщил Деннис. — А тот делал вид, будто ему совсем не интересно.

— А я думала, что они поссорились из-за кургана, — сказала Гризельда.

— О, они уже помирились! — сказал Деннис. — Я вообще не понимаю, почему людям так нравится рыться в курганах.

— Этот человек, Стоун, ставит меня в тупик, — проговорил Лоуренс. — Он, наверное, чрезвычайно рассеянный. Иногда я готов поклясться, что он не разбирается в собственном предмете.

— Это все любовь, — усмехнулся Деннис. — Милая Глэдис Крам, фальши в тебе ни на грамм. Жемчуг зубов твоих — я в восторге от них. Едем, едем со мной, стань моею женой. Там, в «Голубом кабане», нежно приникни ко мне…

— Хватит, Деннис, — строго произнес я.

— Что ж, — сказал Лоуренс Реддинг. — Вероятно, мне пора. Большое вам спасибо, миссис

Клемент, за чрезвычайно приятный вечер.

Гризельда и Деннис пошли его провожать. Последний вернулся в кабинет один. Кажется, случилось нечто, что раздосадовало его. Он принялся ходить взад-вперед по комнате, хмурясь и пиная мебель.

Наша мебель так ветха, что столь небрежное обращение уже не могло сильно повредить ей, однако я все же выразил определенное недовольство.

— Извините, — сказал Деннис. Некоторое время он молчал, и вдруг его прорвало. — Какая же мерзость эти сплетни!

Меня слегка удивила подобная эмоциональность.

— В чем дело? — спросил я.

— Не знаю, следует ли мне рассказывать вам…

Мое удивление только усилилось.

— Это чудовищная мерзость, — снова заговорил Деннис. — Ходить по округе и рассказывать всякую чушь. Вернее, даже не рассказывать. А лишь намекать. Нет, будь я проклят — прошу прощения, — если расскажу вам! Это просто отвратительно.

Я с любопытством оглядел его, но настаивать не стал. Однако его слова очень заинтересовали

меня. Это совсем не в духе Денниса — принимать что-либо так близко к сердцу.

В этот момент в кабинет вошла Гризельда.

— Только что звонила мисс Уэзерби, — сказала она. — Миссис Лестрендж вышла из дома в четверть девятого и до сих пор не вернулась. Никто не знает, куда она пошла.

— А почему они должны знать?

— К доктору Хейдоку она не приходила. Мисс Уэзерби точно знает это, потому что она звонила мисс Хартнелл, которая живет рядом с ним и которая наверняка увидела бы ее.

— Для меня тайна, — сказал я, — как у нас в деревне не умирают с голоду. Должно быть, все едят, стоя у окон, чтобы что-нибудь не пропустить.

— И это еще не всё, — радостно добавила Гризельда. — Они всё выяснили насчет «Голубого кабана». У доктора Стоуна и мисс Крам номера рядом, но... — она многозначительно помахала пальчиком, — *между ними нет общей двери*!

— Наверное, — заметил я, — это страшно всех разочаровало.

В ответ Гризельда от души рассмеялась.

Четверг начался плохо. Двум моим прихожанкам, благородным дамам средних лет, вздумалось поссориться из-за убранства церкви. Меня при-

звали рассудить их. Обеих в буквальном смысле трясло от ярости. Если б ситуация не была столь мучительной, стоило бы полюбоваться на такой интересный природный феномен.

После этого мне пришлось распекать двоих мальчиков из хора за то, что они сосут леденцы во время богослужения, и у меня осталось неприятное ощущение, что я выполняю свою работу не от всего сердца, как следовало бы.

Затем наш органист, чрезвычайно «чувствительная» натура, обиделся на что-то, и мне пришлось успокаивать его.

Потом четверо из моих беднейших прихожан открыто взбунтовались против мисс Хартнелл, и та в страшном гневе прибежала ко мне.

Я шел домой, когда встретил полковника Протеро. Облеченный властью мирового судьи, он только что вынес приговор трем браконьерам и теперь пребывал в приподнятом настроении.

— Твердость! — прокричал полковник своим зычным голосом. Он слегка глуховат и поэтому, как часто делают глухие люди, говорит громче обычного. — Именно в этом мы сейчас испытываем нужду — в твердости! Приведу пример. Вчера ко мне заявился этот жулик Арчер и стал грозить местью. Дерзкий мерзавец… Как гово-

рится в пословице, те, кому угрожают, живут долго. В следующий раз, когда я застукаю его за ловлей моих фазанов, я покажу ему, чего стоят его угрозы. Попустительство! В нас мало строгости! Я твердо убежден: каждому должно воздаваться по его делам. А тут постоянные просьбы принять во внимание наличие жены и детей… Полнейшая чепуха, черт побери! Вздор. С каких это пор скулеж по поводу жены и детей должен избавлять человека от последствий его же деяний? Для меня все едины. Если кого-то — не важно, кого: доктора, адвоката, священника, браконьера, пьяницу — поймали по ту сторону закона, закон должен наказать его. Вы согласны со мной, я уверен.

— Вы забываете о том, — сказал я, — что мой сан обязывает меня ставить превыше всех одно качество — милосердие.

— Ну а я за справедливость. Никто не может этого отрицать. — Я промолчал, и он резко добавил: — Почему вы молчите? Ну-ка, рассказывайте, что думаете по этому поводу!

Я заколебался, но все же решил ответить.

— Думаю, — проговорил я, — что когда настанет мой час, будет очень прискорбно, если единственным оправданием для меня послужит моя

справедливость. Потому что это будет означать, что надо мной будут вершить суд, основываясь только на справедливости…

— Тьфу! Воинствующее христианство — вот что нам нужно. Я всегда исполнял свой долг, надеюсь… Ладно, хватит об этом. Как я уже сказал, я приду сегодня вечером. В четверть седьмого, а не в шесть, как мы договаривались, если вас это устроит. Мне нужно кое-кого повидать в деревне.

— Меня это вполне устроит.

Он взмахнул своей палкой и пошел прочь. Повернувшись, я натолкнулся на Хоуза. Мне показалось, что он выглядит больным. Я собирался мягко упрекнуть его за различные накопившиеся упущения в его вотчине, но, увидев бледное лицо, понял, что бедняга плохо себя чувствует.

Я так ему об этом и сказал, но мой помощник принялся отрицать, правда, без особого энтузиазма. Наконец он признался, что нездоров, и, кажется, с готовностью воспринял мой совет отлежаться в постели.

Я в спешке пообедал и снова отправился с визитами. Гризельда на дешевом четверговом поезде поехала в Лондон.

Я вернулся примерно без четверти четыре с на-

мерением набросать проповедь на воскресенье, но Мэри сообщила, что меня дожидается мистер Реддинг.

Я нашел его в кабинете, он с обеспокоенным видом мерил шагами комнату. Его лицо было бледным и изможденным.

Лоуренс резко повернулся, услышав, как я вошел.

— Знаете, сэр, я много думал над тем, что вы сказали мне вчера. Из-за этого я не спал всю ночь. Вы правы. Я должен порвать с ней и уехать.

— Мой дорогой мальчик, — произнес я.

— Вы были правы в отношении Энн. Оставаясь здесь, я создаю ей лишние проблемы. Она… она слишком хороша для такой жизни. Я понимаю, что должен уехать. Я и так очень сильно осложнил ей жизнь, да простится мне это.

— Уверен, вы приняли единственно возможное решение, — сказал я. — Знаю, решение трудное, но, поверьте, в конечном итоге вы увидите, что оно пойдет всем во благо.

По его лицу я понял, что он думает: легко говорить о том, о чем не имеешь никакого представления.

— Вы позаботитесь об Энн? Она нуждается в друге.

— Не сомневайтесь: я сделаю все, что в моих силах.

— Спасибо, сэр. — Лоуренс пожал мне руку. — Вы хороший человек, падре. Сегодня вечером я увижусь с ней, чтобы попрощаться, потом соберу вещи и завтра же уеду. Нет смысла затягивать агонию. Спасибо, что разрешили использовать сарай в качестве студии. Прошу простить за то, что не закончил портрет миссис Клемент.

— Не переживайте из-за этого, мальчик мой. До свидания, да благословит вас Господь.

После его ухода я пытался работать над проповедью, но без особого успеха. Мои мысли то и дело возвращались к Лоуренсу и Энн Протеро.

Я выпил чашку довольно невкусного чаю, холодного и без молока, а в половине шестого зазвонил телефон. Мне сообщили, что умирает мистер Эбботт из Лоуэр-Фарм, и попросили прийти как можно скорее.

Я тут же позвонил в Олд-Холл, так как до Лоуэр-Фарм было почти две мили и я мог не успеть вернуться к назначенному сроку в четверть седьмого. Я так и не научился ездить на велосипеде.

Однако мне сообщили, что полковник Протеро только что уехал в своем автомобиле, поэтому я отправился в путь, попросив Мэри передать

полковнику, что меня вызвали и что я буду дома к половине седьмого или чуть позже.

Глава 5

Было значительно позже полседьмого, почти семь, когда я подходил к своему дому. Неожиданно калитка распахнулась, и из моего сада вышел Лоуренс Реддинг. При виде меня он замер как вкопанный, меня же поразил его вид. Он выглядел как безумец: глаза выпучены, кожа мертвенно-белого цвета, весь трясется и дергается… У меня в голове даже промелькнула мысль, что он напился, однако я тут же отогнал ее.

— Здравствуйте, — сказал я, — вы хотели еще раз повидаться со мной? Извините, у меня было срочное дело. Только что вернулся. Сейчас я буду занят, у меня назначена встреча с полковником Протеро — нам нужно кое-что обсудить, — но она не займет много времени.

— Протеро, — произнес он. И начал смеяться. — Протеро? У вас назначена встреча с Протеро? О, вот вы и встретитесь с Протеро! О господи… да!

Я изумленно уставился на него и, поддавшись порыву, протянул к нему руку. Он резко отскочил и почти выкрикнул:

— Нет! Я должен уйти… чтобы подумать. Мне

нужно подумать. Я должен подумать.

Реддинг побежал и исчез за поворотом дороги, ведшей к деревне. Я же стоял и смотрел ему вслед, и меня снова посетила мысль о том, что он пьян.

Спустя несколько мгновений я повернулся и, качая головой, прошел в сад. Парадная дверь у нас никогда не запирается, однако я все равно позвонил. На звонок вышла Мэри, вытирая руки фартуком.

— Наконец-то вы вернулись, — заявила она.

— Полковник Протеро пришел? — спросил я.

— В кабинете. Сидит там с четверти седьмого.

— А мистер Реддинг тоже заходил?

— Пришел несколько минут назад. Вас спрашивал. Я сказала ему, что вы вернетесь с минуты на минуту и что полковник Протеро ждет вас в кабинете, а он сказал, что тоже подождет, и пошел туда. Он и сейчас там.

— Нет, там его уже нет, — возразил я. — Я только что встретил его на улице.

— Ну, значит, я не слышала, как он ушел. Он пробыл там не больше пары минут. Хозяйка еще не вернулась из города.

Я рассеянно кивнул. Мэри ретировалась на кухню, а я прошел по коридору и открыл дверь в кабинет.

Я заморгал, когда после полумрака коридора мне в глаза ударил яркий свет заходящего солнца. Сделав один или два шага, я замер, будто громом пораженный.

До меня не сразу дошло увиденное.

Полковник Протеро в неестественной позе лежал на моем письменном столе. Рядом с его головой натекла лужица какой-то темной жидкости, и эта жидкость капала на пол с до жути размеренным «кап-кап-кап».

Я собрался с духом и подошел к нему. Его кожа на ощупь была прохладной. Я поднял его руку, а когда выпустил, она безжизненно упала вниз. Полковник был мертв — убит выстрелом в голову.

Я вернулся к двери и позвал Мэри. Когда она пришла, я велел ей со всех ног бежать за доктором Хейдоком, который жил на углу. Я сказал ей, что у нас случилось несчастье, после чего закрыл дверь и стал ждать доктора.

К счастью, доктор оказался дома. Хейдок хороший парень, большой, рослый и широкоплечий, с честным, слегка грубоватым лицом.

Его брови поползли вверх, когда я молча указал ему на стол. Но, как истинный врач, он не выразил никаких эмоций — лишь склонился над

умершим и стал быстро осматривать его. Потом выпрямился и повернулся ко мне.

— Ну? — спросил я.

— Он мертв довольно давно… с полчаса, я бы сказал.

— Самоубийство?

— Исключено, дружище. Взгляните на расположение раны. Кроме того, если он сам стрелял в себя, где оружие?

А ведь верно, никакого оружия поблизости не было.

— Мы не должны ничего трогать, — сказал Хейдок. — Я звоню в полицию.

Он взял трубку, как можно короче изложил факты, затем положил трубку на место, подошел ко мне и сел рядом.

— Хуже некуда. Как он тут оказался?

Объяснив, я спросил слабым голосом:

— Это… это убийство?

— Похоже на то. А что же еще? Удивительное дело. Интересно, у кого был зуб на старика? Конечно, я знаю, что он не пользовался популярностью, но людей редко убивают из-за неприязни. И вот нате…

— Есть одна очень любопытная деталь, — сказал я. — Сегодня днем мне позвонили и вызвали к

умирающему прихожанину. Когда я пришел туда, встретили меня с крайним удивлением. Больной выглядел значительно лучше, чем несколько дней назад, а его жена категорически отрицала, что звонила мне.

Хейдок свел брови на переносице.

— Это наводит на размышления… да еще какие. Вас убрали с дороги. Где ваша жена?

— Уехала в Лондон на целый день.

— А горничная?

— На кухне… в противоположной части дома.

— А это говорит о том, что она, вероятнее всего, не слышала, что происходит здесь. Гиблое дело… Кто знал, что Протеро собирается к вам сегодня вечером?

— Он во всеуслышание объявил об этом на всю деревню сегодня днем, когда мы стояли на улице.

— То есть об этом знала вся деревня? Хотя они и так узнали бы. Известно, кто был настроен против него?

Мне сразу вспомнился Лоуренс Реддинг, бледный, с выпученными глазами. Ответить мне помешали шаги в коридоре за дверью.

— Полиция, — объявил мой друг и встал.

Нашу полицию представлял констебль Хёрст.

Вид у него был важный, но при этом слегка встревоженный.

— Добрый вечер, джентльмены, — поздоровался он с нами. — Инспектор прибудет с минуты на минуту. А пока я буду следовать его указаниям. Как я понимаю, полковник Протеро был найден мертвым — его убили в доме викария…

Он замолчал и устремил на меня полный холодного подозрения взгляд, на который я ответил с подобающей в этой ситуации озабоченной невинностью.

Констебль передвинулся к письменному столу и объявил:

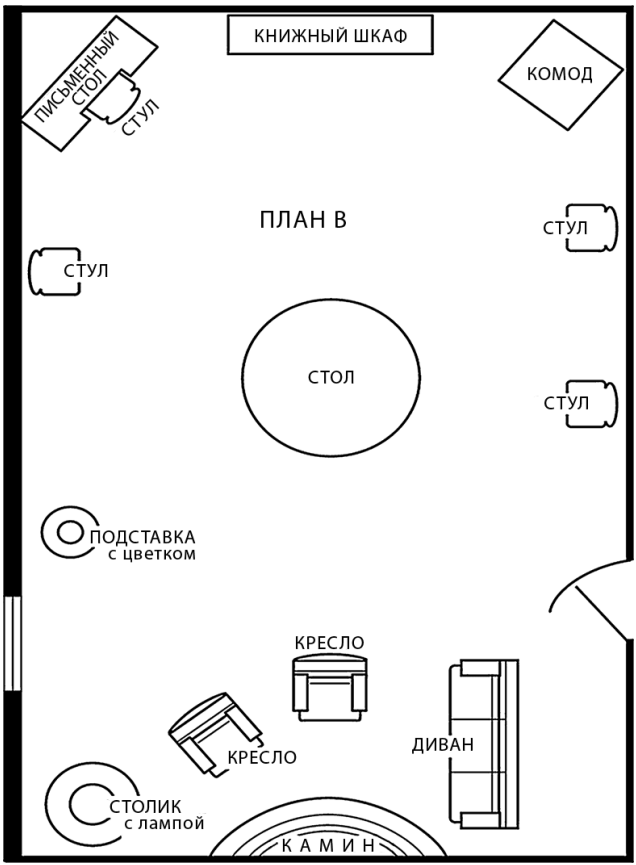
— Ни к чему не прикасаться до приезда инспектора.

Для удобства читателей я прилагаю план комнаты.

Полисмен достал блокнот, послюнил карандаш и выжидательно посмотрел на нас обоих. Я повторил свою историю о том, как обнаружил тело. Записав все — на это ушло некоторое время, — констебль обратил свой взор на доктора.

— Доктор Хейдок, что, по вашему мнению, стало причиной смерти?

— Выстрел в голову с близкого расстояния.


КНИЖНЫЙ ШКАФ
ПИСЬМЕННЫЙ СТОЛ
СТУЛ
КОМОД
ПЛАН В
СТУЛ
СТУЛ
СТОЛ
СТУЛ
ПОДСТАВКА с цветком
КРЕСЛО
КРЕСЛО
ДИВАН
СТОЛИК с лампой
К А М И Н

— А оружие?

— Не могу точно ответить на этот вопрос, пока не извлеку пулю. Но должен сказать, что, по всей вероятности, пуля была выпущена из пистолета малого калибра — к примеру, из «маузера» двадцать пятого калибра.

Я вздрогнул, вспомнив наш вчерашний разговор и слова Лоуренса Реддинга. Полицейский констебль тут же впился в меня своим ледяным, бесстрастным, как у рыбы, взглядом.

— Вы что-то сказали, сэр?

Я покачал головой. Какие бы ни были у меня подозрения, они всего лишь подозрения, поэтому я буду держать их при себе.

— Когда, по-вашему, произошло это трагическое событие?

Доктор поколебался мгновение и ответил:

— Я бы сказал, что этот человек мертв более получаса. Но точно не дольше.

Хёрст повернулся ко мне.

— Горничная что-нибудь слышала?

— Насколько мне известно, ничего, — ответил я. — Но лучше спросите у нее.

В этот момент прибыл инспектор Слак, две мили от Мач-Бенхэма он проехал на машине.

Об инспекторе Слаке я могу сказать немногое, а

именно то, что вряд ли найдется другой человек, столь решительно восстающий против своей фамилии[15]. Этот темноволосый мужчина с цепким взглядом черных глаз отличался неугомонностью и энергичностью, а его манеры — грубостью и крайней властностью.

Он ответил на наши приветствия коротким кивком, взял у своего подчиненного блокнот, внимательно прочитал написанное, тихим голосом обменялся парой фраз с констеблем, затем подошел к телу.

— Как я понимаю, тут все уже заляпали и передвинули, — сказал он.

— Я ни к чему не прикасался, — сказал Хейдок.

— Я тоже, — сказал я.

Инспектор некоторое время сосредоточенно смотрел на вещи, расставленные на столе, и изучал лужицу крови.

— О! — не без торжества воскликнул он. — Вот то, что нам надо. Часы опрокинулись, когда он повалился на стол. Это дает нам точное время преступления. Двадцать две минуты седьмого. Доктор, когда, говорите, наступила смерть?

— Я сказал, примерно полчаса назад, но…

---

[15] Сноски: 15

Slack (*англ.*) — ленивый, вялый, слабый, расхлябанный.

Инспектор посмотрел на свои часы.

— Пять минут восьмого. Меня известили десять минут назад, без пяти семь. Тело обнаружили примерно без четверти семь. Как я понимаю, вас вызвали немедленно. Значит, вы осматривали его минут за десять до… Гм, это дает нам возможность установить время с точностью до секунды!

— Я не ручаюсь за точность, — сказал Хейдок. — Это приблизительная оценка.

— Вполне подходит, сэр, вполне.

Я попытался вставить слово:

— Что касается часов…

— Прошу меня извинить, сэр, я сам задам вам вопросы, которые меня интересуют. У нас мало времени. А сейчас мне нужна абсолютная тишина.

— Да, но я хотел бы предупредить вас…

— Абсолютная тишина, — сказал инспектор, бросая на меня свирепый взгляд.

Я удовлетворил его желание.

— Почему он здесь сидел? — проворчал он себе под нос, продолжая таращиться в письменный стол. — Он хотел написать записку… здравствуйте… а это что?

Инспектор с победным видом поднял на вытянутой руке лист бумаги. Он был так доволен

своей находкой, что даже разрешил нам подойти к нему и изучить ее вместе с ним.

Это был лист почтовой бумаги с эмблемой прихода, и на верхней строчке стояло время: «6:20».

«Дорогой Клемент, – начиналась записка, – *сожалею, дольше ждать не могу, но я должен…»*

На этом почерк превращался в нечитаемые каракули.

— Ясно как день, — радостно объявил инспектор Слак. — Он сидит здесь и пишет вот это, враг тихо входит через окно и стреляет в него. Что еще вам надо?

— Я просто хотел бы сказать… — начал я.

— Соблаговолите отойти в сторону, сэр. Я хочу проверить, есть ли отпечатки подошв. — Полицейский встал на карачки и стал продвигаться к открытому окну.

— Думаю, вы должны иметь в виду… — продолжал упорствовать я.

Инспектор поднялся и заговорил без возмущения, но твердо:

— Мы обсудим все это позже. Я буду крайне обязан вам, джентльмены, если вы уйдете отсюда. Будьте любезны, выйдите вон.

Мы подчинились, смирившись с тем, что нас прогнали, как детей.

Казалось, прошло несколько часов, хотя на самом деле было всего четверть восьмого.

— Ну, — произнес Хейдок, — такие вот дела. Когда этот напыщенный осел захочет увидеться со мной, отправьте его в мой кабинет. До свидания.

— Хозяйка вернулась, — доложила Мэри, на минуту появившись из кухни. Ее округлившиеся глаза возбужденно сияли. — Зашла в дом пять минут назад.

Я нашел Гризельду в гостиной. Вид у нее был испуганный, но не подавленный.

Я все рассказал ей, и она меня внимательно выслушала.

— На записке обозначено время: шесть двадцать, — закончил я. — А часы опрокинулись и остановились в шесть двадцать две.

— Да, — проговорила Гризельда, — но разве ты не сказал ему, что мы всегда ставим их на четверть часа вперед?

— Нет, — ответил я. — Не сказал. Он отказался меня выслушать. Я старался изо всех сил.

Гризельда озадаченно нахмурилась.

— Но послушай, Лен, — сказала она, — ведь с учетом всего этого складывается чрезвычайно

странная ситуация. Потому что, когда часы показывали двадцать минут седьмого, на самом деле было пять минут седьмого, а в пять минут седьмого полковник Протеро еще не пришел к нам в дом.

Глава 6

Мы некоторое время обсуждали ситуацию с часами, но так и не пришли ни к какому выводу. Гризельда сказала, что я должен еще раз попытаться поговорить об этом с инспектором Слаком, но я сомневался в успехе, потому что мог назвать инспектора лишь упрямым ослом, и никак иначе.

Инспектор Слак вел себя недопустимо грубо, хотя надобности в этом не было. Я с нетерпением ждал момента, когда у меня появится возможность внести свою лепту в расследование и тем самым оконфузить его. Вот тогда я в мягкой форме упрекнул бы его: «Если б вы только выслушали меня, инспектор…»

Я рассчитывал, что он хотя бы переговорит со мной, прежде чем уезжать, но, к нашему удивлению, мы узнали от Мэри, что Слак отбыл, предварительно заперев кабинет и отдав приказ, чтобы никто не входил в комнату.

Гризельда собралась идти в Олд-Холл.

— Это, наверное, страшное испытание для Энн Протеро — полиция и все такое, — сказала

она. — Возможно, у меня получится хоть чем-то помочь ей.

Я с энтузиазмом одобрил ее план, и Гризельда отправилась в путь, снабженная инструкцией немедленно звонить мне, если решит, что дамы нуждаются в моем утешении.

После ее ухода я обзвонил учителей воскресной школы — они должны были собраться у меня без четверти восемь для подготовки к занятиям. Такие собрания мы проводили еженедельно, однако сейчас я решил, что при сложившихся обстоятельствах встречу лучше отложить.

Следующим на сцене появился Деннис, вернувшийся с партии в теннис. Тот факт, что в доме произошло убийство, принес ему, по всей видимости, крайнее удовлетворение.

— Как я понимаю, у нас тут убийство! — воскликнул он. — Всегда хотел оказаться в центре таких событий. Почему полиция заперла кабинет? А другой ключ к двери не подойдет?

Я категорически запретил предпринимать нечто подобное. Деннис с явной неохотой подчинился. Вытянув из меня все до мельчайших подробностей, он отправился в сад искать следы, при этом бодро заметив, что нам повезло — убили только старика Протеро, которого все терпеть

не могли.

Его веселое бездушие действовало мне на нервы, однако я сказал себе, что придираюсь к мальчику. В возрасте Денниса любое детективное расследование — интереснейшее событие в жизни, и настоящее преступление с трупом, так сказать, на пороге способно доставить любому здравомыслящему подростку массу удовольствия. Смерть мало что значит для шестнадцатилетнего мальчишки.

Гризельда вернулась примерно через час. Она увиделась с Энн Протеро сразу после того, как у вдовы побывал инспектор и сообщил ей горестную весть.

Выяснив, что миссис Протеро в последний раз видела своего мужа в деревне без четверти шесть и что она не располагает никакими сведениями, которые могли бы пролить свет на расследование, Слак отбыл восвояси и пообещал вернуться завтра для более подробного разговора.

— Он вел себя вполне благопристойно, — с неохотой сказала Гризельда.

— Как миссис Протеро приняла известие? — спросил я.

— Ну… она была очень спокойна… но она всегда спокойна.

— Да, — сказал я. — Не могу представить, чтобы Энн Протеро забилась в истерике.

— Естественно, известие стало для нее шоком. Это было видно. Она поблагодарила меня за то, что я пришла, и я спросила, что могу для нее сделать, но она выразила мне признательность и сказала, что я ничем ей помочь не могу.

— Как насчет Леттис?

— Ее не было дома, она где-то играла в теннис и еще не вернулась. — Наступила пауза, потом Гризельда сказала: — Между прочим, Лен, она была очень спокойна — что чрезвычайно странно.

— Шок, — предположил я.

— Да… наверное. И все же… — Гризельда в задумчивости нахмурилась. — Почему-то на шок это было мало похоже. Мне кажется, она была не столько шокирована, сколько… гм… испугана.

— Испугана?

— Да… хотя и не показывала этого. Во всяком случае, не хотела показывать. Вот только взгляд у нее был странный, настороженный. Интересно, Энн догадывается, кто убил его? Она все спрашивала и спрашивала у меня, есть ли подозреваемые.

— Вот как? — задумчиво произнес я.

— Да. Конечно, Энн великолепно умеет вла-

деть собой, но любой увидел бы, что она ужасно расстроена. Даже сильнее, чем я предположила бы, — ведь она как-никак не испытывала к нему особой любви. Думаю, он вызывал у нее неприязнь, хотя допускаю, что неприязнь — это слишком слабо сказано.

— Смерть иногда меняет отношение, — сказал я.

— Да, наверное.

Вошел Деннис и радостно сообщил, что нашел отпечаток чьей-то ноги на цветочной клумбе. Он был уверен, что полиция пропустила его и что этот след станет поворотной точкой в расследовании.

Я провел беспокойную ночь. Деннис встал и ушел задолго до завтрака, намереваясь «изучить последние результаты», как он выразился.

Однако новость, причем сенсационную, принес не он, а Мэри.

Мы только-только сели завтракать, когда она ворвалась в комнату, раскрасневшаяся, с горящими глазами, и со своей обычной бесцеремонностью обратилась к нам:

— Вы не поверите! Мне сейчас рассказал пекарь. Арестовали молодого мистера Реддинга.

— Лоуренса арестовали? — с изумлением

воскликнула Гризельда. — Невозможно. Это наверняка какая-то чудовищная ошибка.

— Никакой ошибки, мэм, — с долей злорадства заявила Мэри. — Мистер Реддинг сам к ним пришел и сдался. Вчера вечером, перед сном. Вошел, бросил пистолет на стол и сказал: «Это сделал я». Вот так.

Она оглядела нас обоих, кивнула и удалилась, удовлетворенная произведенным эффектом. Мы с Гризельдой переглянулись.

— Ох, этого не может быть, — сказала жена. — Этого просто не может быть. — Заметив, что я молчу, она спросила: — Лен, ты тоже считаешь, что этого не может быть?

Я обнаружил, что мне трудно дать ей ответ, и продолжал молчать, при этом у меня в голове роились всякие мысли.

— Он, должно быть, помешался, — сказала Гризельда. — Сошел с ума. Или ты думаешь, что они вдвоем разглядывали пистолет и тот случайно выстрелил?

— Такое мне кажется маловероятным.

— Но это наверняка была случайность. Потому что у него нет и намека на мотив. Что, ради всего на свете, могло заставить Лоуренса пойти на убийство полковника Протеро?

Я мог бы ответить на этот вопрос со всей определенностью, но решил как можно дольше оберегать честь Энн Протеро. Я надеялся, что еще есть шанс оградить ее доброе имя.

— Не забывай, они поссорились, — напомнил я.

— Из-за Леттис и ее купального костюма. Да, но это же абсурд, даже если они с Леттис тайно обручились… нет, это не повод убивать ее отца.

— Мы не знаем всех истинных фактов.

— Но ты веришь в это, Лен! Как ты можешь! Я говорю тебе: я уверена, что Лоуренс не прикасался к нему.

— Не забывай, я встретил его у калитки. Он был похож на сумасшедшего.

— Да, но… ох! Это невозможно.

— А еще часы, — сказал я. — Все это объясняет историю с часами. Должно быть, Лоуренс перевел их на шесть двадцать, решив обеспечить себе алиби. И посмотри, как быстро инспектор Слак попался в ловушку.

— Лен, ты ошибаешься. Лоуренс знал, что часы спешат. «Помогают викарию поспевать вовремя!» — часто повторял он. Лоуренс никогда не совершил бы такую ошибку, не перевел бы часы на шесть двадцать две. Он перевел бы стрелки на

какое-нибудь другое время — например, на без четверти семь.

— Возможно, он не знал, в котором часу Протеро пришел сюда. Или, вероятно, он просто забыл, что часы спешат.

Гризельда не согласилась со мной.

— Нет, если б человек задумал убийство, он позаботился бы о любой мелочи.

— Ты не можешь этого знать, дорогая, — мягко возразил я. — Ты никогда его не совершала.

Прежде чем Гризельда успела ответить, на наш стол упала тень и мягкий голос произнес:

— Надеюсь, я не помешала. Вы должны простить меня. Но при столь печальных обстоятельствах… очень печальных обстоятельствах…

Это была наша соседка, мисс Марпл. Выслушав наше вежливое уверение, что мы ничего не имеем против, она прошла в комнату через окно, и я подвинул ей стул. Ее щеки окрашивал румянец, а выглядела она слегка возбужденной.

— Ужасно, не так ли? Бедный полковник Протеро… Возможно, он был не самой приятной личностью и не пользовался всеобщей любовью, однако от этого событие не становится менее прискорбным. Как я понимаю, его убили выстрелом здесь, в кабинете?

Я ответил, что все произошло именно так.

— Но нашего дорогого викария в это время здесь не было? — осведомилась мисс Марпл у Гризельды.

Я объяснил, где находился.

— А где мистер Деннис? Почему он не с вами? — спросила мисс Марпл, оглядываясь по сторонам.

— Деннис, — ответила Гризельда, — вообразил себя сыщиком-любителем. Он очень обрадовался, когда нашел отпечаток чьей-то ноги на клумбе и, я думаю, отправился докладывать об этом полиции.

— Ах, боже мой, — проговорила мисс Марпл. — Сколько хлопот, не правда ли? И мистер Деннис считает, что знает, кто совершил преступление. Ну, полагаю, мы все так думаем.

— Вы имеете в виду, что это очевидно? — спросила Гризельда.

— Нет, дорогая. Я не это имела в виду. Я бы сказала, что все рассматривают разных людей в качестве убийцы. Вот поэтому так важно иметь *доказательства.* Я, к примеру, абсолютно убеждена, что знаю, кто совершил убийство. Но должна признать, что у меня нет ни намека на доказательства. Сейчас настало такое время, когда нужно с особым вниманием — я в этом

уверена — следить за тем, что говоришь, ведь клевета уголовно наказуема, не так ли? Я приняла решение соблюдать особую осторожность в общении с инспектором Слаком. Он предупредил, что сегодня утром приедет повидаться со мной, но сейчас позвонил и сказал, что надобность в этом отпала.

— Надобность отпала потому, что, как я понимаю, преступник арестован, — сказал я.

— Арестован? — Мисс Марпл подалась вперед, в ее глазах вспыхнул огонек любопытства. — Я не знала, что кого-то уже арестовали.

Это такая большая редкость, когда мисс Марпл осведомлена о чем-то хуже, чем мы, поэтому я ничтоже сумняшеся думал, что она в курсе подвижек в деле.

— Мне кажется, наши мысли идут в разных направлениях, — сказал я. — Да, преступника арестовали — это Лоуренс Реддинг.

— Лоуренс Реддинг? — Мисс Марпл выглядела чрезвычайно удивленной. — Никогда бы не подумала…

— Я даже сейчас в это не верю, — с горячностью перебила ее Гризельда. — Нет, никогда не поверю, хотя он взял и признался.

— Признался? — произнесла мисс Марпл. — Вы

говорите, он признался? О господи, теперь я вижу, что зашла в тупик… я в полнейшем недоумении.

— Я не могу избавиться от ощущения, что все это какое-то нелепое стечение обстоятельств, — сказала Гризельда. — Ты согласен со мной, Лен? Я имею в виду, что именно так выглядит его сдача полиции.

Мисс Марпл еще сильнее подалась вперед.

— Он сам сдался, говорите?

— Да.

— Ох! — глубоко вздохнула мисс Марпл. — Я так рада… я очень рада.

Я посмотрел на нее с некоторым удивлением.

— Полагаю, это свидетельствует о глубоком раскаянии, — сказал я.

— Раскаянии? — Удивление мисс Марпл было гораздо сильнее моего. — Ах, мой дорогой викарий, неужели вы действительно думаете, что он виновен?

Моему изумлению не было предела.

— Но если он признался…

— Да, однако это еще одно доказательство, не так ли? Я имею в виду, доказательство того, что он тут ни при чем.

— Не так, — сказал я. — Возможно, я и глуп, но я не понимаю, как это доказывает его невинов-

ность. Если человек не совершал убийство, я не могу взять в толк, зачем ему делать вид, будто он его совершил.

— О, для этого есть причина! — заявила мисс Марпл. — Это же так естественно. Причина есть всегда, не так ли? А молодые люди такие импульсивные и часто склонны верить в худшее… — Она повернулась к Гризельде. — Вы согласны со мной, дорогая?

— Я… я не знаю, — пробормотала моя жена. — Мне трудно решить, что думать. Я не представляю, по какой причине Лоуренс мог пойти на столь идиотский шаг.

— Если б вы вчера видели его лицо… — начал я.

— А вы расскажите, — предложила мисс Марпл.

Я описал обстоятельства, при которых вернулся домой, и она все внимательно выслушала. Когда я закончил, она сказала:

— Знаю, я часто веду себя глупо и воспринимаю вещи не так, как должна бы, но я все равно не понимаю, к чему вы клоните. Мне кажется, что если б молодой человек принял решение совершить злодеяние и отнять жизнь у своего ближнего, последствия не привели бы его в смя-

тение. Злодеяние было бы совершено обдуманно и хладнокровно, и даже если б убийца немного разволновался и сделал мелкие ошибки, вряд ли он впал бы в то самое состояние крайнего возбуждения, которое вы описываете. Трудно ставить себя на место другого человека, но я не могу представить, какие обстоятельства вынудили бы меня впасть в такое состояние.

— Мы не знаем обстоятельств, — согласился я. — Если была ссора, Лоуренс мог выстрелить сгоряча, а потом ужаснуться тому, что натворил. И в самом деле, я предпочитаю думать, что все именно так и произошло.

— Мой дорогой мистер Клемент, есть много точек зрения, с которых мы предпочитаем смотреть на вещи. Но человек должен принимать факты такими, какие они есть, верно? А в данном случае, мне кажется, факты окрашены в тот тон, который им придает ваша интерпретация. Ваша горничная недвусмысленно заявила, что мистер Реддинг побыл в доме не больше двух минут, то есть не настолько долго, чтобы затеять ссору, которую вы описываете. И еще: как я понимаю, полковник Протеро был убит выстрелом в затылок, когда писал записку, — во всяком случае, мне так рассказала моя горничная.

— Абсолютно верно, — сказала Гризельда. — Он, по всей видимости, писал записку, в которой сообщал, что дольше ждать не может. На записке было проставлено время шесть двадцать, а часы на столе опрокинулись и остановились на шести двадцати двух, и именно это так сильно озадачило Лена и меня.

Она рассказала о нашей привычке ставить часы на пятнадцать минут вперед.

— Очень любопытно, — сказала мисс Марпл. — И в самом деле, очень любопытно… Однако записка кажется мне еще более любопытной. Я имею в виду…

Она замолчала и обернулась. По ту сторону окна стояла Леттис Протеро. Девушка вошла, кивнула нам и произнесла:

— Доброе утро. — Упав в кресло, она более оживленно, чем обычно, сказала: — Как я слышала, Лоуренса арестовали.

— Да, — подтвердила Гризельда. — Для нас это стало страшным шоком.

— Никогда не думала, что кто-то все же убьет отца, — заявила Леттис. Было совершенно очевидно: она гордится тем, что в ее поведении нет ни намека на скорбь или другие эмоции. — Многие хотели бы, я уверена. Временами мне и самой

хотелось.

— Леттис, желаешь что-нибудь съесть или выпить? — спросила Гризельда.

— Нет, спасибо. Я тут гуляла и зашла узнать, не видели ли вы мой берет — такой забавный, маленький, желтый… Думаю, я вчера оставила его в кабинете.

— Если и оставила, то он все еще там, — сказала Гризельда. — Мэри никогда ничего не убирает.

— Пойду посмотрю, — сказала Леттис, вставая. — Извините за беспокойство, но я постоянно теряю головные уборы.

— Боюсь, туда сейчас нельзя, — сказал я. — Инспектор Слак запер комнату.

— Ой, вот неудача! А можно пробраться туда через окно?

— Боюсь, что нет. Оно заперто изнутри. А тебе, Леттис, не кажется, что сейчас не время носить желтый берет?

— Вы в смысле траура и всего такого? Я не стану утруждать себя трауром. Я вообще считаю эту идею архаичной. А вот с Лоуренсом получилась неприятность… да, неприятность. — Она вдруг в задумчивости замерла и нахмурилась. — Думаю, все из-за меня и моего купального костюма. Какая глупость вся эта история…

Гризельда открыла было рот, собираясь что-то сказать, но по какой-то необъяснимой причине тут же закрыла его.

На губах Леттис появилась странная улыбка.

— Думаю, — тихо проговорила она, — я пойду домой и расскажу Энн о том, что Лоуренса арестовали.

Она снова прошла через окно.

— Зачем вы наступили мне на ногу? — спросила Гризельда у мисс Марпл.

Старушка улыбалась.

— Я подумала, что вы хотите что-то сказать, моя дорогая. А часто гораздо полезнее позволить событиям развиваться по своему пути. Я, знаете ли, сомневаюсь, что девочка настолько рассеянна, насколько хочет казаться. У нее абсолютно четкий взгляд на жизнь, и она действует в соответствии с ним.

Мэри громко постучала в дверь столовой и сразу вошла.

— В чем дело? — спросила Гризельда. — Кстати, Мэри, ты все время забываешь, что не надо стучаться. Я много раз тебе об этом говорила.

— Думала, вы заняты, — ответила Мэри. — Пришел полковник Мелчетт. Хочет видеть хозяина.

Полковник Мелчетт — это главный констебль,

начальник полиции нашего графства. Я сразу встал.

— Я думала, вам не понравится, если я оставлю его в холле, поэтому я провела его в гостиную, — продолжала Мэри. — Убирать со стола?

— Пока нет, — сказала Гризельда. — Я позвоню.

Она заговорила с мисс Марпл, а я вышел из комнаты.

Глава 7

Полковник Мелчетт — франт небольшого роста с привычкой внезапно и неожиданно всхрапывать. У него рыжие волосы и внимательные ярко-голубые глаза.

— Доброе утро, викарий, — поздоровался он. — Грязное дело, а? Бедняга старик Протеро… Не то чтобы он мне нравился. Нет, я не испытывал к нему теплых чувств. Его никто не любил, между прочим. Да и для вас масса неприятных хлопот… Надеюсь, ваша жена не сильно расстроилась?

Я ответил, что Гризельда восприняла новость стойко.

— Вот и хорошо. Мерзко, когда такое происходит в чьем-то доме. Должен признаться, молодой Реддинг меня удивил — взять да застрелить в кабинете… Не заботясь ни о чьих чувствах…

На меня накатило дикое желание расхохотаться, но полковник Мелчетт, вероятно, считал вполне естественной заботу преступника о чувствах окружающих, поэтому я сдержался.

— Должен сказать, что я был здорово ошарашен, когда этот парень пришел и сдался, — продолжал

главный констебль, усаживаясь в кресло.

— А как все произошло?

— Вчера вечером примерно в десять входит этот парень, бросает пистолет и говорит: «Вот он я. Это я убил». Прямо так.

— А как он все объяснил?

— Да практически никак. Его, естественно, предупредили насчет показаний. Но он лишь рассмеялся. Сказал, что пришел повидать вас, а нашел здесь Протеро. Они поговорили, и он пристрелил его. Отказывается говорить, из-за чего была ссора. Послушайте, Клемент, только строго между нами, вам что-нибудь известно? До меня доходили слухи, будто ему запретили появляться в доме и все такое. Что там было? Он соблазнил дочку или что? Мы не хотим втягивать девочку больше, чем это необходимо для общего блага. Так в этом было дело?

— Нет, — ответил я. — Поверьте мне на слово: дело было абсолютно в другом. Это все, что я могу сказать в сложившихся обстоятельствах.

Полковник кивнул и встал.

— Рад слышать. А то уж больно много разговоров. В наших краях слишком много женщин… Что ж, мне пора. Я должен увидеться с Хейдоком. Его вызвали к какому-то больному, но сейчас, ду-

маю, он уже вернулся. Я не боюсь признаться вам в том, что мне жаль Реддинга. Он всегда казался мне приличным парнем. Наверное, его как-то можно будет защитить. Последствия войны, контузия или что-то в этом роде. Особенно если не обнаружится путного мотива… Я должен идти. Хотите со мной?

Я ответил, что с удовольствием, и мы отправились в путь.

Дом Хейдока расположен по соседству. Его слуга сообщил, что доктор только сейчас пришел, и провел нас в столовую. Хейдок сидел за столом над горячей яичницей с беконом. Нас он поприветствовал дружелюбным кивком.

— Прошу прощения, что вынужден был уйти. Роды. Я всю ночь работал над вашим делом. Достал для вас пулю.

Он указал на маленькую коробочку на столе. Мелчетт принялся рассматривать ее.

— Двадцать пятый?

Хейдок кивнул.

— Технические детали я оставляю следствию, — сказал он. — Вам же наверняка хочется знать, была ли смерть мгновенной… Вот глупец, ради чего он это сделал? Кстати, примечательно, что никто не слышал выстрел.

— Да, — согласился Мелчетт, — меня это тоже удивляет.

— Окно кухни выходит на противоположную сторону дома, — сказал я. — Если двери в кабинет, в кладовку и на кухню закрыты, вряд ли можно что-то услышать; к тому же в доме не было никого, кроме горничной.

— Гм, — произнес Мелчетт. — И все же это странно. Меня удивляет, что та старушка — как ее зовут, Марпл? — тоже ничего не слышала. Ведь в кабинете было открыто окно.

— Может, и слышала, — сказал Хейдок.

— Сомневаюсь, — покачал головой я. — Она только сегодня была у нас и не говорила ничего такого, а я уверен: она обязательно рассказала бы, если б было что рассказывать.

— Может, слышала, но не обратила внимания, решила, что это автомобильный выхлоп.

Я вдруг осознал, что сегодня утром Хейдок на удивление оживлен и весел. Казалось, он пытается ради приличий подавить хорошее настроение.

— А если на оружии был глушитель? — добавил доктор. — Это вполне вероятно. Никто бы ничего не услышал.

Мелчетт покачал головой.

— Слак не нашел ничего такого рода. Он спросил у Реддинга, а тот, судя по всему, сначала не понял, о чем речь, а потом принялся горячо утверждать, что не пользовался никакими глушителями. Думаю, ему можно верить.

— Да, в самом деле… Бедняга.

— Чтоб ему пусто было, этому молодому дураку, — сказал полковник Мелчетт. — Простите, Клемент. Но он действительно дурак! Ни у кого в голове не укладывается, что он убийца.

— А мотивы? — спросил Хейдок, допивая кофе и отодвигаясь от стола.

— Говорит, что они поссорились, он потерял голову и выстрелил.

— Надеется, что убийство сочтут непредумышленным, да? — Доктор сокрушенно покачал головой. — Все это неубедительно. Он встал позади Проперо, когда тот писал, и выстрелил в голову. Уж больно бурная реакция на «ссору».

— По сути, на настоящую ссору у них не было времени, — сказал я, вспомнив слова мисс Марпл. — На то, чтобы подкрасться к нему, выстрелить, перевести стрелки часов на шесть двадцать и уйти — на это у него ушло бы все время. Я никогда не забуду, какое у него было лицо, когда я встретил его у калитки. «У вас назначе-

на встреча с Протеро? О, вот вы и встретитесь с ним...» Одно это должно было навести меня на подозрения — я сразу должен был догадаться, что именно произошло всего несколько минут назад.

Хейдок уставился на меня.

— В каком смысле — всего несколько минут назад? Когда, по-вашему, Реддинг выстрелил в него?

— За несколько минут до моего возвращения домой.

Доктор энергично замотал головой.

— Невозможно. Абсолютно невозможно. Он был мертв значительно дольше.

— Но вы же сами говорили, друг мой, что полчаса — это лишь приблизительная оценка! — воскликнул полковник Мелчетт.

— Полчаса, тридцать пять минут, двадцать пять минут, двадцать минут — возможно, но не меньше, точно. Ведь иначе тело было бы еще теплым, когда я осматривал его.

Мы изумленно уставились друга на друга. Лицо Хейдока изменилось, оно вдруг стало серым, он словно постарел в одно мгновение. И эта резкая перемена крайне удивила меня.

— Но послушайте, Хейдок, — наконец-то обрел

дар речи полковник. — Если Реддинг утверждает, что выстрелил в него без четверти семь…

Хейдок вскочил на ноги.

— Я говорю вам, что это невозможно! — проорал он. — Если Реддинг утверждает, что убил Протеро без четверти семь, значит, он лжет. Тьфу ты, господи, ну я же врач, я знаю, о чем говорю! Кровь начала свертываться.

— Если Реддинг лжет… — начал Мелчетт и, замолчав, покачал головой. — Полагаю, нам стоит пойти в полицию и увидеться с ним.

Глава 8

Всю дорогу до полицейского участка мы молчали. Хейдок придержал меня и, когда мы немного отстали от Мелчетта, тихо проговорил:

— Мне, знаете ли, не нравится, как все это выглядит. Совсем не нравится. Есть нечто такое, чего мы не понимаем.

Вид у него был чрезвычайно обеспокоенный и расстроенный.

В участке находился инспектор Слак, и вскоре перед всеми нами собственной персоной предстал Лоуренс Реддинг. Бледный и напряженный, он, однако, прекрасно владел собой — вот удивительно, подумал я, если учесть сложившиеся обстоятельства. Мелчетт всхрапывал и хмыкал, явно нервничая.

— Послушайте, Реддинг, — заговорил он, — как я понимаю, вы сделали заявление инспектору Слаку. Вы утверждаете, что пришли в дом викария примерно в шесть сорок пять, обнаружили там Протеро, поругались с ним, выстрелили в него и ушли. Я не перечитываю ваше заявление, просто излагаю суть.

— Да.

— Я хочу задать вам несколько вопросов. Вас уже предупредили, что вы не обязаны отвечать на них и можете делать это только добровольно. Ваш адвокат…

Лоуренс перебил его:

— Мне нечего скрывать. Протеро убил я.

— Ох! Ладно. — Мелчетт всхрапнул. — Как у вас с собой оказался пистолет?

Лоуренс заколебался.

— Он лежал у меня в кармане.

— Вы взяли его с собой, когда пошли к викарию?

— Да.

— Зачем?

— Я всегда беру его с собой.

Реддинг опять колебался, прежде чем ответить, и для меня это стало четким доказательством того, что он лжет.

— Зачем вы перевели часы назад?

— Часы? — Вопрос явно озадачил его.

— Да, стрелки указывали на шесть двадцать две.

На его лице вдруг отразился страх.

— Ах, это… да. Я… я перевел их.

Тут неожиданно заговорил Хейдок:

— Куда вы стреляли?

— В полковника Протеро.

— Я имею в виду, в какую часть тела?

— Ох… я… кажется, в голову. Да, в голову.

— Вы сомневаетесь?

— Я не вполне понимаю, зачем вам понадобилось спрашивать меня об этом.

Это была слабая попытка взбунтоваться. Снаружи послышался шум. Вошел констебль без шлема и принес письмо.

— Для викария. Сказали, что срочно.

Я вскрыл письмо и прочитал:

> *Прошу вас, умоляю, придите ко мне. Я не знаю, что делать. Все так ужасно… Я хочу кому-то рассказать. Прошу вас, приходите немедленно и приведите с собой кого-нибудь, кого хотите. Энн Протеро.*

Я бросил на Мелчетта многозначительный взгляд. Он понял намек. Мы все вместе вышли из участка. Оглянувшись, я успел увидеть лицо Лоуренса Реддинга. Его взгляд был прикован к листку у меня в руке, и я впервые в жизни видел у человека такой жуткий, полный муки и отчаяния взгляд.

Я вспомнил, как Энн Протеро, сидя у меня на диване, сказала: «Я в безвыходном положении», и у меня сжалось сердце. Теперь я понял причину героического самопожертвования Лоуренса Протеро. Тем временем Мелчетт говорил Слаку:

— Вы получили сведения о передвижениях Реддинга в тот день? Есть основания считать, что он убил Протеро раньше, чем говорит. Займитесь этим, хорошо?

Он повернулся ко мне, и я молча протянул ему письмо Энн Протеро. Полковник прочитал его и изумленно приоткрыл рот. Затем вопросительно посмотрел на меня.

— Вы на это намекали утром?

— Да. Я сомневался, должен рассказывать или нет. Сейчас же я уверен. — И я рассказал ему о том, что видел вечером в студии.

Полковник перекинулся парой слов с инспектором, и мы отправились в Олд-Холл. Доктор Хейдок пошел с нами.

Дверь открыл исключительно учтивый дворецкий, мрачный ровно настолько, насколько ему надлежало.

— Доброе утро, — сказал Мелчетт. — Будьте любезны, попросите горничную миссис Протеро сообщить госпоже о нашем приходе и доложить

ей, что мы хотели бы видеть ее, а потом вернитесь сюда и ответьте на несколько вопросов.

Дворецкий поспешил прочь и, вернувшись, сообщил, что хозяйке все передали.

— А теперь поговорим о вчерашнем дне, — сказал главный констебль. — Ваш хозяин в обед был дома?

— Да, сэр.

— Он был в обычном настроении?

— Да, насколько я видел, сэр.

— Что случилось потом?

— После обеда миссис Протеро ушла отдохнуть, а полковник удалился в кабинет. Мисс Леттис в двухместном автомобиле уехала играть в теннис. В четыре тридцать полковник и миссис Протеро пили чай в гостиной. На пять тридцать была заказана машина — они собирались ехать в деревню. Сразу после их отъезда позвонил мистер Клемент, — он поклонился мне. — Я сообщил ему, что они уехали.

— Гм, — произнес полковник Мелчетт. — А когда в последний раз здесь был мистер Реддинг?

— Во вторую половину дня вторника, сэр.

— Как я понимаю, между ними случилась размолвка.

— По всей видимости, сэр. Полковник отдал

мне приказ о том, чтобы в будущем мистера Реддинга не пускали на порог.

— Вы подслушивали их ссору? — напрямик спросил полковник.

— Полковник Протеро, сэр, обладал очень громким голосом, особенно когда гневался. Я не мог не слышать, как они ссорятся, до меня долетали те или иные слова.

— Вам их было достаточно, чтобы уяснить причину ссоры?

— Как я понял, сэр, это имело отношение к тому портрету, который писал мистер Реддинг, — к портрету мисс Леттис.

Мелчетт всхрапнул.

— Вы видели, как мистер Реддинг уходил?

— Да, сэр. Я проводил его.

— Он был зол?

— Нет, сэр, я бы даже сказал, что он был приятно удивлен.

— О! А вчера он приходил сюда?

— Нет, сэр.

— А кто-нибудь приходил?

— Не вчера, сэр.

— А позавчера?

— Днем пришел мистер Деннис Клемент. Еще приходил доктор Стоун, пробыв здесь некоторое

время. Вечером приходила одна дама.

— Дама? — удивился Мелчетт. — Кто такая?

Дворецкий не смог вспомнить ее имени. Он видел эту даму впервые. Да, она назвалась, и когда он сказал ей, что члены семьи ужинают, она сказала, что подождет. И тогда он проводил ее в малую гостиную. Она спрашивала полковника Протеро, а не миссис Протеро. Он передал это хозяину, и тот сразу после ужина пошел в малую гостиную.

Как долго та дама побыла в доме? Примерно полчаса, ответил дворецкий. Полковник самолично проводил ее до двери. Ох, да, он вспомнил ее имя. Даму звали миссис Лестрендж.

Это был сюрприз.

— Любопытно, — проговорил Мелчетт. — Очень любопытно.

Однако мы не стали обсуждать эту новость, так как нам сообщили, что миссис Протеро готова принять нас.

Энн лежала в кровати. Она была бледна, ее глаза лихорадочно блестели. Меня озадачило выражение на ее лице — своего рода мрачная решимость. Она заговорила, обращаясь ко мне:

— Благодарю вас за то, что пришли незамедлительно. Я вижу, что вы правильно поняли мои

слова о том, чтобы вы взяли с собой кого-нибудь, кого сочтете нужным. — Она замолчала. — Лучше сразу перейти к сути, не так ли? — сказала она и улыбнулась странной, чуть трогательной улыбкой. — Полагаю, вы, полковник Мелчетт, — тот самый человек, кому я обязана все сообщить. Дело в том, что это я убила своего мужа.

— Моя дорогая миссис Протеро… — мягко произнес начальник полиции.

— О, все это истинная правда. Боюсь, я высказалась слишком прямолинейно, но я не склонна к истерикам по какому-либо поводу. Я давно ненавидела его и вчера убила. — Она откинулась на подушки и закрыла глаза. — Это всё. Полагаю, вы арестуете меня и увезете. Как только у меня появятся силы, я встану и оденусь. А сейчас мне очень плохо.

— Миссис Протеро, вам известно, что мистер Реддинг уже признался в совершении этого преступления?

Энн открыла глаза и энергично кивнула.

— Знаю. Глупый мальчишка. Он влюблен в меня. Очень благородно с его стороны — и очень глупо.

— Он знал, что это вы совершили преступление?

— Да.

— Откуда он узнал? — Она заколебалась. — Это вы рассказали ему?

Энн Протеро продолжала колебаться, потом, видимо, приняла решение:

— Да… это я рассказала ему… — Она раздраженно повела плечами. — Вы могли бы уйти? Я уже все сказала. Я больше не желаю об этом говорить.

— Миссис Протеро, где вы взяли пистолет?

— Пистолет?.. Ах, это был пистолет моего мужа. Я достала его из ящика комода.

— Ясно. И вы принесли его с собой в дом викария?

— Да. Я знала, что он будет там…

— В котором часу это было?

— Должно быть, после шести… в четверть… двадцать минут седьмого… что-то вроде этого.

— Вы взяли пистолет, намереваясь застрелить своего мужа?

— Нет… я… предназначала его для себя.

— Ясно. Но вы все равно пошли к викарию?

— Да. Я подошла к окну. Никаких голосов слышно не было. Я заглянула. И увидела своего мужа. На меня что-то нашло… и я выстрелила.

— А потом?

— Потом?.. Ах, потом я ушла.

— И рассказали мистеру Реддингу о том, что совершили?

Я опять заметил, что она заколебалась, прежде чем ответить:

— Да.

— Кто-нибудь видел, как вы входили в сад викария или выходили оттуда?

— Нет… хотя да. Старая мисс Марпл. Я поговорила с ней несколько минут. Она была в своем саду. — Энн вдруг беспокойно заметалась по подушкам. — Разве этого мало? Я все рассказала вам. Почему вы продолжаете мучить меня?

Доктор Хейдок подошел к ней и проверил пульс, затем вернулся к Мелчетту.

— Я побуду с ней, — прошептал он, — а вы займитесь организационными вопросами. Ее нельзя оставлять одну. Может навредить себе.

Полковник кивнул.

Мы вышли на лестничную площадку и спустились вниз. Я увидел, как из соседней со спальней миссис Протеро комнаты вышел тощий, бледный как мертвец мужчина. Поддавшись импульсу, я поспешил наверх.

— Вы камердинер полковника Протеро?

На лице мужчины отразилось удивление.

— Да, сэр.

— Вам известно, где ваш господин хранил пистолет?

— Нет, сэр, не знаю.

— А не в ящике ли комода? Постарайтесь вспомнить.

Камердинер решительно покачал головой.

— Я абсолютно уверен, что не там. Я никогда его там не видел. Увидел бы, если б он там был.

Я побежал вниз, к остальным.

Миссис Протеро солгала насчет пистолета.

Зачем?

Глава 9

Оставив в полицейском участке отчет о вновь открывшихся обстоятельствах, главный констебль заявил о своем намерении посетить мисс Марпл.

— Будет лучше, викарий, если вы пойдете со мной, — сказал он. — Я не хочу стать причиной истерики у одной из ваших прихожанок. Так что мне очень понадобится ваше успокаивающее присутствие.

Я улыбнулся. Несмотря на внешнюю хрупкость, мисс Марпл способна постоять за себя перед любым полисменом, даже если он начальник полиции.

— Что она собой представляет? — спросил полковник, когда мы позвонили в дверь. — Можно верить тому, что она говорит?

Я задумался, затем осторожно сказал:

— Полагаю, она вполне заслуживает доверия. В частности, в отношении того, что она видела. А вот что до ее умозаключений — тут совсем другое дело. У нее живейшее воображение, и она всегда думает обо всех только худшее.

— То есть типичная старая дева, — со смехом заключил Мелчетт. — Я уже давно раскусил эту породу… Господи, сплошные чаепития!

Дверь нам открыла крохотная горничная и проводила нас в маленькую гостиную.

— Как-то уж слишком тут всего, — сказал полковник Мелчетт, оглядываясь вокруг. — Но много замечательных вещей. Комната истинной леди, да, Клемент?

Я согласился, и в этот момент дверь открылась и в гостиную вошла мисс Марпл.

— Сожалею, что вынужден беспокоить вас, мисс Марпл, — заговорил полковник, когда я представил его. Он в одно мгновение превратился в грубоватого служаку, так как считал, что такие манеры нравятся пожилым дамам. — Но я, как вы понимаете, исполняю свой долг.

— Конечно, конечно, — сказала мисс Марпл. — Отлично понимаю. Прошу вас, присаживайтесь. Позвольте предложить вам по стаканчику шерри-бренди. Собственного изготовления. По рецепту моей бабушки.

— Большое спасибо, мисс Марпл. Очень любезно с вашей стороны. И все же я откажусь. Ни капли до обеда — вот мой девиз. А теперь я хотел бы поговорить с вами об этом печальном

событии — действительно очень печальном. Не сомневаюсь, мы все чрезвычайно расстроены. Я не исключаю возможности, что вы, учитывая расположение вашего дома и сада, могли бы рассказать нам кое-что о вчерашнем вечере.

— Между прочим, я и в самом деле была в своем садике с пяти часов вечера, и, естественно, оттуда… в общем, нельзя не увидеть то, что происходит у соседей.

— Как я понимаю, мисс Марпл, миссис Протеро проходила мимо вас вчера вечером?

— Да, проходила. Я окликнула ее, и она полюбовалась моими розами.

— Вы могли бы сообщить нам, в котором часу это было?

— Думаю, это было через минуту или две после четверти седьмого. Да, именно так. Часы на церкви только что пробили четверть.

— Очень хорошо. Что произошло дальше?

— Ну, миссис Протеро сказала, что спешит к своему мужу, который находится у викария, и хочет вместе с ним вернуться домой. Она, понимаете ли, пришла по аллее, зашла на участок викария через калитку и пошла по саду.

— Она пришла по аллее?

— Да, я вам покажу.

Горя желанием помочь, мисс Марпл вывела нас в сад и указала на улочку, которая тянулась вдоль ограды ее сада.

— А вон там, по другую сторону, тропинка с приступкой у ограды, ведет в Холл, — пояснила она. — Этой тропинкой они собирались вместе идти домой. Миссис Протеро пришла из деревни.

— Прекрасно, прекрасно, — пробормотал полковник Мелчетт. — И она пошла прямиком к дому викария, говорите?

— Да. Я видела, как она обогнула угол дома. Думаю, полковник еще не пришел, потому что она почти сразу вернулась и направилась по лужайке к студии… вон к тому строению. Там викарий разрешил мистеру Реддингу устроить студию.

— Ясно. А… мисс Марпл, вы слышали выстрел?

— Тогда я никакого выстрела не слышала, — ответила мисс Марпл.

— Но потом все же слышали?

— Да, мне кажется, стреляли где-то в лесу. Но спустя пять или десять минут… и, как я сказала, в лесу. Во всяком случае, я так думаю. Неужели… нет, не может быть, чтобы…

ПЛАН С
«ГОЛУБОЙ КАБАН»
МАГАЗИН
Мисс УЭЗЕРБИ
ЦЕРКОВЬ
Мисс ХАРТНЕЛЛ
АЛЛЕЯ
К ОЛД-ХОЛЛУ
Мисс МАРПЛ
ЖИЛЫЕ ДОМА
МАГАЗИНЫ
Доктор ХЕЙДОК
МАГАЗИНЫ
ВИКАРИЙ
СТУДИЯ
Коттедж Миссис ЛЕСТРЕНДЖ
Миссис ПРАЙС-РИДЛИ
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ СТАНЦИЯ
ПОЛЯ
Общественная тропа
Коттедж ЛОУРЕНСА РЕДДИНГА

Она замолчала, побледнев от волнения.

— Да-да, мы сейчас к этому и подходим, — сказал полковник Мелчетт. — Прошу вас, продолжайте свой рассказ. Итак, миссис Протеро пошла в студию…

— Да, она вошла внутрь и осталась ждать. Вскоре со стороны деревни по аллее прошел мистер Реддинг. Подошел к калитке викария, огляделся…

— И увидел вас, мисс Марпл?

— По правде сказать, меня он не видел, — ответила мисс Марпл, слегка покраснев. — Потому что, понимаете, именно в этот момент я наклонилась… пыталась выдрать этот мерзкий одуванчик. С ними сплошная морока. Мистер Реддинг вошел в калитку и сразу направился к студии.

— К дому он не подходил?

— О нет! Он пошел прямиком к студии. У двери его встретила миссис Протеро, и они вместе вошли внутрь.

Здесь миссис Марпл сделала многозначительную паузу.

— Вероятно, она позировала ему? — предположил я.

— Вероятно, — сказала мисс Марпл.

— А вышли они когда?

— Примерно через десять минут.

— То есть приблизительно в…

— Часы на церкви только что пробили половину. Они вышли через калитку и пошли по аллее, и именно в эту минуту на тропинке, ведущей из Холла, появился доктор Стоун; он перебрался по приступке и присоединился к ним. Они втроем пошли к деревне. В конце аллеи — я так думаю, но не уверена — к ним присоединилась мисс Крам. Полагаю, это была мисс Крам, потому что только у нее такая короткая юбка.

— Должно быть, у вас великолепное зрение, мисс Марпл, если вы видите так далеко.

— Я наблюдала за птицей, — сказала мисс Марпл. — Кажется, это был желтоголовый королек. Такая милая маленькая пичуга… На мне были очки, поэтому-то я и разглядела, что к ним присоединилась мисс Крам — если это действительно была она.

— Ох! Пусть так, — проговорил полковник Мелчетт. — Раз уж вы, мисс Марпл, такая наблюдательная, вы, случайно, не заметили, какое выражение было на лицах миссис Протеро и мистера Реддинга, когда они шли по аллее?

— Они улыбались и оживленно болтали, — от-

ветила мисс Марпл. — Кажется, они наслаждались обществом друг друга, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Они не выглядели расстроенными или взволнованными?

— О нет! Совсем наоборот.

— Очень странно, — пробормотал полковник. — Во всем этом очень много странного.

Неожиданно мисс Марпл ошарашила всех, спокойным голосом спросив:

— Миссис Протеро утверждает, что это она совершила преступление?

— Господь милосердный, мисс Марпл, — воскликнул полковник, — как вы догадались?!

— Ну я предполагала, что так может случиться, — ответила мисс Марпл. — Думаю, и наша дорогая Леттис так решила. Она очень умная девочка. Правда, боюсь, не отличается щепетильностью… Значит, Энн Протеро говорит, что она убила своего мужа? Ну-ну. Сомневаюсь, что это правда. Нет, я практически уверена, что это неправда. Во всяком случае, в том, что касается такой женщины, как Энн Протеро. Хотя ни в ком нельзя быть уверенным, не так ли? Я давно убедилась в этом. И когда же, по ее словам, она выстрелила в него?

— В двадцать минут седьмого. Сразу после разговора с вами.

Мисс Марпл медленно и с сожалением покачала головой. Сожаление, думаю, относилось к двоим взрослым мужчинам, которые имели глупость поверить в такую чушь. Во всяком случае, я это воспринял именно так.

— Из чего она в него стреляла?

— Из пистолета.

— А где она его нашла?

— Принесла с собой.

— Она его не приносила, — с неожиданной твердостью заявила мисс Марпл. — Могу поклясться в этом. Не было у нее с собой ничего такого.

— Возможно, вы его не заметили?

— Я бы обязательно его заметила.

— А если он был у нее в ридикюле?

— У нее с собой не было ридикюля.

— Стало быть, возможно, он был спрятан… на… ней самой.

Мисс Марпл устремила на него взгляд, полный насмешливой жалости.

— Мой дорогой полковник Мелчетт, вы же знаете современных молодых женщин. Они не стесняются демонстрировать, какими их сотворил Создатель. Единственное, что было при

ней, — это носовой платок, заткнутый за чулок.

Однако Мелчетт продолжал упорствовать.

— Вы должны признать, что все сходится, — сказал он. — Время, упавшие часы, которые указывают на шесть двадцать две…

Мисс Марпл обратилась ко мне:

— Вы хотите сказать, что до сих пор не сообщили ему о часах?

— Что насчет часов, Клемент?

Я объяснил. Он пришел в крайнее раздражение.

— Ради всего святого, почему вы вчера же не рассказали об этом Слаку?

— Потому что он отказался выслушать меня, — ответил я.

— Чепуха, вы должны были настоять!

— Вероятно, — сказал я, — с вами инспектор Слак ведет себя совсем не так, как со мной. У меня не было ни малейшего шанса.

— Это чрезвычайно неординарное дело, — сказал Мелчетт. — Если третий человек придет в участок и заявит, что это он совершил убийство, я отправлюсь в сумасшедший дом.

— Если бы мне было дозволено высказать одно предложение… — проговорила мисс Марпл.

— Да?

— Я бы посоветовала вам рассказать мистеру Реддингу о признании миссис Протеро, а потом объяснить ему, почему вы не верите в ее виновность. А затем вам стоило бы пойти к миссис Протеро и рассказать ей, что с мистером Реддингом все будет в порядке. Вполне вероятно, что тогда каждый из них расскажет вам правду. А правда была бы вам очень полезна, хотя, осмелюсь заметить, они, бедняжки, знают не так уж много.

— Все это прекрасно, но только у них был мотив для того, чтобы разделаться с Протеро.

— О, полковник Мелчетт, я бы так не сказала, — возразила мисс Марпл.

— А что, вы считаете, мотив был у кого-то еще?

— Ах, конечно. — Она принялась загибать пальцы: — Один, два, три, четыре, пять, шесть… да, и еще, возможно, седьмой. Я могу назвать как минимум семерых, кто был бы счастлив убрать с дороги полковника Протеро.

Полковник измученно посмотрел на нее.

— Семерых? И все они из Сент-Мэри-Мид?

Мисс Марпл энергично закивала.

— Имейте в виду, я не стану называть имена, — сказала она. — Это было бы неправильно. Боюсь, полковник Мелчетт, в этом мире слишком много

порока. Просто такой человек, как вы — милый и благородный стойкий солдат, — плохо разбирается в подобных вещах.

Мне показалось, что полковника сейчас хватит удар.

Глава 10

Когда мы вышли из дома, полковник разразился тирадой, и его замечания в отношении мисс Марпл были далеко не лицеприятными.

— Эта иссохшая старая дева думает, будто знает все на свете. А сама за всю жизнь ни разу не выбиралась за пределы деревни… Как такое может быть? Полнейший абсурд. Что она знает о жизни?

Я мягко заметил, хоть мисс Марпл ничего не знает о Жизни с большой буквы, она знает практически все о том, что происходит в Сент-Мэри-Мид.

Мелчетт ворчливо признал мою правоту. Она — ценный свидетель; в частности, как свидетель она представляет особую ценность для миссис Протеро.

— Как я понимаю, то, что она говорит, не вызывает сомнений, не так ли?

— Если мисс Марпл утверждает, что у миссис Протеро не было с собой пистолета, можете быть уверены, пистолета действительно не было, — ответил я. — Если б была хоть малейшая

вероятность обратного, от нее это не укрылось бы, уверяю вас.

— Что ж, наверное… А теперь, думаю, нам стоит взглянуть на студию.

Так называемая студия представляла собой обычный сарай со световым люком. Окон не имелось, и попасть в него можно было только через дверь. Удовлетворенный осмотром, Мелчетт объявил о своем намерении вместе с инспектором побывать в моем доме.

— А сейчас мне надо в полицейский участок.

Я вошел в свой дом через парадную дверь, и до меня донесся гул голосов. Я открыл дверь в гостиную.

На диване рядом с Гризельдой сидела мисс Крам и что-то оживленно говорила. Она закинула ногу на ногу, и я имел полную возможность увидеть, что гостья носит не только блестящие розовые чулки, но и шелковые розовые панталоны в полоску.

— Привет, Лен, — поздоровалась Гризельда.

— Доброе утро, мистер Клемент, — сказала мисс Крам. — Ужасное несчастье, не так ли? Бедный полковник…

— Мисс Крам, — сказала моя жена, — была так любезна, что предложила свою помощь для

общества девочек-скаутов. Помнишь, в прошлое воскресенье мы приглашали желающих?

Я помнил и был убежден — как, впрочем, и Гризельда, я это понял по ее тону, — что идея записаться в помощники никогда не пришла бы мисс Крам в голову, если б не волнующее событие, произошедшее в моем доме.

— Я только что говорила миссис Клемент, — сказала мисс Крам, — что новость просто сбила меня с ног. «Убийство?» — вскричала я. У нас же заштатная деревушка — уж больно тут тихо, вы не можете не признать, — тут даже обычного кино не показывают, не говоря уж о звуковом! А потом, когда я узнала, что убили полковника Протеро, я вообще не поверила своим ушам. Он, как бы это выразиться, не из тех, кого убивают.

— И вот, — сказала Гризельда, — мисс Крам пришла, чтобы побольше разузнать об убийстве.

Я испугался, что такая прямолинейность оскорбит гостью, но та лишь закинула голову и громко расхохоталась, демонстрируя при этом все имеющиеся у нее зубы.

— Это плохо. Уж больно вы, миссис Клемент, проницательная, да? Но ведь это вполне естественно, правда, — хотеть узнать все подробности такого события? И будьте уверены: у меня

достаточно желания оказать любую помощь девочкам-скаутам, какая вам будет угодна. Да мне и самой интересно, честное слово. Я немного застоялась, мне не хватает развлечений, здорово не хватает… Не могу сказать, что у меня плохая работа — нет, мне хорошо платят, и доктор Стоун джентльмен во всех отношениях, — но любой девушке нужно живое общение в нерабочее время. А здесь, миссис Клемент, не с кем поговорить — кроме вас, одни старые ведьмы, правда?

— Есть еще Леттис Протеро, — сказал я.

Глэдис Крам тряхнула головой.

— Она слишком надменна и заносчива с такими, как я. Считает себя самой главной и никогда не снизойдет до девушки, которая живет собственным трудом. Хотя она сама поговаривала о том, чтобы зарабатывать себе на жизнь, — я своими ушами слышала. Только кто ее возьмет на работу, хотела бы я знать. Недели не пройдет, как ее уволят. Она годна только в манекенщицы — представьте, как она вышагивает, подбоченясь… Вот для такого она вполне подходит.

— Из нее получилась бы очень хорошая манекенщица, — сказала Гризельда. — У нее такая красивая фигура… — Да, в моей жене нет ничего от злорадной сплетницы. — А когда она говорила

о том, чтобы самой зарабатывать на жизнь?

Мисс Крам на мгновение пришла в замешательство, но быстро оправилась и вернула себе веселое настроение.

— Получается, я разбалтываю чужой секрет, да? — сказала она. — Но она действительно говорила об этом. Наверное, дома у нее не все гладко. Чтобы я жила с мачехой — да никогда! Я бы не стала мириться с ее присутствием.

— Ах, но вы такая мужественная и независимая, — сказала Гризельда настолько серьезно, что я даже с подозрением посмотрел на нее.

Мисс Крам была явно довольна.

— Это верно. Я именно такая. Я могу по доброй воле пойти за кем-то, но не допущу, чтобы мной управляли. Давным-давно мне так сказал хиромант. Нет. Я не из тех, кто сидит на месте и боится всего. И я с самого начала дала понять доктору Стоуну, что он должен регулярно давать мне выходные. Эти ученые джентльмены считают, что девушка — своего рода машина; половину времени они либо не замечают ее, либо забывают о ее присутствии. Но я, конечно, не очень в этом разбираюсь, — призналась она.

— Вам приятно работать с доктором Стоуном? Наверное, для того, кто увлекается археологией,

эта работа очень интересна.

— Я все равно придерживаюсь мнения, что негоже выкапывать людей, которые умерли, причем умерли сотни лет назад… ну это примерно то же, что лезть в чужие дела, правда? К тому же доктор Стоун так поглощен всем этим, что забывает поесть, и если б не я, он вообще перестал бы питаться.

— Он сегодня с утра на кургане? — спросила Гризельда.

Мисс Крам покачала головой.

— Ему немного нездоровится, — пояснила она. — Не настроен на работу. Так что малышке Глэдис достался внеочередной выходной.

— Сожалею, — сказал я.

— Ой, там ничего особенного. Скорее всего, второго трупа мы не дождемся. Скажите мне, пожалуйста, мистер Клемент, я слышала, вы все утро провели с полицейскими. Что они думают?

— Так сказать, — медленно начал я, — сохраняется некоторая… неопределенность.

— А! — воскликнула мисс Крам. — Значит, они считают, что убил не мистер Лоуренс Реддинг… Он такой красавец, правда? Прямо-таки звезда кино. Так мило улыбается, когда здоровается по утрам… Я не поверила своим ушам, когда

услышала, что полиция арестовала его. Хотя эти провинциальные полисмены всегда славились своей тупостью.

— В данном случае вы едва ли можете осуждать их, — сказал я. — Мистер Реддинг сам пришел в полицию и сдался.

— Что? — Девица была явно ошарашена. — Гм… вот лопух! Если б я совершила убийство, то ни за что не сдалась бы и не стала виниться… А я-то думала, что у Лоуренса Реддинга больше здравого смысла. Надо же, сдаться!.. А за что он убил Протеро? Он объяснил? Из-за ссоры?

— Еще нет уверенности, что убил он, — сказал я.

— Но как же так… если он сам говорит… мистер Клемент, ведь он должен знать.

— Конечно, должен, — согласился я. — Но полицию не удовлетворила его история.

— Тогда зачем он говорит, что убил, если не убивал?

Насчет этого просвещать мисс Крам я не собирался, поэтому дал ей довольно расплывчатый ответ:

— Полагаю, что во всех случаях, когда убивают заметную персону, полиция получает несчетное количество писем от людей, обвиняющих самих

себя в преступлении.

Мисс Крам отреагировала на это заявление следующим образом:

— Да они все болваны! — Причем произнесла она это удивленным и презрительным тоном. — Что ж, — со вздохом сказала гостья, — думаю, мне пора двигаться домой. — Она встала. — Это будет новостью для доктора Стоуна — то, что мистер Реддинг обвинил самого себя в убийстве.

— Ему это интересно? — спросила Гризельда.

Мисс Крам в задумчивости нахмурилась.

— Чудаковатый он. По нему ничего не поймешь. Он весь в прошлом. Готов часами смотреть на мерзкий старый бронзовый нож, вырытый из этой горы земли, но даже не взглянул бы, будь у него такая возможность, на нож, которым Криппен[16] убил свою жену.

— Что ж, — сказал я, — должен признаться, что я солидарен с ним.

В глазах мисс Крам отразилось непонимание и даже легкое пренебрежение. Затем, пожелав всем доброго дня, она удалилась.

— И в самом деле, не так уж она плоха, — сказала Гризельда, когда дверь за гостьей закры-

---

[16] Сноски: 16

Хоули Харви Криппен (1862–1910) — американский врач, в 1910 году убивший и расчленивший свою жену.

лась. — Конечно, она до ужаса вульгарна, но при этом обладает здоровым чувством юмора, которое делает ее привлекательной. Интересно, что именно привело ее к нам?

— Любопытство.

— Да, вероятно, так. А теперь, Лен, рассказывай. Я умираю от нетерпения.

Я сел и подробно рассказал о событиях этого утра. Гризельда прерывала мое повествование тихими возгласами удивления и заинтересованности.

— Значит, Лоуренс ухаживал за Энн, а не за Леттис… Как же слепы мы были! По всей видимости, на это и намекала вчера мисс Марпл. Как ты думаешь?

— Да, — ответил я, пряча глаза.

Вошла Мэри.

— Там двое мужчин… из газеты, как они говорят. Примете их?

— Нет, — ответил я, — естественно, нет. Отправляй их в участок, к инспектору Слаку.

Мэри кивнула и собралась уходить.

— А когда отделаешься от них, — добавил я, — приходи сюда. Я кое о чем хочу спросить тебя.

Мэри снова кивнула.

Вернувшись через несколько минут, она по-

жаловалась:

— Семь потов сошло, пока я избавилась от них. Настойчивые. В жизни таких не видала. Ничего не хотят слышать.

— Думаю, они еще долго будут докучать нам, — сказал я. — Итак, Мэри, я хочу спросить тебя вот о чем: ты уверена, что не слышала выстрел вчера вечером?

— Тот выстрел, что убил его? Нет, естественно, не слышала. Если б слышала, то обязательно пошла бы посмотреть, что случилось.

— Да, но… — Я вспомнил, как мисс Марпл утверждала, что слышала выстрел «в лесу». Я решил изменить форму своего вопроса: — А какой-нибудь еще выстрел ты слышала — в лесу, например?

— А, это… — Девица замолчала. — Да, теперь, когда вы заговорили об этом, я сообразила, что слышала. Не несколько выстрелов, только один. Странный это был звук.

— Отлично, — сказал я. — В котором часу это было?

— В котором часу?

— Да, в котором часу.

— Не могу сказать. Точно после чая. В этом я уверена.

— А ты можешь назвать время поточнее?

— Нет, не могу. У меня куча дел, ведь так? Я не могу постоянно ходить туда-сюда и смотреть на часы — пользы от этого никакой, да и будильник за день отстает на три четверти, а я не успеваю его подводить — то одно отвлечет, то другое, — и я никогда не знаю точно, сколько времени.

Вероятно, это объясняет, почему наши завтраки, или обеды, или ужины всегда подаются в разное время. Иногда слишком поздно, а иногда настолько рано, что приходишь в замешательство.

— Это было задолго до прихода мистера Реддинга?

— Нет, незадолго. Минут за десять… за пятнадцать… не больше.

Я кивнул, удовлетворенный ее ответами.

— Это всё? — спросила Мэри. — Я к тому, что у меня окорок в духовке, да и пудинг, наверное, подгорел.

— Хорошо, хорошо. Можешь идти.

Она ушла, а я обратился к Гризельде:

— Неужели это настолько невозможно — добиться того, чтобы Мэри обращалась к нам «сэр» и «мэм»?

— Я уже говорила ей. Она забывает. Ведь она

девушка необученная, ты сам знаешь.

— Мне это прекрасно известно, — сказал я. — Но невыученное не должно вечно оставаться невыученным. Мне кажется, нужно заставить Мэри выучиться хотя бы основам кулинарии.

— Ну а я с тобой не согласна, — возразила Гризельда. — Ты же знаешь, что мы не в состоянии много платить служанке. Едва она немного подучится, как тут же уйдет. Что вполне естественно. И будет получать большее жалование. Но пока Мэри не умеет готовить и демонстрирует ужасные манеры, мы в безопасности — никто не захочет нанять ее.

Я отметил, что методы ведения домашнего хозяйства моей женой не настолько непродуманны, как я предполагал. В них есть определенная доля здравого смысла. Однако это спорный вопрос, стоит ли держать за такие деньги горничную, которая не способна готовить, имеет привычку с обескураживающей резкостью швырять блюда на стол и в той же манере говорить с людьми.

— Как бы то ни было, — продолжила Гризельда, — ты должен с пониманием отнестись к тому, что сегодня у нее манеры хуже, чем обычно. Вряд ли можно рассчитывать, что она будет переживать из-за смерти полковника Протеро, который

упрятал в тюрьму ее молодого человека.

— Он упрятал в тюрьму ее молодого человека?

— Да, за браконьерство. Ты же знаешь этого Арчера. Мэри два года встречалась с ним.

— Я об этом не знал.

— Дорогой Лен, ты никогда ни о чем не знаешь.

— Странно, — сказал я, — все утверждают, что выстрел прозвучал в лесу…

— Мне это совсем не кажется странным, — помотала головой Гризельда. — Видишь ли, выстрелы в лесу звучат очень часто. Поэтому, когда человек слышит выстрел, он как нечто самой собой разумеющееся воспринимает то, что звук идет из леса. Этот выстрел, вероятно, прозвучал чуть громче, чем обычно. Конечно, если б человек был в соседней комнате, он сразу понял бы, что стреляли в доме; но Мэри была на кухне, которая расположена на противоположной от леса стороне, и окажись ты в тот момент там, да еще и с закрытыми окнами, уверена, ты ни за что не подумал бы, что стреляют в доме.

Дверь открылась.

— Полковник Мелчетт вернулся, — сообщила Мэри. — И с ним тот полицейский инспектор. Они говорят, что были бы рады, если б вы присо-

единились к ним. Они в кабинете.

Глава 11

Я сразу понял, что полковник Мелчетт и инспектор Слак не пришли к единому мнению по поводу расследования. Главный констебль сидел красный и раздраженный, инспектор был угрюм.

— Сожалею, но вынужден сообщить, — сказал Мелчетт, — что инспектор Слак не согласен со мной в том, что молодой Реддинг невиновен.

— Если он этого не совершал, зачем же тогда пришел в участок и оговорил себя? — скептически произнес инспектор.

— Не забывайте, Слак, миссис Протеро поступила точно таким же образом.

— Тут другое. Она — женщина, а женщины часто ведут себя глупо. Я не утверждаю, что это она совершила убийство. Она услышала, что ему предъявлено обвинение, и тут же выдумала историю. Я привык к такого рода играм. Вы не поверите, на какие глупости способны женщины. Но с Реддингом ситуация иная. У него есть голова на плечах. И если он признаётся в том, что убил, то я, в общем, утверждаю, что убил он. Пистолет

его — от этого вам никуда не деться. И благодаря этой истории с миссис Протеро нам известен мотив. Раньше мотив был слабым местом, а теперь он нам известен. В общем, все сходится.

— Вы думаете, он мог убить его раньше? Скажем, в половине седьмого?

— Он не мог этого сделать.

— Вы проверили его передвижения?

Инспектор кивнул.

— В десять минут седьмого он был недалеко от «Голубого кабана». Оттуда пошел по боковой улице, где его видела пожилая дама, ваша соседка — должен отметить, что от ее внимания мало что ускользает, — и в назначенное время встретился с миссис Протеро в студии в саду. Они вышли оттуда вместе вскоре после половины седьмого и пошли по аллее к деревне, потом к ним присоединился доктор Стоун; он все это подтверждает, я с ним виделся. Они остановились поболтать возле почты, всего на несколько минут, затем миссис Протеро пошла к мисс Хартнелл, чтобы взять у нее почитать журнал по садоводству. Все это тоже подтверждается — я виделся с мисс Хартнелл. Миссис Протеро пробыла у нее до семи, когда вдруг воскликнула, что час поздний и ей пора домой.

— Как она держалась?

— Была любезна и оживлена, как говорит мисс Хартнелл. Кажется, она была в хорошем настроении — мисс Хартнелл абсолютно уверена, что у той и в мыслях не было ничего дурного.

— Что ж, продолжайте.

— Значит, Реддинг вместе с доктором Стоуном пошел в «Голубого кабана», и там они выпили. Он покинул заведение без двадцати семь, быстро прошел по главной улице и повернул на дорогу, ведущую к дому викария. Его многие видели.

— На этот раз он пошел не по аллее? — уточнил полковник.

— Нет, он подошел к парадной двери, спросил викария, узнал, что в доме полковник Протеро, прошел в кабинет и застрелил его. Все именно так, как он и говорил! Это все правда, и нам незачем копать глубже.

Мелчетт покачал головой.

— Есть свидетельские показания доктора. От этого тоже никуда не деться. Протеро застрелили не позже шести тридцати.

— Ох уж эти доктора! — На лице инспектора Слака отразилось пренебрежение. — Нельзя верить докторам. Выдерут тебе все зубы — в последнее время это у них в моде, — а потом

выясняется, что у тебя аппендицит. Они же лишь руками разводят. Одно слово: доктора!

— Тут вопрос не в диагностике. Доктор Хейдок абсолютно уверен в своей оценке. Вы, Слак, не можете подвергать сомнению медицинское заключение.

— К тому же есть мои показания, — сказал я, неожиданно вспомнив забытый инцидент. — Я сам прикасался к телу, и оно было холодным. Могу поклясться в этом.

— Вот видите, Слак?

— Ну если так, тогда да, конечно. А какое красивое дело было… Уж больно мистер Реддинг торопится на виселицу, я бы сказал.

— И это само по себе кажется мне немного противоестественным, — заметил полковник Мелчетт.

— Ну, о вкусах не спорят, — сказал инспектор. — После войны появилось много спятивших джентльменов… Что ж, полагаю, это означает, что нужно все начинать сначала. — Он повернулся ко мне. — Не могу понять, почему вы из кожи вон лезли, сэр, чтобы ввести меня в заблуждение насчет часов. Мешали торжеству правосудия, вот чем вы занимались.

— Я три раза пытался вам рассказать, — на-

помнил я. — И каждый раз вы затыкали меня и отказывались выслушать.

— Это просто манера такая, сэр. Вы могли бы без труда все мне рассказать, если б действительно хотели. Часы и записка, как тогда казалось, идеально подкрепляли друг друга. Сейчас же, по вашим словам, выясняется, что часы показывали неправильное время. Впервые слышу о таком. Какой смысл иметь часы, которые поставлены на четверть часа вперед?

— Предполагается, — ответил я, — что таким образом стимулируется пунктуальность.

— Думаю, инспектор, сейчас нам нет надобности углубляться в эту тему, — тактично заметил полковник Мелчетт. — Сейчас для нас главное — это узнать правду от миссис Протеро и молодого Реддинга. Я протелефонировал Хейдоку и попросил его привести сюда миссис Протеро. Они будут здесь через четверть часа. Полагаю, было бы неплохо увидеть здесь и Реддинга.

— Я позвоню в участок, — сказал инспектор Слак и взял телефонную трубку. — А теперь, — сказал он, кладя трубку на место, — поработаем над этой комнатой. — Полицейский устремил на меня многозначительный взгляд.

— Возможно, — проговорил я, — вы желали бы

провести осмотр в мое отсутствие?

Инспектор тут же открыл мне дверь. Мелчетт крикнул вслед:

— Возвращайтесь, когда появится молодой Реддинг, хорошо, викарий? Вы его друг и сможете оказать на него влияние, чтобы он рассказал правду.

Я обнаружил, что моя жена и мисс Марпл сидят рядышком, склонившись друг к другу.

— Мы тут обсуждали всякие версии, — сказала Гризельда. — Мне бы очень хотелось, чтобы вы, мисс Марпл, раскрыли это дело так же, как в прошлый раз, когда у мисс Уэзерби исчезла миска с отборными креветками. А все благодаря тому, что миска напомнила вам о чем-то совершенно другом — о мешке с углем…

— Вы смеетесь, моя дорогая, — проговорила мисс Марпл, — но как-никак это очень надежный способ добраться до истины. Это то, что люди называют интуицией и из-за чего поднимают такой шум. Интуиция — это все равно что понимать слово, не читая его вслух. Ребенок так сделать не может, потому что у него мало опыта. А взрослый узнаёт слово, потому что много раз видел его раньше. Вы улавливаете смысл, викарий?

— Да, — медленно произнес я. — Думаю, да. Вы

имеете в виду, что если нечто напоминает вам о чем-то, то это… гм, вероятно, явления одного рода.

— Именно так.

— А что конкретно вам напоминает убийство полковника Протеро?

Мисс Марпл вздохнула.

— В этом-то и трудность. На ум приходит слишком много параллелей. Например, с майором Харгривзом, который был церковным старостой, человеком очень уважаемым во всех отношениях. И в то же время он содержал еще одну семью — бывшую горничную, представляете? И пятерых детей — пятерых! Это был страшный шок для его жены и дочери.

Я попытался представить полковника Протеро в роли тайного греховодника, но потерпел неудачу.

— А еще то дело о прачечной, — продолжила мисс Марпл. — С опаловой брошью мисс Хартнелл — она опрометчиво оставила ее на блузке с оборками и отправила в прачечную. Женщине, которая взяла брошь, она была не нужна, так что воровкой в прямом смысле ее не назвать. Она просто спрятала булавку в доме другой женщины и сказала полиции, что видела, как та взяла

ее. Злоба, неприкрытая злоба… Удивительный мотив эта злоба. Без мужчины, конечно, не обошлось. И никогда не обходится.

Я, как ни старался, не смог увидеть параллели, пусть и отдаленные.

— Еще была история с дочкой бедняги Элвелла. Милое эфемерное создание пыталось задушить своего младшего брата. Еще — с деньгами для пикника мальчиков из хора. Это было до вас, викарий. Деньги присвоил органист — его жена наделала долгов… Да, убийство полковника наталкивает на множество мыслей — их даже слишком много. Трудно добраться до истины.

— А вы не могли бы сказать мне, — заговорил я, — кто эти семь подозреваемых?

— Семь подозреваемых?

— Вы говорили, что, по вашему мнению, есть семь человек, которые могли бы… скажем так, обрадоваться смерти полковника Протеро.

— Разве?.. Ах да, вспомнила.

— И это действительно так?

— О! Конечно. Только я не должна называть имена. Да вы и сами можете назвать их, я уверена.

— В том-то и дело, что не могу. Если только Леттис Протеро, потому что она, скорее всего,

получит деньги по смерти отца. Но это же абсурд — подозревать ее, а кроме нее, я не вижу никого.

— А вы, моя дорогая? — спросила мисс Марпл, поворачиваясь к Гризельде.

К моему великому изумлению, жена покраснела. В ее глазах как будто появились слезы. Она стиснула свои маленькие кулачки и с негодованием воскликнула:

— Ах! В людях столько ненависти… столько ненависти. Только послушайте, что они говорят! Чудовищные вещи!

Я с любопытством взглянул на нее. Это абсолютно не в духе Гризельды — так расстраиваться. Она заметила мой взгляд и попыталась улыбнуться.

— Лен, не смотри на меня так, словно я интересный экспонат. Давайте не будем уходить от темы и спокойно все обсудим. Я не верю, что убийца — Лоуренс или Энн, да и о Леттис речи быть не может. Наверняка есть какой-то ключ, который поможет нам.

— Есть записка, — сказала мисс Марпл. — Помните, сегодня утром я говорила, что она показалась мне чрезвычайно интересной.

— Мне кажется, она с величайшей точностью устанавливает время его смерти, — заметил

я. — И в то же время — возможно ли это? Миссис Протеро только что вышла из кабинета и не успела бы дойти до студии. Для всего этого у меня есть только одно объяснение: он посмотрел на свои часы, а они отставали. Это видится мне вполне приемлемым решением.

— А у меня другая идея, — сказала Гризельда. — Предположим, Лен, что настольные часы уже перевели назад… нет, это приводит к тому же выводу… какая же я глупая!

— Их не перевели, когда я уходил, — сказал я. — Я помню, как сверил их со своими наручными часами. Но это не имеет отношения к делу; надо рассуждать ближе к нему, ты права.

— А вы, мисс Марпл, что думаете? — поинтересовалась Гризельда.

— Моя дорогая, признаться, я не думала об этом с подобной точки зрения. А вот что вызывает у меня живейшее любопытство, причем с самого начала, так это содержание записки.

— Не вижу ничего такого, — покачал головой я. — Полковник Протеро просто написал, что не может дольше ждать меня…

– *В двадцать минут седьмого?* — многозначительно произнесла мисс Марпл. — Ваша горничная, Мэри, уже предупредила его, что вы

вернетесь домой не раньше половины седьмого, и он выразил желание дождаться вашего прихода. И вдруг в двадцать минут седьмого он садится за стол и пишет, что больше не может ждать.

Я уставился на пожилую даму, ощущая, как во мне растет уважение к ее мыслительным способностям. Ее острый ум сумел вычленить то, что не заметил никто из нас. И оно действительно было странным — очень странным.

— Эх, если б на письме не стояло время… — проговорил я.

Мисс Марпл кивнула.

— Вот именно, — сказала она. — Если б *не стояло время*!

Я попытался мысленно вернуться в прошлое и представил тот листок бумаги, каракули и четкое «6:20» в верхней части. Эти цифры явно были написаны другими чернилами. Я охнул.

— Предположим, — сказал я, — что на нем не было проставлено время. Предположим, что примерно в шесть тридцать полковнику Протеро надоело ждать и он сел писать записку. А когда он сидел и писал, кто-то вошел через окно…

— Или через дверь, — высказала предположение Гризельда.

— Он услышал бы, как открылась дверь, и под-

нял бы голову.

— Не забывайте, полковник Протеро был глуховат, — сказала мисс Марпл.

— Да, верно. Он не услышал бы. Каким бы путем ни вошел убийца, он встал позади полковника и выстрелил в него. Потом увидел записку и часы, и ему в голову пришла идея. Он проставил «шесть двадцать» вверху письма и передвинул стрелки часов на шесть двадцать две. Это был ловкий ход. Он создал себе идеальное алиби — во всяком случае, он так подумал.

— А мы пытаемся найти того, — подхватила нить моих рассуждений Гризельда, — у кого есть железное алиби на шесть двадцать, но нет алиби на… м-да, это непросто. Невозможно установить время.

— Но мы можем сильно сузить промежуток времени, — сказал я. — Хейдок называет крайний срок шесть тридцать. Думаю, мы могли бы сдвинуть его на шесть тридцать пять по той причине, которую мы только что обсудили — Протеро не мог проявить нетерпение раньше шести тридцати. Думаю, мы вправе утверждать, что это нам известно абсолютно точно.

— А тот выстрел, который я слышала… да, полагаю, такое вполне возможно. И ведь тогда я

ничего особенного не подумала, абсолютно ничего. Досадно. Хотя сейчас, когда я вспоминаю, мне начинает казаться, что выстрел был не совсем обычным, другим… Да, была какая-то разница.

— Он был громче? — предположил я.

Нет, мисс Марпл считала, что он не был громче. И вообще для нее оказалось трудно сказать, в чем заключалось отличие, однако она настаивала на том, что оно имело место.

Я подумал, что она, вероятно, скорее убеждает себя саму, чем помнит наверняка, однако благодаря ей мы по-новому взглянули на проблему, и я не мог не испытывать уважения к ней.

Мисс Марпл встала, сказала, что ей уже следует быть дома, но уж больно хотелось обсудить дело с милой Гризельдой. Я проводил ее до калитки и, вернувшись, обнаружил, что жена погружена в размышления.

— Все еще пытаешься решить вопрос с запиской? — спросил я.

— Нет. — Она вдруг поежилась и нетерпеливо повела плечами. — Лен, я тут думала кое о чем. Как же сильно кто-то ненавидел Энн Протеро!

— Ненавидел Энн?

— Да. Разве ты не видишь? Никаких настоящих улик против Лоуренса нет — все улики, которые

имеются, можно назвать несущественными. Так уж получилось, что он пришел сюда. Если б не пришел… в общем, никто даже не помыслил бы о том, чтобы связать его с этим преступлением. С Энн все по-другому. А вдруг кто-то знал, что она была здесь ровно в шесть двадцать? Настольные часы и время на записке — все указывает на нее. Мне кажется, часы перевели на это время не только из-за алиби… думаю, в этом есть нечто большее: целенаправленная попытка повесить убийство на нее. Если б не утверждение мисс Марпл о том, что у Энн с собой не было пистолета, если б она своими глазами не видела, как та пошла в студию… Да, если б не это… — Гризельда опять поежилась. — Лен, я чувствую, что кто-то очень сильно ненавидит Энн Протеро. Мне… мне это не нравится.

Глава 12

Меня позвали в кабинет, когда прибыл Лоуренс Реддинг. Он выглядел изможденным и, как мне подумалось, настороженным. Приветствие полковника Мелчетта можно было счесть почти сердечным.

— Мы хотели бы задать вам несколько вопросов — здесь и сейчас, — сказал он.

Лоуренс тихо хмыкнул.

— Кажется, это идея французов? Реконструкция картины преступления?

— Мой дорогой мальчик, — сказал полковник Мелчетт, — отбросьте этот тон, говорить с нами так не стоит. Вам известно, что еще один человек признался в совершении преступления, которое якобы совершили вы?

Эти слова оказали на Лоуренса мгновенный и болезненный эффект:

— Е-е-еще один? — запинаясь, выговорил он. — Кто… кто?

— Миссис Протеро, — ответил полковник, внимательно наблюдая за ним.

— Абсурд. Она этого не делала. Просто не могла.

Это невозможно.

Мелчетт перебил его:

— Как ни странно, мы не поверили в ее историю. Не поверили, должен заметить, и в вашу. Доктор Хейдок категорически утверждает, что преступление не могло быть совершено в то время, которое называете вы.

— Доктор Хейдок так утверждает?

— Да. Так что, видите ли, вы чисты, хотите вы этого или нет. А теперь мы хотим, чтобы вы помогли нам и подробно рассказали, что произошло.

Лоуренс все еще колебался.

— А вы не обманываете меня насчет… насчет миссис Протеро? Вы точно не подозреваете ее?

— Слово чести, — сказал полковник Мелчетт.

Лоуренс тяжело вздохнул.

— Каким же я был глупцом, — проговорил он. — Полнейшим глупцом. Как я мог хоть на одну минуту подумать, что она…

— Может, вы расскажете нам об этом? — предложил главный констебль.

— А рассказывать особо и нечего. В тот день я… я встретился с миссис Протеро… — Лоуренс замолчал.

— Это нам известно, — сказал Мелчетт. — Вы,

может, думаете, будто ваши чувства к миссис Протеро и ее к вам — это большой секрет, но на самом деле все давно знают о них и живо обсуждают. Теперь все выйдет наружу.

— Вот и замечательно. Думаю, вы правы. Я обещал викарию, — он покосился на меня, — уехать. В тот вечер я встретился с миссис Протеро в студии в четверть седьмого. Я рассказал ей о своем решении. Она согласилась с тем, что нам больше ничего не остается. Мы… мы попрощались друг с другом, вышли из студии, и почти сразу к нам присоединился доктор Стоун. Энн держалась на удивление естественно — как ей это удалось? У меня не получалось. Я вместе со Стоуном пошел в «Голубой кабан» и выпил. Затем собрался домой, но когда дошел до поворота дороги, передумал и решил повидаться с викарием. Я ощущал настоятельную потребность поговорить с кем-нибудь на волнующую меня тему.

Мне открыла горничная и сказала, что викария нет дома, но он скоро будет, а в кабинете его ожидает полковник Протеро. Так вот, я не счел возможным уходить, дабы это не выглядело таким образом, будто я уклоняюсь от встреч с ним. Поэтому я сказал, что тоже подожду викария, и прошел в кабинет.

Он замолчал.

— Ну? — произнес полковник Мелчетт.

— Протеро сидел за письменным столом — в той самой позе, в которой вы нашли его. Я подошел к нему… хотел прикоснуться. Он был мертв. Потом я посмотрел вниз и увидел на полу рядом с ним пистолет. Я поднял его и сразу увидел, что это мой пистолет. Меня бросило в дрожь. Надо же, мой пистолет! А потом я сделал вывод — он напрашивался сам собой. Энн, должно быть, в какой-то момент взяла мой пистолет, предназначая его для себя на тот случай, если ей совсем станет невмоготу. Вероятно, он был у нее с собой. После того как мы с ней расстались в деревне, она, по всей видимости, вернулась сюда и… и… ох! Полагаю, я помешался, если подумал такое. Но именно так я и подумал. Я сунул пистолет в карман и ушел. У калитки я встретил викария. Он мило поприветствовал меня и говорил что-то о встрече с Протеро, и вдруг на меня накатило дикое желание расхохотаться. Его манеры были такими обыденными, будничными, а у меня внутри будто все сильнее и сильнее натягивалась струна. Помню, я выкрикнул что-то нелепое и увидел, как изменилось его лицо. Я едва не потерял голову. Я пошел прочь… прочь… я больше не

мог этого выносить. Если Энн совершила столь чудовищную вещь, то я должен нести за это ответственность. Я пошел и сдался.

Наступила тишина, когда он закончил. Затем полковник деловым тоном произнес:

— Я хотел бы задать вам один-два вопроса. Первый: дотрагивались ли вы до тела, передвигали ли его в ту или иную сторону?

— Нет, не дотрагивался. То, что он мертв, было видно и без этого.

— Вы заметили записку, лежавшую на бювар[17] и полуприкрытую его телом?

— Нет.

— Вы что-то делали с настольными часами?

— Я не прикасался к часам. Насколько я помню, они уже были опрокинуты на стол, но к ним я не прикасался.

— Теперь относительно вашего пистолета: когда вы в последний раз видели его?

Лоуренс Реддинг задумался.

— Трудно сказать наверняка.

— Где вы хранили его?

— Ох… среди хлама и всякого барахла в гостиной, у себя в коттедже… На одной из полок в

---

[17] Сноски: 17
Настольная папка с бумажными писчими принадлежностями.

книжном шкафу.

— Вы были настолько беспечны, что просто держали его на полке?

— Да. Я не вспоминал о нем. Он лежал там себе и лежал.

— И любой, кто приходил в коттедж, мог увидеть его?

— Да.

— И вы не помните, когда в последний раз видели его?

Лоуренсу опять пришлось рыться в памяти, и он от усердия свел брови на переносице.

— Я почти уверен, что он лежал там позавчера. Помню, как отодвинул его в сторону, чтобы достать старую курительную трубку… Думаю, это было позавчера, хотя не исключено, что и днем ранее.

— Кто в последнее время заходил к вам в коттедж?

— Ох! Куча народу. У меня постоянно кто-то бывает — одни приходят, другие уходят… Позавчера я устроил своего рода чаепитие. Леттис Протеро, Деннис и вся их компания. А еще время от времени ко мне наведываются наши старушки.

— Вы запираете коттедж, когда уходите?

— Нет, с какой стати? У меня нечего красть.

Здесь никто не запирает дома.

— Кто занимается вашим хозяйством?

— Каждое утро приходит старая миссис Арчер, чтобы «пособить», как она выражается.

— Как вы думаете, она вспомнит, когда в последний раз видела пистолет у вас дома?

— Не знаю. Может быть. Но я бы не сказал, что добросовестная уборка пыли — это ее конек.

— Что же получается… практически любой мог взять ваш пистолет?

— Получается, что так.

Открылась дверь, и в кабинет вошел доктор Хейдок, а с ним — Энн Протеро. При виде Лоуренса она вздрогнула. Он же, робко шагнув к ней, сказал:

— Прости меня, Энн. Это было мерзко с моей стороны — подумать такое.

— Я… — Она замолчала, а потом устремила умоляющий взгляд на полковника Мелчетта. — Это правда? То, что рассказал мне доктор Хейдок?

— Что с мистера Реддинга сняты все подозрения? Да. А теперь, миссис Протеро, перейдем к вашей истории. Ну-ка, что там у вас, а?

Она застенчиво улыбнулась.

— Наверное, вы думаете, что я поступила ужасно?

— Вообще-то я бы выразился иначе: глупо. Но все закончилось. Мне от вас, миссис Протеро, нужно одно: правда, абсолютная правда.

Она сосредоточенно кивнула.

— Я вам все расскажу. Думаю, вы знаете о… обо всем.

— Да.

— В тот вечер я должна была встретиться с Лоуренсом… с мистером Реддингом в студии. В четверть седьмого. Мы с мужем приехали в деревню вместе. Мне нужно было сделать кое-какие покупки. Когда мы расставались, он невзначай упомянул, что собирается увидеться с викарием. Я хотела предупредить об этом Лоуренса, но у меня все не получалось, и я волновалась. Я… в общем, мне было неловко встречаться с ним в саду у викария, пока в его доме находится мой муж.

Ее щеки запылали. Для нее этот момент был не самым приятным.

— Я рассчитывала, что мой муж заглянет к викарию ненадолго. Чтобы выяснить, там он или нет, я пошла по аллее к дому викария. Я надеялась, что меня никто не увидит, но старая мисс Марпл, естественно, оказалась в саду! Она остановила меня, мы перекинулись парой слов, и я объяснила, что иду за своим мужем. Надо

было хоть что-то сказать. Не знаю, поверила она мне или нет. Она выглядела довольно… забавно. Попрощавшись с ней, я пошла к дому викария и направилась к окну в кабинете. Осторожно подкралась, ожидая услышать голоса… Но, к моему удивлению, в кабинете было тихо. Я заглянула, увидела, что комната пуста, и поспешила через лужайку к студии, куда почти одновременно со мной пришел Лоуренс.

— Миссис Протеро, вы утверждаете, что комната была пуста?

— Да, моего мужа там не было.

— Странно.

— Вы хотите сказать, мэм, что не видели его? — спросил инспектор.

— Да, я его не видела.

Инспектор Слак что-то прошептал начальнику полиции, и тот кивнул.

— Миссис Протеро, вас не затруднит показать нам, что именно вы сделали?

— Вовсе нет.

Энн встала, инспектор Слак открыл перед ней окно; она вышла в сад и повернула налево, к углу дома.

Инспектор властным жестом подозвал меня к себе и велел сесть за письменный стол.

Почему-то мне очень не хотелось этого делать. Меня охватило неприятное чувство. Однако я, естественно, подчинился.

Я услышал снаружи шаги, потом на минуту все стихло, и миссис Протеро пошла в обратном направлении. Инспектор Слак подал мне знак, что можно встать и вернуться в другую часть комнаты. Миссис Протеро вошла в кабинет через окно.

— Вы всё повторили в точности так, как было тогда? — спросил полковник Мелчетт.

— Думаю, да.

— А теперь скажите нам, миссис Протеро, где именно находился викарий, когда вы заглядывали в комнату? — спросил инспектор Слак.

— Викарий? Я… нет, боюсь, не скажу. Я его не видела.

Инспектор Слак кивнул.

— Вот так вы не увидели и своего мужа. Он был за углом, за письменным столом.

— О! — Она замолчала. Неожиданно ее глаза расширились, и в них отразился ужас. — Не может быть, чтобы… чтобы…

— Может, миссис Протеро. Вы заглянули, как раз когда он сидел там.

— О! — Она задрожала.

Инспектор продолжил задавать вопросы.

— Миссис Протеро, вам было известно, что у мистера Реддинга есть пистолет?

— Да. Он однажды сказал мне об этом.

— Вы когда-нибудь брали в руки этот пистолет?

Она покачала головой.

— Нет.

— Вам было известно, где он хранит его?

— Затрудняюсь сказать. Думаю… да; кажется, я видела его на полке в коттедже. Ведь ты хранил его там, да, Лоуренс?

— Миссис Протеро, когда вы в последний раз заходили в коттедж?

— О, примерно неделю назад. Мы с мужем были приглашены на чай.

— А с тех пор не заходили?

— Нет. Я больше туда не приходила. Видите ли, это могло вызвать массу пересудов в деревне…

— Несомненно, — сухо произнес полковник Мелчетт. — Где вы имели обыкновение встречаться с мистером Реддингом, позвольте спросить?

— Он приходил в Холл. Писал там портрет Леттис. А после этого мы… мы часто встречались в лесу.

Полковник Мелчетт кивнул.

— Разве этого мало? — Ее голос неожиданно дрогнул. — Ужасно, что я вынуждена рассказывать вам все это. И… и между нами не было ничего предосудительного. Не было… совсем не было. Мы просто друзья. Мы… мы не могли не проявлять интереса друг к другу.

Она с мольбой посмотрела на доктора Хейдока, и эта добрая душа решила вмешаться.

— Послушайте, Мелчетт, — сказал он, — я и в самом деле считаю, что с миссис Протеро достаточно. Она и так пережила страшный шок — во всех отношениях.

Начальник полиции кивнул.

— И в самом деле, миссис Протеро, мне больше не о чем спросить вас, — сказал он. — Спасибо, что честно ответили на мои вопросы.

— Значит… я могу идти?

— Ваша жена дома? — спросил у меня Хейдок. — Думаю, миссис Протеро с радостью повидается с ней.

— Да, — ответил я. — Гризельда дома. Вы найдете ее в гостиной.

Миссис Протеро вместе с Хейдоком вышла из комнаты, Реддинг последовал за ними.

Поджав губы, полковник Мелчетт вертел в руках нож для бумаги, а Слак разглядывал записку.

И я решил изложить теорию мисс Марпл. Приглядевшись к записке, инспектор воскликнул:

— Мать честная! А старушка-то, кажется, права… Взгляните сюда, сэр. Видите? Цифры и в самом деле написаны другими чернилами. Время написано авторучкой, чтоб мне провалиться!

Мы все были взволнованы.

— Вы, конечно, исследовали записку на предмет отпечатков пальцев, — сказал главный констебль.

— Да. И что вы думаете, полковник? На записке ни одного отпечатка. На пистолете отпечатки мистера Реддинга. Возможно, были и другие до того, как он принялся забавляться с ним и носить с собой в кармане, но сейчас не осталось ничего, за что можно было бы уцепиться.

— Сначала дело выглядело так, что все улики складывались против миссис Протеро, — задумчиво проговорил Мелчетт. — Причем улик против нее было больше, чем против мистера Лоуренса Реддинга. Потом эта старушка Марпл дала свидетельские показания, что у миссис Протеро пистолета с собой не было, однако пожилые дамы часто ошибаются…

Я молчал, хотя и не мог согласиться с ним. Я был абсолютно уверен: раз мисс Марпл так

утверждает, значит, у Энн Протеро пистолета с собой не было. Мисс Марпл не из тех пожилых дам, которые ошибаются. Она обладает удивительным даром всегда оказываться правой.

— Что не дает мне покоя, так это то, что никто не слышал выстрел. Если он был, кто-то обязательно должен был слышать его, откуда бы он ни раздался. Слак, думаю, вам стоит переговорить с горничной.

Инспектор с похвальным рвением устремился к двери.

— Я бы не стал спрашивать у нее, слышала ли она выстрел в доме, — сказал я. — Потому что, если вы спросите об этом, она будет все отрицать. Спросите о выстреле в лесу. Она признается лишь в том, что слышала именно такой выстрел.

— Я сам знаю, как обращаться с горничными, — заявил инспектор Слак и исчез за дверью.

— Мисс Марпл говорит, что слышала выстрел чуть позже, — сказал полковник Мелчетт. — Нужно выяснить, может ли она точно назвать время. Конечно, выстрел мог быть случайным и не иметь отношения к делу.

— Вы правы, мог, — согласился я.

Полковник прошелся по комнате.

— А знаете, Клемент, — вдруг снова заговорил

он, — у меня такое чувство, что это дело окажется запутаннее и сложнее, чем мы все думаем. За всем этим что-то есть, чтоб мне провалиться. — Он всхрапнул. — Нечто такое, о чем мы еще не знаем. Мы в самом начале, Клемент. Помяните мое слово, мы в самом начале. Все это — часы, записка, пистолет — сейчас не проясняет совершенно ничего.

Я кивнул. Действительно, ничего.

— Но я твердо намерен добраться до сути. И вызывать Скотленд-Ярд не стану. Слак умен. Он очень умен. Он самая настоящая ищейка. Он умеет вынюхивать и в конечном итоге доберется до правды. Он мастерски провел несколько расследований, и это дело станет для него *chef d'œuvre*[18]. Кто-то другой наверняка призвал бы на помощь Скотленд-Ярд; я же этого делать не стану. Мы сами все раскопаем у себя в Дауншире[19], справимся своими силами.

— Надеюсь на это, — сказал я.

Я попытался придать своему тону некоторый энтузиазм, но за один день я успел проникнуть-

---

[18] Сноски: 18

Шедевр, вершина мастерства (*фр.*).

[19] Сноски: 19

Вымышленное графство, к историческому ирландскому графству Даун не имеет отношения.

ся такой неприязнью к инспектору Слаку, что мысль о его успехе была мне неприятна. Успешный Слак, подумал я, станет еще более мерзким, чем Слак-неудачник.

— Кто живет по соседству с вами? — вдруг спросил полковник.

— Вы имеете в виду, в конце дороги? Миссис Прайс-Ридли.

— Когда Слак закончит с горничной, мы отправимся к ней. Очень вероятно, что она что-то слышала. Надеюсь, она не глухая, а?

— Я бы сказал, что у нее на редкость чуткий слух. Я оцениваю его по количеству скандалов, которые она затеяла со словами «я тут случайно подслушала».

— Именно такая женщина нам и нужна… А вот и Слак!

Инспектор выглядел как после жестокой схватки.

— Уф! — отдуваясь, произнес он. — Ну и фурия она у вас, сэр.

— Мэри — девушка с исключительно сильным характером, — сказал я.

— Терпеть не может полицию, — продолжал инспектор. — Я предостерег ее, сделал все возможное, чтобы вселить в нее страх перед

законом, — но безрезультатно. Она едва не набросилась на меня.

— Уж больно она горячая, — сказал я, сразу смягчив свое отношение к Мэри.

— Но я припер ее к стенке. Она слышала выстрел, причем только один. И это было значительно позже прихода полковника Протеро. Я не смог вытащить из нее точное время, но нам все же удалось установить его с помощью рыбы, хотя бы приблизительно. Рыба запаздывала, и она принялась ругать мальчишку-разносчика, когда тот пришел, и он сказал ей, что едва пробило полседьмого. Вот сразу после этого она и услышала выстрел. Конечно, время не очень точное, с позволения сказать, но зато дает нам пищу для размышлений.

— Гм, — промычал Мелчетт.

— Сомневаюсь, что миссис Протеро имеет отношение к этому делу, — не без сожаления сказал Слак. — Начнем с того, что у нее просто не хватило бы времени, к тому же женщины не очень любят иметь дело со стрелковым оружием; для них предпочтительнее мышьяк… Да, думаю, она не совершала этого преступления. А жаль! — Он вздохнул.

Мелчетт сообщил, что собирается навестить

миссис Прайс-Ридли, и Слак одобрил его идею.

— Можно мне пойти с вами? — спросил я. — Меня все сильнее интересует расследование.

Разрешение было дано, и мы вышли из дома. Нас встретило громкое «эй!», когда мы прошли через калитку, — по дороге из деревни к нам спешил мой племянник Деннис.

— Скажите, — обратился он к инспектору, — а что с тем отпечатком ботинка, о котором я вам рассказал?

— Садовника, — лаконично ответил инспектор Слак.

— А вы не допускаете, что кто-то мог надеть сапоги садовника?

— Нет, не допускаю! — отрезал инспектор, своим тоном давая понять Деннису, что дальнейшие вопросы неуместны.

Однако отделаться от моего племянника было не так-то легко. Мальчик вытянул перед собой руку с двумя обгорелыми спичками.

— Нашел у калитки.

— Спасибо, — произнес Слак и положил спички в карман.

Тема, казалось, была исчерпана.

— Вы ведь не собираетесь арестовывать дядю Лена, да? — пошутил Деннис.

— А следовало бы?

— Против него много свидетельств, — заявил юноша. — Спросите Мэри. Только за день до убийства он желал полковнику Протеро поскорее покинуть наш мир. Правда, дядя Лен?

— Э-э… — начал я.

Инспектор Слак окинул меня неторопливым, полным подозрения взглядом, и я почувствовал, что горю. Деннис ужасно несносен. Неужели он не понимает, что полицейские редко обладают чувством юмора?

— Не глупи, Деннис, — раздраженно произнес я.

Невинный ребенок уставился на меня с искренним удивлением.

— Да бросьте, это же была шутка, — сказал он. — Дядя Лен просто сказал, что любой, кто убьет полковника Протеро, сослужит миру добрую службу.

— А-а! — воскликнул инспектор Слак. — Теперь я понимаю, что имела в виду горничная.

Слуги тоже редко обладают чувством юмора. Я мысленно от души отругал Денниса за то, что он вспомнил о том разговоре. Из-за этого, а также из-за настольных часов я теперь вечно буду ходить в подозреваемых у инспектора.

— Пойдемте, Клемент, — сказал полковник Мелчетт.

— А куда вы идете? Можно мне с вами? — спросил Деннис.

— Нет, тебе нельзя, — отрезал я.

Мы пошли вперед, а он остался стоять и с обиженным выражением смотрел нам вслед. Мы поднялись на аккуратное крыльцо дома миссис Прайс-Ридли, и инспектор принялся стучать и звонить так, как, если выразиться осторожно, могут стучать и звонить только официальные лица. Дверь открыла горничная.

— Миссис Прайс-Ридли дома? — осведомился Мелчетт.

— Нет, сэр. — Помолчав, горничная добавила: — Она только что ушла в полицейский участок.

Подобный поворот оказался для нас полной неожиданностью. Когда мы спустились с крыльца, Мелчетт схватил меня за руку и тихо проговорил:

— Если она тоже отправилась признаваться, то я сойду с ума.

Глава 13

Мне казалось маловероятным, чтобы в планах миссис Прайс-Ридли было нечто столь эффектное, однако вопрос о том, что ей могло понадобиться в полицейском участке, вызывал у меня живейший интерес. Неужели у нее появилась улика, действительно важная или такая, которую она считает важной? Как бы то ни было, мы это скоро узнаем.

В участке миссис Прайс-Ридли громко тараторила, втолковывая что-то озадаченному констеблю. То, что она крайне возмущена, я понял по дрожи банта у нее на шляпке. Миссис Прайс-Ридли носит то, что, насколько мне известно, называется «шляпа матроны» — их специально изготавливают в соседнем городке под названием Мач-Бенхэм. Они легко надеваются на высоченную башню из волос и перегружены бантами и лентами. Гризельда постоянно грозится, что закажет себе такую вот шляпку.

При нашем появлении миссис Прайс-Ридли остановила поток слов.

— Миссис Прайс-Ридли? — спросил начальник

полиции, приподнимая шляпу.

— Миссис Прайс-Ридли, позвольте представить вам полковника Мелчетта, — сказал я. — Он — наш главный констебль.

Женщина холодно оглядела нас, а потом одарила полковника слабым подобием любезной улыбки.

— Мы только что заходили к вам, миссис Прайс-Ридли, — пояснил Мелчетт, — и там сообщили, что вы отправились сюда.

Посетительница слегка оттаяла.

— Ах! — воскликнула она. — Я счастлива, что хоть кто-то обратил внимание на происшествие. Бесстыдство, вот как я это называю. Элементарное бесстыдство.

Несомненно, убийство — это верх бесстыдства, но я бы использовал совсем другое слово для описания ситуации. Я заметил, что и Мелчетта это слово несказанно удивило.

— У вас есть возможность пролить свет на это расследование? — спросил он.

— Расследование — это ваше дело. Это дело полиции. Разве мы зря платим налоги, позвольте узнать?

Интересно, сколько раз за год задается этот вопрос?

— Мы делаем все возможное, миссис Прайс-Ридли, — заверил ее начальник полиции.

— Но ваш человек даже не слышал о нем, пока я ему не рассказала! — выкрикнула она.

Мы все повернулись к констеблю.

— Этой даме позвонили по телефону, — сказал он. — Она возмущена. Как я понимаю, речь идет о непристойностях.

— О, ясно! — Морщины на лбу полковника разгладились. — Мы говорим о разных вещах. Вы пришли сюда, чтобы подать жалобу, не так ли?

Мелчетт — мудрый человек. Он знает: когда имеешь дело с разгневанной дамой средних лет, единственное, что остается, — слушать ее. Надо дать ей возможность высказаться; только тогда появится шанс, что она выслушает вас.

Из миссис Прайс-Ридли снова хлынул поток слов:

— Подобные бесстыдства следует предотвращать. Нельзя допускать ничего подобного. Надо же, позвонили в мой собственный дом и оскорбили… да, оскорбили. Я не привыкла к таким вещам. Эта война привела к тому, что люди утратили моральный стержень. Никто не думает о том, что говорит, как одевается…

— Все верно, — поспешил перебить ее полков-

ник Мелчетт. — Так что конкретно произошло?

Миссис Прайс-Ридли набрала в грудь побольше воздуха и начала сначала:

— Мне позвонили…

— Когда?

— Вчера днем… вернее, вечером. Примерно в половину седьмого. Я, ничего не подозревая, подняла трубку. И меня обругали грязными словами, мне угрожали…

— Что конкретно было сказано?

— Я отказываюсь это повторять.

— Непристойности, — задумчивым басом произнес констебль.

— Это были ругательства? — спросил полковник Мелчетт.

— Смотря что вы называете ругательствами.

— Вы поняли, о чем речь? — спросил я.

— Естественно, поняла.

— Значит, это не могли быть ругательства, — заключил я.

Миссис Прайс-Ридли посмотрела на меня с подозрением.

— Утонченная дама, — пояснил я, — естественно, не понимает ругательных слов.

— Было совсем по-другому, — сказала миссис Прайс-Ридли. — Сначала, должна признаться,

я заинтересовалась. Я подумала, что мне хотят что-то сообщить. Но потом… э-э… этот субъект стал говорить унизительные вещи.

— Унизительные?

— Крайне унизительные. Я очень встревожилась.

— Он употреблял угрозы, да?

— Да. А я не привыкла к тому, чтобы мне угрожали.

— Чем вам угрожали? Телесными увечьями?

— Не совсем.

— Боюсь, миссис Прайс-Ридли, вам придется выражаться более точно. Чем конкретно вам угрожали?

Было видно, что у нее нет никакого желания отвечать на этот вопрос.

— Точно не помню. Но было очень неприятно. Однако в самом конце — когда я по-настоящему расстроилась, этот… этот негодяй расхохотался.

— Голос был мужской или женский?

— Голос был вырожденческий, — с достоинством произнесла миссис Прайс-Ридли. — Только так я могу сказать: извращенный. То хриплый, то визгливый. И в самом деле, очень специфический голос.

— Вероятно, это был розыгрыш, — попытался

утешить ее полковник.

— Если так, то это был плохой розыгрыш. У меня мог случиться сердечный приступ.

— Мы займемся этим, — сказал Мэлчетт. — Да, инспектор? Отследим телефонный звонок. Миссис Прайс-Ридли, вы могли бы более подробно повторить сказанное?

В душе женщины началась борьба: желание промолчать противостояло желанию наказать. Возмездие победило.

— Ничто, конечно, не выйдет за пределы этой комнаты, — заговорила она.

— Конечно, не выйдет.

— Это создание начало с того… не могу заставить себя повторить…

— Ну же, ну же, — подбодрил ее Мелчетт.

— «Ты — старая злобная сплетница!» Это я-то, полковник Мелчетт — старая злобная сплетница… «Но ты зашла слишком далеко. Скотленд-Ярд прищучит тебя за клевету».

— Вполне естественно, что вы встревожились, — сказал Мелчетт, покусывая усы, чтобы скрыть улыбку.

— «Если не придержишь свой язык, будет еще хуже, и ты сильно пожалеешь». Не могу описать вам, с какой угрозой в голосе все это было сказано.

Я, задыхаясь, спросила: «Кто вы?» — что-то вроде этого, и голос ответил: «Мститель». Я вскрикнула. Это было так ужасно… а потом это создание расхохоталось. Расхохоталось! Я отчетливо слышала. А затем повесило трубку. Естественно, я спросила на телефонной станции, с какого номера мне звонили, но там ответили, что не знают. Вы же представляете эти станции. Там сидят черствые люди, которые только и умеют, что грубить.

— Действительно, — сказал я.

— Я едва не падала в обморок, — продолжала миссис Прайс-Ридли. — Вся на нервах, взволнованная… а потом я услышала в лесу выстрел. Из меня чуть весь дух не вышел, заявляю со всей ответственностью. Это должно вам сказать о многом.

— Выстрел в лесу? — встрепенулся Слак.

— Я была в возбужденном состоянии, поэтому для меня он прозвучал, как пушечный. «Ох!» — воскликнула я и в состоянии прострации рухнула на диван. Кларе пришлось отпаивать меня сливовой настойкой.

— Ужасно, — сказал Мелчетт. — Ужасно. Тяжелое испытание для вас. Говорите, выстрел прозвучал очень громко? Как будто стреляли рядом?

— Во всем виновато состояние моей нервной системы.

— Конечно. Конечно. А в котором часу это было? Нам же, понимаете ли, нужно отследить телефонный звонок.

— Примерно в половине седьмого.

— А вы могли бы назвать время поточнее?

— Так, значит, маленькие часы на камине только что пробили половина, и я сказала: «Эти часы спешат»... Они действительно торопятся, эти часы. Я сверила время по наручным часам, и те показывали только десять минут седьмого, но когда я приложила их к уху, то обнаружила, что они стоят. И тогда я подумала: «Если те часы спешат, значит, я должна с минуты на минуту услышать, как бьют часы на церкви». Но тут, естественно, зазвонил телефон, и я обо всем забыла. — Она замолчала и перевела дух.

— Что ж, довольно точно, — сказал полковник Мелчетт. — Миссис Прайс-Ридли, мы займемся вашим делом.

— Просто считайте это глупой шуткой, миссис Прайс-Ридли, и не беспокойтесь, — сказал я.

Женщина холодно посмотрела на меня. Очевидно, она все еще не могла простить мне тот инцидент с фунтовой банкнотой.

— В последнее время в деревне творятся странные вещи, — сказала миссис Прайс-Ридли, обращаясь к Мелчетту. — Очень странные вещи. Полковник Протеро намеревался разобраться с этим — и взгляните, что с ним случилось. А вдруг я буду следующей?

С этими словами она удалилась, качая головой в зловещей тоске.

— Как бы не так! — пробормотал себе под нос Мелчетт. Затем он посерьезнел и вопросительно взглянул на инспектора Слака. Тот в ответ кивнул.

— Думаю, с этим вопрос улажен, сэр. У нас есть три человека, которые слышали выстрел. Теперь нам надо выяснить, кто стрелял. Заявление мистера Реддинга отняло у нас время. Но у нас есть несколько отправных точек. Полагая, что мистер Реддинг виновен, я не счел нужным рассмотреть их. Но теперь все будет по-другому. Первым делом нужно отследить тот телефонный звонок.

— Миссис Прайс-Ридли?

Инспектор усмехнулся.

— Нет, хотя, думаю, нам следует принять его к сведению, иначе эта старушенция не даст нам житья. Я имею в виду тот ложный вызов, с помощью которого убрали с дороги викария.

— Да, — согласился Мелчетт, — это важно.

— А следующая задача — выяснить, где был и чем занимался каждый в промежутке между шестью и семью вечера. Я имею в виду каждого в Олд-Холле и каждого в деревне.

Я вздохнул.

— Сколько же в вас энергии, инспектор Слак.

— Я верю в усердный труд. И начнем мы с вас, мистер Клемент.

— Готов ответить на ваши вопросы. Мне позвонили примерно в половине шестого.

— Голос был мужской или женский?

— Женский. Во всяком случае, мне он показался женским. Но в тот момент я, естественно, был уверен, что звонит миссис Эбботт.

— Однако вы не узнали миссис Эбботт по голосу?

— Нет, не могу утверждать, что узнал. Я вообще не обратил внимания на голос, даже не задался таким вопросом.

— И вы сразу вышли из дома? Пошли пешком? У вас есть велосипед?

— Нет.

— Ясно. Значит, на дорогу у вас ушло… сколько там?

— Почти две мили, в зависимости от того, какой

дорогой идти.

— Самый короткий путь — через Олд-Холл, так?

— Вообще-то да. Но этот путь не самый удобный. Туда и обратно я шел по общественной тропе через поля.

— По той, которая выводит к вашей калитке?

— Да.

— А миссис Клемент?

— Моя жена была в Лондоне. Она вернулась поездом в шесть пятьдесят.

— Ясно. С горничной я пообщался. Итак, с домашними викария закончено. Следующим будет Олд-Холл. Затем я допрошу миссис Лестрендж. Странно: она виделась с Протеро вечером накануне того дня, когда его убили… В этом деле вообще много странностей.

Я согласился.

Бросив взгляд на часы, я понял, что уже время обеда. Я пригласил Мелчетта откушать с нами, но он отказался под тем предлогом, что должен идти в «Голубого кабана». Там готовят великолепный окорок с гарниром из двух видов овощей. Я подумал, что он сделал мудрый выбор. После общения с полицией Мэри наверняка будет взвинчена больше, чем обычно.

Глава 14

На пути домой мне встретилась мисс Хартнелл. Она задержала меня как минимум на десять минут и своим глубоким, низким голосом горячо протестовала против недальновидности и неблагодарности низших классов. Суть проблемы, кажется, состояла в том, что бедняки не хотели пускать мисс Хартнелл в свои дома. Мои симпатии исключительно на их стороне, однако социальный статус запрещает мне выражать свое пристрастное мнение в той же убедительной форме, что и они.

Я успокоил ее как мог и сбежал.

Там, где дорога поворачивала к моему дому, меня обогнал Хейдок на своей машине, крикнув: «Я только что отвез домой миссис Протеро». Затем, подождав меня у своей калитки, он сказал:

— Зайдите на минутку.

Я подчинился.

— Это удивительное дело, — сказал доктор, бросая шляпу на стул и открывая дверь в свой кабинет.

Он рухнул в потертое кожаное кресло и невидя-

щим взором уставился в стену. Выглядел Хейдок измученным и потерянным.

Я рассказал ему, как нам удалось установить время выстрела. Доктор слушал довольно рассеянно.

— Это полностью снимает подозрения с Энн Протеро, — сказал он наконец. — Ну что ж, я рад, что оба ни при чем. Мне нравится эта пара.

Я поверил ему, однако у меня вызвал недоумение тот факт, что, несмотря на его заверение в добром расположении к этим двум людям, снятие с них подозрений в виновности погрузило его в печаль. Утром он выглядел как человек, сбросивший с души тяжелейший груз, — сейчас же был донельзя встревожен и расстроен.

И все же я был убежден, что Хейдок говорит искренне. Он действительно расположен к Энн Протеро и Лоуренсу Реддингу. Тогда откуда эта угрюмая погруженность в себя?

Доктор с усилием встал с кресла.

— Я хотел рассказать вам о Хоузе. Со всем этим расследованием он вылетел у меня из головы.

— Он действительно тяжело болен?

— Его состояние не настолько плохо. Вы, конечно, знаете, что у него летаргический энцефалит, сонная болезнь, как его обычно называют?

— Нет, — ответил я, очень удивленный. — Я ничего такого не знал. Хоуз мне никогда не рассказывал. Когда он заболел?

— Примерно год назад. Он вполне оправился — насколько, насколько можно оправиться от этого заболевания. Оно довольно странное, своеобразно влияет на поведение. Болезнь может кардинально изменить характер. — Он помолчал несколько мгновений и продолжил: — Мы с ужасом вспоминаем те времена, когда на кострах сжигали ведьм. Уверен, что настанет день, когда мы будем с содроганием вспоминать, как вешали преступников.

— Вы против смертной казни?

— Дело не в этом. — Хейдок опять замолчал. — Знаете, — медленно произнес он, — моя работа определенно лучше вашей.

— Почему?

— Потому что вы имеете дело главным образом с тем, что мы называем хорошим и плохим, — а я не уверен, что такая разница существует. Только представьте, что все зависит лишь от функции желез. Одна железа работает сильнее, чем нужно, другая слабее — и вот вам убийца, или вор, или рецидивист. Я уверен, Клемент, наступят времена, когда мы будем содрогаться от мысли,

что долгие века наказывали людей за болезнь, с которой они, бедняги, ничего не могли поделать. Ведь не вешают же человека за то, что у него туберкулез.

— Такой человек не опасен для общества.

— В каком-то смысле опасен — он заражает людей… Или возьмите человека, вообразившего себя китайским императором. Вы же не считаете, что он совершает зло. Я понимаю вашу точку зрения в отношении общества. Общество должно быть защищено. Запереть этих людей туда, где они никому не причинят вреда, и даже тихо и мирно устранить их — да, я пошел бы и на это. Но не называйте это наказанием. Не навлекайте позор на них и их несчастные семьи.

Я озадаченно взглянул на него.

— Никогда прежде не слышал от вас таких речей.

— Обычно я держу свои теории при себе. А сегодня мне вдруг захотелось поделиться тем, что меня увлекает. Вы умный человек, Клемент, причем вы умнее многих пастырей. Конечно, вы не признаёте, что той штуки, которую мы технически обозначаем термином «грех», не существует, но у вас достаточно широты взглядов, чтобы допустить подобную вероятность.

— Это в корне подрывает все общепринятые понятия.

— Да, мы — ограниченная, самодовольная толпа, так и стремящаяся судить о том, о чем мы ничего не понимаем. Я искренне верю, что преступление — это дело для врачебного, а не полицейского или церковного разбирательства. В будущем, возможно, преступления вообще исчезнут.

— Вы их вылечите?

— Мы их вылечим. Замечательная мысль. Вы когда-нибудь изучали статистику преступлений? Нет. И мало кто это делал. А я вот изучал. Вы удивитесь, когда узнаете, какое количество преступлений совершают подростки — видите, опять функции желез. Юный Нил, тот самый убийца из Оксфордшира, убил пять девочек, прежде чем на него пало подозрение. Милый мальчик, с ним никогда не было проблем. Лили Роуз, маленькая девочка из Корнуолла, убила дядю за то, что тот лишил ее конфет. Ударила его угольным молотком, когда он спал. Вернулась домой, а через две недели убила свою старшую сестру, обидевшись на ту из-за какого-то пустяка. Ни одного из этих двоих, естественно, не повесили. Отправили в приют. Может, со временем

они исправятся, а может, нет… То, что девочка исправится, я сомневаюсь. Сейчас для нее самое главное развлечение — смотреть, как забивают свиней. А знаете, в каком возрасте чаще всего совершают самоубийство? От пятнадцати до шестнадцати. От самоубийства до убийства лишь небольшой шаг. Но тут дело не в нравственном пороке, а в физическом.

— То, что вы говорите, ужасно!

— Нет, просто это внове для вас. Приходится смотреть правде в лицо. Кто-то учится и привыкает. Но иногда это сильно осложняет жизнь.

Хейдок опять сел. Он хмурился, однако теперь на его лице появилось странное выражение усталости.

— Хейдок, — сказал я, — если б вы кого-то подозревали… если б знали, кто убийца… выдали ли бы вы этого человека закону или поддались искушению защитить его?

Я был абсолютно не готов к тому эффекту, который произвел мой вопрос. Хейдок резко повернулся ко мне, в его взгляде были гнев и настороженность.

— Что натолкнуло вас на такую мысль, Клемент? Что у вас на уме? Ну, выкладывайте!

— Да ничего особенного, — ответил я, ошелом-

ленный. — Только… понятно, сейчас у всех нас на уме убийство. Вот мне и стало интересно, как бы вы поступили… если б вам случайно удалось обнаружить правду. Вот и всё.

Его гнев испарился. Он опять уставился в стену, как будто пытался прочитать там ответ на загадку, которая мучила его, но существовала только в его сознании.

— Если б я подозревал… если б знал наверняка… я бы исполнил свой долг. Во всяком случае, Клемент, я надеюсь на это.

— Вопрос в том… что вы считаете своим долгом?

Хейдок посмотрел на меня, но я ничего не смог понять по его лицу.

— Полагаю, в какой-то момент жизни этот вопрос встает перед каждым человеком. И каждому человеку приходится отвечать на него самому.

— Вы не знаете?

— Нет, не знаю…

Я почувствовал, что сейчас лучше всего сменить тему.

— А моего племянника это расследование страшно увлекло, — сказал я. — Он все свое время тратит на поиски следов и сигаретного пепла.

Хейдок улыбнулся.

— Сколько ему?

— Всего шестнадцать. В этом возрасте трагедии воспринимаются без должной серьезности. Для него это игра в Шерлока Холмса и Арсена Люпена.

— Симпатичный мальчишка, — задумчиво проговорил Хейдок. — Что вы собираетесь с ним делать?

— Боюсь, университетское образование мне не потянуть. Что до него, то он хочет поступить в торговый флот. В военно-морской поступить не удалось.

— Что ж… жизнь трудна… но могло быть и хуже. Да, могло быть и хуже.

— Мне пора! — воскликнул я, бросая взгляд на часы. — Я уже на полчаса опаздываю к обеду.

Мое семейство уже сидело за столом, когда я вошел. Они потребовали от меня полного отчета о том, что нам удалось разузнать за утро. Я принялся отчитываться, и меня не покидало ощущение, что рассказ мой — сплошное разочарование.

Однако Денниса чрезвычайно заинтересовала история с телефонным звонком миссис Прайс-Ридли, и он от души расхохотался, когда я поведал о страшном шоке, который претерпела ее нервная система и который пришлось лечить

порцией сливовой настойки.

— Так и надо этой старой ведьме, — заявил Деннис. — У нее самый гадкий язык во всей деревне. Жаль, что я сам не сообразил позвонить ей и хорошенько напугать… Кстати, дядя Лен, а как вы смотрите на то, чтобы выдать ей добавки?

Я настоятельно попросил его не делать подобного. Нет ничего более опасного, чем преисполненные благих намерений усилия молодого поколения помочь тебе и выказать свою симпатию.

Неожиданно настроение Денниса изменилось. Он нахмурился и стал не по годам серьезным.

— Бóльшую часть утра я провел с Леттис, — сказал он. — Знаешь, Гризельда, а она и в самом деле сильно обеспокоена. Она не хочет этого показывать, но это так. Очень обеспокоена.

— Иначе и быть не может, — сказала моя жена, пожимая плечами. Она испытывает не слишком теплые чувства к Леттис Протеро.

— Мне кажется, что ты несправедлива к Леттис.

— Вот как? — произнесла Гризельда.

— Очень многие не носят траур.

Она промолчала, промолчал и я. Деннис же продолжил:

— С большинством она не откровенничает, а вот со мной делится своими мыслями. Ее страшно обеспокоила вся эта история, и она считает, что с этим нужно что-то делать.

— Она удивится, — сказал я, — когда узнает, что инспектор Слак разделяет ее мнение. Сегодня днем он собирается в Олд-Холл и, вероятно, своим стремлением докопаться до правды сделает жизнь всех домочадцев невыносимой.

— Как ты думаешь, Лен, в чем состоит эта правда? — вдруг спросила моя жена.

— Трудно сказать, дорогая. В настоящий момент у меня нет никаких идей на этот счет.

— Ты, кажется, говорил, что инспектор Слак собирается отследить тот телефонный звонок — тот самый, который вынудил тебя отправиться к Эбботтам?

— Да.

— Но разве у него что-нибудь получится? Разве это не очень трудная задача?

— Полагаю, нет. Станция делает отметки обо всех звонках.

— О! — Моя жена снова погрузилась в размышления.

— Дядя Лен, — опять заговорил мой племянник, — а почему вам не понравилось, когда я

сегодня утром ради шутки рассказал, как вы желали смерти полковнику Протеро?

— Потому, — ответил я, — что для всего есть свое время. К тому же у инспектора Слака отсутствует чувство юмора. Он воспринял твои слова абсолютно серьезно и, вероятно, подвергнет перекрестному допросу Мэри и выпишет ордер на мой арест.

— Он не понимает, когда шутят?

— Нет, — покачал я головой, — не понимает. Он много трудился, чтобы достичь своего нынешнего поста, и очень ревностно относится к своим обязанностям. Усердный труд не оставлял ему времени для мелких радостей жизни.

— Дядя Лен, он вам нравится?

— Нет, — ответил я, — не нравится. С первого мгновения, едва я увидел его, он вызвал у меня сильнейшую неприязнь. Однако я не сомневаюсь в том, что он весьма успешен в своей профессии.

— Вы думаете, он выяснит, кто стрелял в Протеро?

— Если и не выяснит, то не из-за недостатка рвения, — сказал я.

Появилась Мэри и объявила:

— Вас хочет видеть мистер Хоуз. Я провела его в гостиную, а еще вот письмо. На него нужно дать

ответ. Можно словами.

Я раскрыл лист бумаги и прочитал:

Дорогой мистер Клемент, я была бы Вам безмерно благодарна, если б Вы сегодня днем, как можно раньше, смогли зайти ко мне. У меня большая проблема, и я нуждаюсь в Вашем совете.

Искренне Ваша,

Эстель Лестрендж».

— Передай, что я приду примерно через полчаса, — обратился я к Мэри и отправился в гостиную, где меня ждал Хоуз.

Глава 15

Вид Хоуза страшно расстроил меня. У него дрожали руки, лицо нервно дергалось. По моему мнению, ему следовало бы соблюдать постельный режим, и я сказал ему об этом. Но он с жаром заявил, что отлично себя чувствует.

— Уверяю вас, сэр, я в жизни не чувствовал себя лучше.

Это было настолько далеко от истины, что я даже не нашелся, что ответить. Я искренне восхищаюсь людьми, которые не сдаются перед болезнью, но Хоуз зашел в этом слишком далеко.

— Я пришел, чтобы сказать, как сильно я вам сочувствую… из-за происшествия в вашем доме.

— Да, — кивнул я, — не очень-то приятное событие.

— Это ужасно… просто ужасно. Кажется, мистера Реддинга так и не арестовали?

— Нет. Это оказалось ошибкой. Он сделал… э-э… довольно глупое заявление.

— А полиция уверена, что он не виновен?

— Абсолютно.

— Позвольте спросить, почему? Разве… я хочу

сказать, они кого-нибудь подозревают?

Я никогда бы не предположил, что детали расследования этого убийства могут вызвать у Хоуза столь живой интерес. Возможно, это из-за того, что убийство случилось в моем доме. Стремление Хоуза узнать новости было не меньшим, чем у въедливого репортера.

— Не могу похвастаться, что пользуюсь доверием инспектора Слака. Насколько мне известно, он никого конкретно не подозревает. В настоящий момент инспектор занят тем, что ведет поиски.

— Да… да, конечно. Но кто, как вам видится, мог совершить такое зло?

Я покачал головой.

— Полковник Протеро не пользовался любовью окружающих, это мне известно. Но чтобы убить!.. Чтобы решиться на убийство, нужно иметь очень сильный мотив.

— Я тоже так думаю, — сказал я.

— А у кого мог быть такой мотив? У полиции есть какие-нибудь предположения?

— Не могу вам ответить.

— Он наверняка нажил себе массу врагов. Чем больше я думаю об этом, тем сильнее убеждаюсь в том, что он из тех, у кого всегда есть враги. В судебном присутствии полковник прославился

своей жесткостью.

— По всей видимости.

— Как, вы забыли, сэр? Ведь он только вчера утром рассказывал вам, как ему угрожал этот Арчер.

— Да, теперь вспоминаю, — сказал я. — Конечно, помню. Вы как раз стояли недалеко от нас.

— Да. Я слышал, что он говорил. Его нельзя было не услышать, ведь у него был ужасно громкий голос, не так ли? Помню, как меня поразили ваши слова. О том, что когда придет его час, с ним обойдутся по справедливости, а не милосердно.

— Разве я так говорил? — спросил я, хмурясь. Насколько я помнил, мои слова были чуточку иными.

— Вы, сэр, произнесли это очень выразительно. Меня ошеломили ваши слова. Справедливость жестока. Надо же, и почти сразу после этого беднягу убили… Такое впечатление, будто вы все предвидели.

— Ничего я не предвидел, — резко произнес я. Мне совсем не нравится склонность Хоуза к мистицизму. Он увлекается фантазиями.

— Вы рассказали полиции об этом Арчере, сэр?

— Я ничего о нем не знаю.

— Я имею в виду, вы пересказали полиции то,

что говорил полковник Протеро — что Арчер угрожал ему?

— Нет, — покачал я головой, — не пересказал.

— Но вы собираетесь это сделать?

Я молчал. Мне претило травить человека, против которого уже были задействованы все силы закона и правопорядка. Я не выступал в защиту Арчера. Он был неисправимым браконьером, никчемным бездельником, каких много в любом приходе. Что бы он ни говорил в приступе ярости, когда ему выносили приговор, я не мог утверждать наверняка, что он испытывал те же чувства, когда выходил из тюрьмы.

— Вы слышали разговор, — наконец заговорил я. — Если вы считаете своим долгом сообщить о нем полиции, то именно так вам и следует поступить.

— Лучше, чтобы это исходило от вас, сэр.

— Вполне возможно… но, по правде говоря… в общем, у меня нет желания делать это. Может оказаться, что я накидываю петлю на шею невиновного.

— Но если он застрелил полковника Протеро…

— Вот именно, если! Нет никаких доказательств, что это дело его рук.

— Его угрозы…

— Строго говоря, угрозы исходили не от него, а от полковника Протеро. Тот грозился, что покажет Арчеру, чего стоят его угрозы, когда еще раз поймает его.

— Я не понимаю вашего отношения, сэр.

— Вот как? — устало произнес я. — Вы молоды. Вы ревностно отстаиваете правое дело. Когда вы доживете до моих лет, поймете необходимость презумпции невиновности.

— Это не… я имею в виду… — Он замолчал, и я удивленно посмотрел на него. — Я хотел спросить, у вас есть какие-нибудь идеи — ваши собственные — насчет личности убийцы?

— Господь Всемогущий, нет.

Однако Хоуз не отставал.

— А насчет… мотива?

— Нет. А у вас?

— У меня? Совсем никаких. Мне просто было интересно. Не… не делился ли с вами полковник Протеро… в той или иной степени… не упоминал ли…

— Вчера утром его откровения, чего бы они ни касались, слышала вся деревня, — сухо заметил я.

— Да. Да, конечно. А вы не думаете… что это Арчер?

— Полиция очень скоро выяснит все, что касается Арчера, — сказал я. — Если б я сам слышал, как он угрожает полковнику Протеро, тогда было бы другое дело. Но не сомневайтесь: если он действительно угрожал, его угрозы наверняка слышало полдеревни, и весть об этом обязательно дойдет до полиции. Вы, конечно, вправе поступать, как считаете нужным.

Но у Хоуза, как это ни удивительно, не было желания что-либо делать самому. И вообще, его отношение к случившемуся казалось мне странным. Я вспомнил то, что Хейдок рассказывал о его болезни. Возможно, именно в этом и кроется объяснение.

Хоуз пошел к выходу с явной неохотой, словно хотел еще что-то мне сказать, но не знал, как об этом заговорить.

Прежде чем он ушел, я договорился с ним о том, чтобы он провел службу для «Союза матерей», после которой должно состояться собрание относительно помощи больным. У меня были свои планы на оставшуюся часть дня.

Распрощавшись с Хоузом и выбросив его проблемы из головы, я собрался к миссис Лестрендж.

На столе в холле лежали нераскрытые «Гар-

диан» и «Черч таймс».

По дороге я вспомнил, что вечером накануне убийства миссис Лестрендж встречалась с полковником. Вполне вероятно, что в ходе их общения выяснилось нечто, что позволит пролить свет на убийство.

Меня сразу проводили в гостиную, и миссис Лестрендж встала, чтобы поприветствовать меня. Я еще раз подивился умению этой женщины создавать необыкновенную атмосферу. Платье из абсолютно черной ткани подчеркивало удивительную белизну ее кожи. На ее застывшем лице жили только глаза. И сегодня их взгляд был настороженным. Другие признаки душевной неуспокоенности отсутствовали.

— Вы оказали мне огромную любезность, мистер Клемент, что пришли, — сказала она, когда мы обменялись рукопожатием. — На днях я собиралась поговорить с вами, а потом решила этого не делать. Теперь я понимаю, что поступила неправильно.

— Как уже говорил вам, я буду рад сделать все возможное, чтобы помочь вам.

— Да, говорили. И вы говорили это со всей искренностью. На этом свете, мистер Клемент, мало тех, кто искренне желает помочь мне.

— Мне в это с трудом верится, миссис Лестрендж.

— Но это так. Большинство — во всяком случае, большинство мужчин — преследуют только собственные интересы. — В ее голосе прозвучала горечь. Я промолчал, поэтому она сказала: — Присаживайтесь.

Я сел, миссис Лестрендж заняла кресло напротив. Поколебавшись мгновение, она заговорила, медленно и отчетливо, как будто взвешивала каждое слово:

— Мистер Клемент, я оказалась в очень своеобразном положении и хочу попросить у вас совета. Я хочу, чтобы вы сказали, как мне быть дальше. Прошлое — это прошлое, и от него никуда не деться. Вы меня понимаете?

Прежде чем я успел ответить, дверь открыла та самая горничная, которая впустила меня в дом, и с испуганным видом сообщила:

— Ох, мэм, там инспектор из полиции; он сказал, что должен говорить с вами.

Наступила тишина. Лицо миссис Лестрендж не изменилось. Только глаза очень медленно закрылись и открылись. Она, кажется, сглотнула раз или два, а потом произнесла тем же четким и спокойным голосом:

— Проводи его сюда, Хильда.

Я встал, но она величественным жестом дала мне понять, чтобы я оставался на месте.

— Если вы не против… вы оказали бы мне услугу, если б остались.

Я снова сел.

— Конечно, если желаете, — пробормотал я, и в этот момент быстрым, почти военным шагом вошел Слак.

— Добрый день, мадам, — начал он.

— Добрый день, инспектор.

Тут он увидел меня и нахмурился. У меня не осталось ни малейших сомнений в том, что Слак меня недолюбливает.

— Надеюсь, вы не возражаете против присутствия викария?

Думаю, инспектор просто не мог в открытую заявить, что возражает.

— Н-нет, — проворчал он. — Хотя, возможно, было лучше…

Миссис Лестрендж не обратила внимания на его намек.

— Чем я могу быть полезна вам, инспектор? — спросила она.

— Это касается убийства полковника Протеро, мадам. Мне поручены расследование и опрос

свидетелей.

Миссис Лестрендж кивнула.

— Для порядка — я спрашиваю об этом у всех — скажите, где вы были между шестью и семью часами вечера. Только для порядка, как вы понимаете.

— Вы хотите знать, где я была вчера вечером между шестью и семью?

— Да, мадам, прошу вас ответить.

— Дайте-ка вспомнить… — Миссис Лестрендж задумалась на мгновение. — Здесь, в доме.

— О! — Я увидел, как у инспектора заблестели глаза. — А ваша горничная — у вас ведь только одна горничная, как я понимаю, — может подтвердить ваше заявление?

— Нет, вчера во второй половине дня у Хильды был выходной.

— Ясно.

— Так что, к сожалению, вам придется поверить мне на слово, — любезно проговорила миссис Лестрендж.

— Вы со всей ответственностью заявляете, что находились дома во второй половине дня?

— Вы, инспектор, говорили о промежутке между шестью и семью. В середине дня я выходила на прогулку и вернулась домой незадолго до пяти.

— Значит, если некая дама — мисс Хартнелл, например, — утверждает, что приходила сюда около шести часов, звонила в дверь, но ей никто не открыл и она была вынуждена уйти, вы скажете, что она ошибается, не так ли?

— О нет, — покачала головой миссис Лестрендж.

— Но…

— Если дома горничная, она может сказать, что никого нет. Но если человек один и, так уж случилось, не желает принимать гостей… что ж, единственное, что остается, — позволить гостям звонить сколько вздумается.

Инспектор был слегка разочарован.

— Пожилые дамы навевают на меня страшную скуку, — сказала миссис Лестрендж. — А мисс Хартнелл отличается особым занудством. Она, должно быть, нажала на звонок как минимум раз шесть, прежде чем ушла. — Хозяйка дома мило улыбнулась инспектору.

Тот решил зайти с другой стороны.

— А если кто-то утверждает, что видел вас вне дома примерно в это время…

— Вот как! Но ведь меня никто не видел, не так ли? — Миссис Лестрендж быстро нащупала слабое место в его рассуждениях. — Никто не видел

меня вне дома, потому что я была дома.

— Именно так, мадам. — Инспектор придвинул свой стул поближе к ее креслу. — Как я понимаю, миссис Лестрендж, вы приходили к полковнику Протеро в Олд-Холл вечером накануне его смерти…

Миссис Лестрендж спокойно ответила:

— Действительно, так и было.

— Вы можете назвать мне причину вашей встречи?

— Она касалась личных дел, инспектор.

— Боюсь, я вынужден попросить вас рассказать мне, в чем состоит характер ваших личных дел.

— Я не буду ничего вам рассказывать. Могу только заверить вас в одном: все, что было сказано на той встрече, не имеет ни малейшего отношения к преступлению.

— Не уверен, что вы достаточно компетентны, чтобы судить об этом.

— Как бы то ни было, вам придется поверить мне на слово, инспектор.

— Получается, что я должен верить вам на слово во всем.

— Действительно, получается так, — согласилась миссис Лестрендж с той же спокойной улыбкой.

Инспектор Слак стал пунцовым.

— Это серьезный вопрос, миссис Лестрендж. Мне нужна правда… — Он стукнул кулаком по столу. — И я добуду ее.

Женщина ничего на это не сказала.

— Как вы не понимаете, мадам, что ставите себя в очень сомнительное положение?

И опять же миссис Лестрендж ничего не сказала.

— От вас потребуют дать показания на дознании.

— Да.

Всего один слог. Невыразительный, равнодушный. Инспектор изменил тактику.

— Вы были знакомы с полковником Протеро?

— Да, я была знакома с ним.

— Близко знакомы?

Она ответила после небольшой паузы:

— Я не виделась с ним несколько лет.

— Вы были знакомы с миссис Протеро?

— Нет.

— Прошу меня простить, но время для визита было необычным.

— На мой взгляд, в этом нет ничего необычного.

— Что вы имеете в виду?

— Я хотела застать полковника Протеро одного. Я не хотела видеться с миссис Протеро или с мисс Протеро. Я считала, что так лучше всего достигну своей цели.

— Почему вы не хотели видеться с миссис или мисс Протеро?

— Это мое личное дело, инспектор.

— Значит, вы отказываетесь сообщить что-либо еще?

— Абсолютно.

Слак встал.

— Вы, мадам, поставите себя в скверное положение, если не будете соблюдать осторожность. Все это плохо выглядит… очень плохо.

Миссис Лестрендж рассмеялась. Я мог бы предупредить инспектора о том, что эта женщина не из тех, кого легко напугать.

— Итак, — произнес он, давая волю своему негодованию, — потом не говорите, что я вас не предостерегал. Это все. Желаю здравствовать, мадам, и помните, что рано или поздно мы доберемся до истины.

Он ушел. Миссис Лестрендж поднялась и протянула мне руку.

— Я вынуждена отпустить вас… да, так будет лучше. Видите ли, сейчас уже слишком поздно

для советов. Я решилась. — Через секунду она с несчастным видом повторила: — Решилась.

Глава 16

На крыльце я столкнулся в Хейдоком. Он с подозрением посмотрел вслед Слаку, который вышел на улицу через калитку, и требовательным тоном осведомился:

— Он допрашивал ее?

— Да.

— Надеюсь, он вел себя цивилизованно?

Цивилизованное поведение, на мой взгляд, — это та самая наука, которую инспектор Слак никогда не изучал, но я допускал, что, по меркам самого инспектора, его поведение было цивилизованным. Однако я не хотел еще сильнее расстраивать Хейдока — он и так выглядел обеспокоенным, — поэтому ответил, что Слак вел себя вполне цивилизованно.

Хейдок кивнул и прошел в дом, а я двинулся по улице и вскоре нагнал инспектора. Думаю, тот специально шел медленно. Хотя Слак и испытывает ко мне неприязнь, он не из тех, кто позволяет ей вставать на пути, ведущем к мало-мальски полезным сведениям.

— Вам что-нибудь известно об этой даме? — без

обиняков спросил он у меня.

Я ответил, что ничего не знаю.

— Она никогда не рассказывала, зачем переехала сюда?

— Нет.

— Однако вы периодически видитесь с ней?

— Это входит в мои обязанности — навещать прихожан, — ответил я, однако не счел нужным сообщать ему, что в данном случае меня позвали.

— Гм, наверное, так. — Минуту или две инспектор молчал, затем, не сумев противостоять желанию обсудить свою недавнюю неудачу, продолжил: — Подозрительно все это.

— Вы так думаете?

— Если хотите знать мое мнение, то мне во всем этом видится шантаж. Это покажется смешным, если вспомнить, каким всем представлялся полковник Протеро. Но внешность обманчива. Он был бы не первым церковным старостой с двойной жизнью.

У меня в голове промелькнули замечания мисс Марпл на ту же тему.

— Вы действительно считаете это вероятным?

— Так ведь это не расходится с фактами, сэр. Зачем умной, изящно одевающейся даме пе-

реезжать в этот богом забытый угол? Зачем ей видеться с ним в столь необычное время? Зачем ей избегать встречи с миссис и мисс Протеро? Да, все это отлично встраивается в схему. Признаться в этом она не может — шантаж наказуем. Но мы все же вытащим из нее правду. Голову даю на отсечение: у нее есть важные для следствия сведения. Если у полковника Протеро были какие-то преступные тайны — о каких-нибудь неблаговидных поступках, — вы сами увидите, какое обширное поле деятельности откроется перед нами.

Я согласился с ним.

— Я пытался разговорить дворецкого — возможно, он подслушал разговор между полковником Протеро и Лестрендж. Дворецкие любят подслушивать. Но он клянется, что не имеет ни малейшего представления, о чем шла речь. Кстати, из-за ее визита его и уволили. Полковник здорово отчитал его, рассердился за то, что он впустил ее в дом. На это дворецкий заявил, что и сам с радостью уволится. Говорит, что ему никогда не нравился Олд-Холл и что он уже давно подумывал об уходе.

— Вот как…

— Это дает нам еще одного персонажа, у кото-

рого был зуб на полковника.

— Неужели вы и в самом деле подозреваете этого человека… как, кстати, его зовут?

— Его фамилия Ривз, и я не утверждал, что подозреваю его. Я говорю только одно: никогда не знаешь, что у человека внутри. Мне не нравятся его елейные, льстивые манеры.

Интересно, подумал я, что сказал бы Ривз о манерах Слака?

— А сейчас я собираюсь допросить шофера.

— Если так, тогда, возможно, вы могли бы подвезти меня на своей машине, — сказал я. — Мне нужно переговорить с миссис Протеро.

— О чем?

— Об организации похорон.

— А! — Насторожившийся было инспектор слегка смутился. — Завтра, в субботу, состоится коронерское[20] дознание.

— Все верно. Похороны, по всей видимости, будут назначены на вторник.

Кажется, инспектор Слак устыдился своей бесцеремонности. Он протянул мне оливковую ветвь примирения в виде приглашения присут-

---

[20] Сноски: 20

Коронер — должностное лицо в ряде стран, расследующее смертные случаи с особыми обстоятельствами, устанавливая криминальность смерти и ее причину.

ствовать на допросе шофера, Маннинга. Тот был милым парнем лет двадцати пяти — двадцати шести. Инспектор вызывал у него благоговейный трепет.

— Итак, друг мой, — заговорил Слак, — мне нужна от вас кое-какая информация.

— Да, сэр, — запинаясь, произнес шофер. — Конечно, сэр.

Вряд ли он волновался бы сильнее, если б сам совершил преступление.

— Вы вчера возили своего хозяина в деревню?

— Да, сэр.

— В котором часу это было?

— В пять тридцать.

— Миссис Протеро тоже ездила?

— Да, сэр.

— Вы сразу поехали в деревню?

— Да, сэр.

— И по дороге нигде не останавливались?

— Нет, сэр.

— Что вы делали, когда доехали до деревни?

— Полковник вылез из машины и сказал, что она ему больше не понадобится и что он пойдет домой пешком. Миссис Протеро сделала кое-какие покупки. Свертки сложили в машину. Потом она сказала, что это всё, и я поехал домой.

— И оставили ее в деревне?

— Да, сэр.

— В котором часу это было?

— В четверть седьмого, сэр. Ровно в четверть.

— Где вы ее оставили?

— Возле церкви, сэр.

— А полковник говорил, куда собирается?

— Он что-то говорил насчет встречи с ветеринаром… это как-то связано с лошадьми.

— Ясно. И вы поехали прямиком домой?

— Да, сэр.

— В Олд-Холл ведет два въезда: один — через южные ворота, другой — через северные. Как я понимаю, в деревню вы обычно ездите через южные?

— Да, сэр, всегда.

— А вы вернулись той же дорогой?

— Да, сэр.

— Гм. Думаю, это всё… Ага! А вот и мисс Протеро.

К нам подплыла Леттис.

— Маннинг, мне нужен «Фиат», — сказала она. — Прогрей его, хорошо?

— Слушаюсь, мисс. — Шофер направился к двухместному автомобилю и поднял капот.

— Одну минутку, мисс Протеро, — сказал

Слак. — Мне крайне необходимо иметь информацию о вчерашних передвижениях каждого. Не хочу вас обидеть…

Леттис уставилась на него.

— Я никогда не знаю, сколько времени, — сказала она.

— Как я понимаю, вчера вы вышли из дома вскоре после обеда?

Она кивнула.

— А куда, скажите пожалуйста?

— Играть в теннис.

— С кем?

— С Хартли-Нейпирами.

— В Мач-Бенхэме?

— Да.

— А когда вернулись?

— Не знаю. Я же говорю, что не знаю таких вещей.

— Ты вернулась примерно в половине восьмого, — сказал я.

— Правильно, — согласилась Леттис. — Прямо в разгар кипежа. У Энн был приступ, а Гризельда успокаивала ее.

— Спасибо, мисс, — сказал инспектор. — Это все, что я хотел знать.

— Как странно, — проговорила Леттис. — До

чего же все неинтересно… — И двинулась к «Фиату».

Инспектор постучал по виску указательным пальцем.

— Немного не в себе? — предположил он.

— Ни в малейшей степени, — ответил я. — Но ей нравится, чтобы так думали.

— Что ж, я иду допрашивать горничных.

Можно не любить Слака, но нельзя не восхищаться его энергичностью.

Мы расстались, и я спросил у Ривза, могу ли видеть миссис Протеро.

— В настоящий момент, сэр, она отдыхает.

— Тогда не буду ее тревожить.

— У вас есть возможность подождать, сэр? Мне известно, что миссис Протеро была бы рада видеть вас. Она как раз говорила об этом за обедом.

Он проводил меня в малую гостиную и включил электрический свет, так как ставни были закрыты.

— Печально все это, — сказал я.

— Да, сэр. — Его тон был холодным и уважительным.

Я посмотрел на него. Какие чувства клокочут под этой бесстрастной внешностью? Существует ли нечто, что он знает и мог бы рассказать нам?

Нет ничего более бесчувственного, чем маска верного слуги.

— Чем еще могу быть вам полезен, сэр?

Не звучит ли за этим учтивым вопросом намек на тревогу?

— Больше ничем, — ответил я.

Я прождал совсем немного, и ко мне вышла Энн Протеро. Мы с ней обсудили и решили кое-какие организационные вопросы, а потом она воскликнула:

— Доктор Хейдок на удивление добрый человек!

— Да, лучше я не встречал.

— Он был исключительно добр ко мне… Но он выглядит очень печальным, не так ли?

Мне никогда не приходила в голову идея называть Хейдока печальным. Я мысленно повертел ее так и этак.

— Что-то я не замечал, — наконец сказал я.

— Но это так. — Энн Протеро помолчала и продолжила: — Мистер Клемент, есть одна вещь, которую я никак не могу понять. Если в моего мужа выстрелили сразу после того, как я ушла, как получилось, что я не слышала выстрел?

— Есть все основания считать, что стреляли позже.

— Но шесть двадцать на записке…

— Вполне возможно, что время было проставлено другой рукой — рукой убийцы.

Она побледнела.

— Вы не обратили внимания, что время написано не его почерком?

— Какой ужас!

— Похоже, все написано не его почерком.

В этом умозаключении присутствовал определенный резон. В записке были нечитаемые каракули, а не четкий почерк, каким славился Протеро.

— Вы уверены, что Лоуренс вне подозрений?

— Думаю, все подозрения с него сняты.

— Но кто же тогда, мистер Клемент? Я знаю, Люциус не пользовался популярностью, но вряд ли у него были настоящие враги. То есть… такого рода враги.

Я покачал головой.

— Это тайна.

Мне сразу вспомнились семь подозреваемых мисс Марпл. Кто же они?

Распрощавшись с Энн, я взялся за претворение в жизнь одного моего плана.

Из Олд-Холла домой я пошел по тропинке. Дойдя до приступки, повернул в обратную сторону и,

найдя место, где через подлесок, судя по всем признакам, проходили, свернул и стал продираться через кусты. Лес был густым, а подлесок — плотным, и это сильно замедляло мое продвижение вперед. Неожиданно я обнаружил, что рядом, недалеко от меня, кто-то тоже продирается через кусты. Я замер в нерешительности, и тут передо мной возник Лоуренс Реддинг. В руке он держал большой камень.

Вероятно, вид у меня был чрезвычайно удивленный, потому что Лоуренс вдруг расхохотался.

— Нет, — сказал он, — это не улика, это предложение мира.

— Предложение мира?

— Ладно, выражусь иначе: основа для переговоров. Мне нужен предлог, чтобы навестить вашу соседку, мисс Марпл, и мне подсказали, что для нее нет приятнее подарка, чем осколок скалы или камень для японского садика, который она сооружает.

— Совершенно верно, — подтвердил я. — Но зачем вам понадобилась эта дама?

— А вот для чего. Если вчера вечером случилось нечто, достойное внимания, мисс Марпл наверняка видела это. Я имею в виду не то, что это обязательно должно быть напрямую связано

с преступлением, а то, что мисс Марпл связала бы с убийством. Я имею в виду нечто *outré*[21], нечто необычное, какой-нибудь инцидент, который мог бы дать нам ключ к разгадке. Нечто такое, что она сочла бы не настолько важным, чтобы сообщать об этом полиции.

— Это, полагаю, вполне возможно.

— Как бы то ни было, попробовать стоит… Клемент, я собираюсь докопаться до истины. Ради Энн по меньшей мере. И я не очень доверяю Слаку — да, он ревностно относится к своим обязанностям, но служебное рвение не может заменить мозги.

— Как я понимаю, — сказал я, — вы — любимый герой всех романистов, детектив-любитель. Только я сомневаюсь, что в реальной жизни таким людям удается заткнуть за пояс профессионала.

Реддинг пристально посмотрел на меня и рассмеялся.

— Что вы делаете в лесу, падре? — У меня хватило такта покраснеть. — То же, что и я, осмелюсь предположить. Нас осенила одна и та же мысль, не так ли? *Как убийца добрался до кабинета?* Первый путь идет по аллее через калитку, вто-

---

[21] Сноски: 21
Здесь: из ряда вон (*фр.*).

рой — через парадную дверь, третий… а имеется ли третий? Я хотел проверить, есть ли признаки того, что кто-то потревожил кусты у стены, окружающей ваш дом.

— У меня была точно такая же идея, — признался я.

— Только я к этому еще не приступил, — продолжил Лоуренс. — Поскольку подумал, что сначала нужно повидаться с мисс Марпл, убедиться, что вчера вечером, когда мы были в студии, по улице никто не проходил.

Я покачал головой.

— Она со всей определенностью заявила, что никто.

— Да, никто из тех, кого она считает кем-то, — звучит, как бред сумасшедшего, но вы понимаете, что я имею в виду. Ведь мог пройти почтальон, или молочник, или посыльный мясника — некто, чье присутствие на улице настолько естественно, что о нем и не стоит упоминать.

— Вы читали Г.К. Честертона[22], — сказал я, и Лоуренс не стал этого отрицать.

— Но вам не кажется, что в этой идее что-то

---

[22] Сноски: 22

Гилберт Кит Честертон (1874–1936) — английский писатель, автор множества детективных произведений, в том числе об отце Брауне, католическом священнике, расследующем преступления.

есть?

— Что ж, наверное, вполне возможно, — ответил я.

Решив не тратить время попусту, мы направились к мисс Марпл. Она работала в саду и окликнула нас, когда мы перебрались через ограду.

— Видите, — тихо проговорил Лоуренс, — она все замечает.

Мисс Марпл встретила нас очень радушно и несказанно обрадовалась огромному камню, который Лоуренс торжественно преподнес ей.

— Вы чрезвычайно заботливы, мистер Реддинг. Чрезвычайно.

Осмелев от похвалы, Лоуренс завел разговор на интересовавшую его тему. Мисс Марпл внимательно слушала.

— Да, я понимаю, что вы имеете в виду, и совершенно согласна, что есть такие вещи, о которых никто не упоминает или не считает нужным упоминать. Однако могу вас заверить, что ничего такого не было. Абсолютно ничего.

— Мисс Марпл, вы уверены?

— Уверена.

— А вчера днем вы не замечали, шел ли кто-нибудь по тропинке в лес? — спросил я. — Или

из леса?

— О да, там прошло много народу. Доктор Стоун и мисс Крам — для них это кратчайший путь к кургану. Это было чуть позже двух. Потом доктор Стоун вернулся этим путем — вам, мистер Реддинг, об этом известно, так как он присоединился к вам и миссис Протеро.

— Кстати, — сказал я, — о том выстреле, что вы слышали, мисс Марпл. Мистер Реддинг и миссис Протеро наверняка тоже должны были его услышать. — Я вопросительно посмотрел на Лоуренса.

— Да, — произнес он, хмурясь. — Кажется, я слышал несколько выстрелов. А сколько их было — один или два?

— Я слышала один, — сказала мисс Марпл.

— У меня сохранилось только смутное воспоминание, — сказал Лоуренс. — Проклятие, никак не получается вспомнить! Если б я тогда знал! Вы же понимаете, я был полностью поглощен… — Он смущенно замолчал.

Я тактично покашлял. Мисс Марпл из скромности сменила тему.

— Инспектор Слак все пытался заставить меня сказать, слышала я выстрел после того, как мистер Реддинг и миссис Протеро вышли из

студии, или до этого. Мне пришлось признать, что точно я не помню, но у меня сложилось впечатление — которое постепенно перерастает в убежденность, — что выстрел прозвучал после.

— Тогда это полностью снимает подозрения с нашего прославленного доктора Стоуна, — со вздохом произнес Лоуренс. — Хотя я и так не нашел ни малейшего повода подозревать его в убийстве старика Протеро.

— Ах! — воскликнула мисс Марпл. — Но я считаю, что благоразумнее хоть чуть-чуть подозревать всех. Ведь никогда ничего не знаешь наверняка, не так ли?

Как же это в духе мисс Марпл! Я спросил у Лоуренса, согласен ли он с ней в том, что касается выстрела.

— Честное слово, не могу сказать. Видите ли, звук был совершенно обычным. Я склоняюсь к тому, что стреляли, когда мы были в студии. Звук наверняка был приглушенным, и… поэтому-то мы его и не заметили.

Его не заметили по совершенно иным причинам, подумал я.

— Нужно спросить у Энн, — сказал Лоуренс. — Она наверняка помнит. Кстати, мне кажется, что есть один любопытный факт, который нуждается

в пояснении. Миссис Лестрендж, таинственная незнакомка из Сент-Мэри-Мид, нанесла поздний визит старику Протеро вскоре после ужина в среду. И никто, по всей видимости, даже не представляет, зачем она приходила. Протеро ничего не рассказывал ни жене, ни Леттис.

— Возможно, викарий знает? — сказала мисс Марпл.

Откуда этой женщине известно, что я сегодня навещал миссис Лестрендж? Просто диву даешься, как она ухитряется узнавать все новости!

Я покачал головой и сказал, что не могу пролить свет на эту загадку.

— А что думает инспектор Слак? — спросила мисс Марпл.

— Он сделал все возможное, чтобы застращать дворецкого, но, очевидно, дворецкий оказался недостаточно любопытным, чтобы подслушивать под дверью. Вот и получается, что никто не знает.

— И все же, думаю, кто-то что-то подслушал. Вы со мной согласны? — сказала мисс Марпл. — Я имею в виду, что кто-то всегда подслушивает. Полагаю, именно через это мистер Реддинг и может что-нибудь узнать.

— Но миссис Протеро ничего не знает.

— Я имела в виду не Энн, — покачала головой мисс Марпл. — Я имела в виду служанок. Они ужасно не любят что-либо рассказывать полиции. Но вот милому молодому человеку — прошу меня простить, мистер Реддинг, — да еще пострадавшему от несправедливых обвинений… о, уверена, такому они все мгновенно выложат.

— Проверю сегодня же вечером, — с энтузиазмом произнес Лоуренс. — Спасибо за подсказку, мисс Марпл. Я займусь этим после… в общем, после того маленького дельца, которое мы с викарием собирались сделать.

Я сообразил, что нам и вправду стоит поскорее заняться этим делом, и попрощался с мисс Марпл. Мы снова углубились в лес и двинулись по тропинке, пока не обнаружили место, где кто-то точно свернул вправо. Лоуренс объяснил, что уже прошел этим путем и ничего не обнаружил, однако он добавил, что мы можем предпринять еще одну попытку. Что он, возможно, в чем-то ошибся.

Все получилось так, как он и говорил. Через примерно десять-двенадцать ярдов все признаки — примятые листья, поломанные ветки — исчезли. Именно отсюда Лоуренс и продирался через подлесок к месту, где мы с ним и встре-

тились.

Мы снова вернулись на тропинку и прошли дальше. Мы опять нашли место, где растения были примяты. Признаки едва различимы, подумал я, но их ни с чем не спутаешь. На этот раз наши поиски увенчались бóльшим успехом. Извиваясь, почти незаметный след вывел нас к моему дому. Мы вышли из леса в том месте, где вдоль стены очень плотно растут кусты. Стена в этом месте высокая и по верху усыпана осколками битых бутылок. Если кто-то приставлял к стене лестницу, мы обязательно найдем следы.

Мы медленно продвигались вдоль стены, когда до наших ушей донесся треск ломающейся ветки. Я ринулся в плотные заросли кустов и нос к носу столкнулся с инспектором Слаком.

— А, это вы, — сказал он. — И мистер Реддинг… Господа, чем вы тут занимаетесь?

Мы, пав духом, объяснили.

— Именно так! — воскликнул инспектор. — Мы не такие глупые, какими нас считают, — мне в голову пришла та же идея. Я здесь уже час. Хотите знать одну вещь?

— Да, — покорно ответил я.

— Тот, кто убил полковника Протеро — кто бы это ни был, — пришел не этой дорогой! Нет ника-

ких свидетельств ни с этой стороны стены, ни с той. Кто бы ни убил Протеро, он пришел через парадную дверь. Другим путем он прийти не мог.

— Это невозможно! — горячо возразил я.

— Почему невозможно? Ваша дверь всегда открыта. Входи кто угодно. Из кухни вошедшего не видно. Известно, что вас дома нет, что миссис Клемент в Лондоне, что мистер Деннис играет в теннис. Просто, как дважды два. И не надо идти через всю деревню. Потому что напротив вашей калитки есть общественная тропа, и с нее можно свернуть вот в этот лес и выйти оттуда в любом месте. Все это элементарно, если только вдруг из своей калитки не выйдет миссис Прайс-Ридли. Так гораздо проще, чем перебираться через стену. К тому же боковое окно на втором этаже у миссис Прайс-Ридли выходит на эту стену. Нет, если так посмотреть, преступник шел именно как я говорю.

И в самом деле, складывалось впечатление, что он прав.

Глава 17

На следующее утро ко мне зашел Слак. Кажется, он смягчился по отношению ко мне. Вполне возможно, что со временем инспектор забудет об инциденте с часами.

— Итак, сэр, — сказал он, — я отследил тот телефонный звонок, что поступил вам.

— Вот как? — обрадовался я.

— Он довольно странный. Звонили из сторожки северных ворот Олд-Холла. Сейчас она пустует, старые привратники ушли на пенсию, а новых еще не наняли. Очень удобное место для звонка: пусто, и заднее окно открыто. На самом аппарате никаких отпечатков пальцев нет — их стерли. Это наводит на размышления.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что звонили специально, чтобы выманить вас из дома. Следовательно, убийца тщательно все спланировал. Если б это было безобидной шуткой, никто не стал бы стирать отпечатки.

— Да. Понимаю.

— Это также говорит о том, что убийца хорошо

знает Олд-Холл и его окрестности. Звонила не миссис Протеро. Я имею информацию обо всех ее передвижениях в тот день; с полдюжины слуг могут поклясться, что до пяти тридцати она была в доме. Затем подали машину, и Протеро с женой уехал в деревню. Полковник отправился к Куинтону, ветеринару, посоветоваться насчет лошадей. Миссис Протеро сделала заказ в бакалейной и рыбной лавках, а оттуда пошла по той самой аллее, где ее и увидела мисс Марпл. Все магазины подтвердили, что у нее с собой не было ридикюля. Старушка была права.

— Она всегда оказывается права, — мягко произнес я.

— И мисс Протеро в пять тридцать была в Мач-Бенхэме.

— Именно так, — сказал я. — Мой племянник тоже там был.

— Это снимает с нее все подозрения. С горничной, кажется, всё в порядке — небольшая истерика и уныние, но чего еще можно ожидать? Естественно, с дворецкого я глаз не спускаю — увольнение и прочее. Но я все же сомневаюсь, что он что-то знает.

— Ваше дознание, инспектор, кажется, принесло отрицательный результат.

— И да и нет, сэр. Выяснилась одна интересная вещь — причем очень неожиданно, должен признаться.

— Да?

— Помните, какой переполох вчера утром устроила ваша соседка, миссис Прайс-Ридли? Насчет телефонного звонка?

— Да, — ответил я.

— Так вот, мы проследили звонок только для того, чтобы успокоить ее. И как вы думаете, откуда звонили?

— С переговорного пункта? — предположил я.

— Нет, мистер Клемент. Звонили из коттеджа мистера Лоуренса Реддинга.

— Что? — изумленно вскричал я.

— Да. Странно, правда? Мистер Реддинг не имеет к этому никакого отношения. В это время, в шесть тридцать, на виду у всей деревни он направлялся к «Голубому кабану» с доктором Стоуном. Однако факт остается фактом. Наводит на размышления, а? Кто-то вошел в его пустой дом и воспользовался телефоном. Кто? Два странных телефонных звонка за один день… Все это подсказывает, что между ними есть связь. Я съем свою шляпу, если окажется, что звонил не один и тот же человек.

— Но с какой целью?

— Что ж, это нам и придется выяснить. На первый взгляд во втором звонке никакого смысла нет, однако он все же есть. Разве вы не видите значения этого звонка? В дом мистера Реддинга скрытно вошли, чтобы добраться до телефона и сделать звонок… Пистолет мистера Реддинга… Все сделано для того, чтобы подозрение пало на мистера Реддинга.

— Было бы гораздо логичнее и в первом случае звонить из его дома, — возразил я.

— Да, я уже думал об этом. Чем обычно мистер Реддинг занимался днем? Отправлялся в Олд-Холл и писал портрет мисс Протеро. Из дома он выезжал на мотоцикле, а в Холл въезжал через северные ворота. Теперь вы понимаете, почему звонок был сделан оттуда? *Убийца — это некто, кто не знает о ссоре и о том, что мистер Реддинг перестал ездить в Олд-Холл.*

Я несколько мгновений обдумывал умозаключения инспектора. Они показались мне логичными и неоспоримыми.

— А на телефонном аппарате мистера Реддинга сохранились отпечатки пальцев? — спросил я.

— Нет, не сохранились, — с горечью ответил инспектор. — Та чертова старуха, что приходит

к нему убираться и готовить, вчера утром стерла их. — Он ненадолго задумался. — До чего же она глупа… Не может вспомнить, когда в последний раз видела пистолет. В день убийства он мог лежать на месте, а мог и не лежать. Сказать точно она не может. Все они одинаковые!.. Для порядка я повидался с доктором Стоуном, — продолжал инспектор. — Должен признаться, он держался исключительно любезно. Вчера он и мисс Крам поднялись на холм — или курган, называйте как хотите — примерно в половину третьего и оставались там весь день. Доктор Стоун пошел домой один, она спустилась позже. Он говорит, что не слышал никакого выстрела, но не скрывает, что отличается рассеянностью. Однако все это подтверждает то, что мы думаем.

— Только вы так и не схватили убийцу, — сказал я.

— Гм, — произнес инспектор. — Вы слышали по телефону женский голос. Миссис Прайс-Ридли склоняется к тому, что голос был женским. Эх, если б выстрел не прозвучал точно по окончании телефонного звонка, я бы знал, где искать…

— Где?

— Ох! Я предпочту не говорить об этом, сэр.

Я беззастенчиво предложил ему стаканчик

старого портвейна. У меня есть замечательный портвейн многолетней выдержки. Одиннадцать часов утра — не совсем обычное время для того, чтобы пить портвейн, но я считал, что инспектору Слаку это не важно. Конечно, это надругательство над портвейном, однако есть ситуации, в которых щепетильность не нужна.

После второй порции инспектор Слак расслабился и пришел в доброе расположение духа. Вот такой эффект у этого особенного портвейна.

— Думаю, к вам, сэр, это не относится, — сказал он. — Ведь дальше вас это не пойдет? Нельзя, чтобы об этом узнали в приходе.

Я заверил его.

— Учитывая, что все произошло в вашем доме, вы, как мне кажется, имеете право знать.

— И у меня складывается такое мнение, — согласился с ним я.

— Тогда, сэр, что вы скажете насчет той дамы, что навещала полковника Протеро накануне убийства?

— Миссис Лестрендж! — в полнейшем изумлении воскликнул я.

— Не так громко, сэр. Я с миссис Лестрендж глаз не спускаю. Вспомните, что я вам говорил, — шантаж.

— Едва ли это может быть мотивом для убийства. Зачем убивать курицу, несущую золотые яйца? Тут я с вами согласиться не могу.

Инспектор очень по-свойски подмигнул мне.

— Ага! Она их тех, кого джентльменам всегда хочется защитить. Вот послушайте, сэр. Предположим, она в прошлом успешно шантажировала старого джентльмена. Через годы до нее доходят какие-то вести о нем, она приезжает сюда и принимается за старое. Однако многое изменилось. Закон совершенно поменялся. Людям, которые подают в суд за шантаж, предоставляются все возможности, причем их имена запрещено публиковать в прессе. Предположим, полковник Протеро уходит в отказ и говорит, что заявит на нее. В наши дни за шантаж дают суровые приговоры. Так что она оказывается в трудном положении. Единственный способ спастись — быстро и окончательно вывести его из игры.

Я молчал. Я был вынужден признать, что ситуация, которую описал инспектор, вполне вероятна. Только одно, на мой взгляд, не вписывалось в картину — личность миссис Лестрендж.

— Я не согласен с вами, инспектор, — сказал я. — Мне кажется, миссис Лестрендж не вяжется с ролью потенциальной шантажистки.

Она — пусть это слово и старомодное, но оно правильное — истинная леди.

Во взгляде детектива отразилась жалость.

— Эх, ладно, сэр, — покладисто произнес он, — вы священник. Вы плохо представляете, что происходит. Леди, вот еще!.. Вы бы удивились, узнай вы кое-что из того, что знаю я.

— Я имел в виду не социальный статус. Миссис Лестрендж вполне может быть и *declassée*[23]. Я имел в виду другое, а именно утонченность ее личности.

— Вы смотрите на нее другими глазами, сэр, не как я. Да, я мужчина, но я и офицер полиции. Утонченностью личности меня не проймешь. Нет, эта женщина из тех, кто не моргнув глазом пырнет вас ножом.

Как ни странно, мне было легче поверить в то, что миссис Лестрендж виновна в убийстве, чем в то, что она способна на шантаж.

— И все же она не могла звонить вашей соседке и одновременно стрелять в полковника Протеро, — продолжил инспектор и вдруг хлопнул себя по бедрам. — Вот оно! — воскликнул он. — Телефонный звонок. Это своего рода алиби.

---

[23] Сноски: 23
Здесь: не из светского общества (*фр.*).

Преступник знал, что мы свяжем его с первым звонком. Я займусь этим. Вполне возможно, она могла нанять какого-нибудь деревенского мальчишку, чтобы тот позвонил вместо нее. Он-то никогда не связал бы звонок с убийством.

Инспектор поспешно вышел.

— Тебя хочет видеть мисс Марпл, — сказала Гризельда, заглядывая в комнату. — Она прислала какую-то странную записку — тонюсенькие буковки и сплошные подчеркивания. Я почти ничего не смогла прочесть. Очевидно, сама она выйти из дома не может. Поспеши к ней и узнай, в чем дело. Я бы пошла сама, но ко мне с минуты на минуту придут мои старушки. Терпеть не могу старух — жалуются на больные ноги и, несмотря на протесты, даже демонстрируют их… Какая удача, что дознание состоится сегодня днем! Тебе не придется идти на крикетный матч мальчишеского клуба.

Я быстро пошел к двери, взволнованный столь странной просьбой мисс Марпл.

Я нашел пожилую даму, как бы это сказать, в смятении. Ее щеки горели, она была немного не в себе.

— Мой племянник, — объяснила мисс Марпл, — мой племянник, Раймонд Уэст, писатель. Он

приезжает сегодня. Такая суматоха… Я должна за всем проследить. Убедиться, что горничная надлежащим образом просушила постель; и мы должны, естественно, к его приезду приготовить мясное блюдо. Джентльменам требуется много мяса, не так ли? И выпивки. В доме обязательно должен быть алкоголь — и сифон.

— Если я могу чем-либо… — начал я.

— Ах! Вы очень добры. Но я имела в виду не это. У нас достаточно времени. Рада сообщить, что он привезет свою трубку и табак. Рада, потому что мне не придется выяснять, какие сигареты нужно покупать. Но и опечалена, потому что придется долго выветривать запах из штор. Конечно, я открываю окна и каждое утро тщательно их вытряхиваю. Раймонд встает поздно — думаю, это характерно для писателей. Наверное, он пишет очень умные книги, хотя люди отнюдь не так неприятны, как он изображает их. Умные молодые люди плохо знают жизнь, вы согласны?

— Вы хотели бы привести его к нам на ужин? — спросил я, так и не понимая, зачем меня позвали.

— О нет, спасибо, — ответила мисс Марпл. — Вы очень добры, — добавила она.

— Думаю, у вас… э-э… есть нечто срочное, если

вы хотели видеть меня, — в полном недоумении сказал я.

— Ах, конечно! Я совсем потеряла голову от радости. Эмили, — бросившись к двери, окликнула она горничную. — Эмили! Не эти простыни. А те, с оборкой и монограммой, и не раскладывай их близко к огню. — Она закрыла дверь и на цыпочках вернулась ко мне. — Вчера вечером случилось нечто любопытное, — заговорила мисс Марпл. — Я решила, что вам будет интересно узнать об этом, хотя я еще не поняла, что все это значит. Вчера вечером мне не спалось — все размышляла над нашим печальным событием. Я встала и выглянула в окно. И что, по-вашему, я увидела? — Я вопросительно посмотрел на нее. — Глэдис Крам, — с торжествующим видом объявила мисс Марпл. — Честное слово! Шла в лес с чемоданом.

— С чемоданом?

— Странно, правда? Зачем ей понадобился чемодан в лесу в двенадцать ночи?.. Видите ли, я рискну утверждать, что это не имеет никакого отношения к убийству. Но само по себе это — *Странность*. Мы же все понимаем, что сейчас нужно подмечать любые Странности.

— Действительно, все это очень странно, —

проговорил я. — А вы не допускаете, что она решила… э-э… переночевать в кургане?

— Ни в коем случае, — уверенно ответила мисс Марпл. — Потому что через очень короткое время она вернулась, но чемодана при ней не было.

Глава 18

Дознание состоялось в два часа дня (в субботу) в «Голубом кабане». Едва ли стоит говорить, что все местное население пришло в страшный ажиотаж. Ведь последнее убийство в Сент-Мэри-Мид случилось как минимум пятнадцать лет назад. Кроме того, на этот раз убили не кого-нибудь, а полковника Протеро, да и где — в доме викария! Подобный букет сенсаций редко выпадал на долю жителей деревни.

До меня донеслись комментарии, которые, вероятно, не предназначались для моих ушей.

— А вон викарий… Бледный, правда? Интересно, он приложил к этому руку? Как-никак убийство случилось в его доме…

— Как ты можешь, Мэри Адамс? Ведь он в тот момент как раз был у Генри Эбботта.

— Ах, все говорят, что он поругался с полковником. Вон Мэри Хилл. Строит из себя, а все из-за того, что служит там… Тсс, коронер идет.

Коронером был доктор Робертс из соседнего городка Мач-Бенхэм. Он прокашлялся, поправил очки и принял важный вид.

Снова слушать все свидетельские показания было утомительно. Лоуренс Реддинг дал показания о том, как обнаружил тело, и опознал свой пистолет. Он сообщил, что, насколько ему известно, он видел его двумя днями ранее, во вторник. Пистолет лежал на полке в его коттедже, и дверь дома, как обычно, была не заперта.

Миссис Протеро показала, что в последний раз видела своего мужа примерно без четверти шесть, когда они расстались на деревенской улице. Она признала, что позже зашла за ним к викарию. Она подошла к дому викария примерно в четверть седьмого со стороны боковой улицы и зашла на участок через калитку. Она не слышала голоса в кабинете и решила, что комната пуста, но вполне возможно, что ее муж сидел за письменным столом, и она его просто не увидела. Насколько ей известно, он пребывал в добром здравии и в обычном расположении духа. Она не знает о существовании врага, который мог иметь такой зуб на ее мужа.

Следующим показания давал я. Я рассказал о назначенной встрече с Протеро и о том, как меня вызвали к Эбботтам. Я рассказал, как обнаружил тело и как вызвал доктора Хейдока.

— Сколько человек, мистер Клемент, знали,

что в тот вечер полковник Протеро собирается к вам?

— Много, полагаю. Моя жена знала, мой племянник… сам полковник Протеро упомянул об этом утром, когда мы с ним встретились в деревне. Думаю, тогда его слышали многие, так как он был туговат на ухо и поэтому говорил очень громким голосом.

— Значит, это был общеизвестный факт? Знать мог любой?

Я подтвердил.

Следующим шел Хейдок, бывший наиболее важным свидетелем. Он подробно, со всеми техническими деталями, описал тело и рану и высказал собственное мнение, что покойного застрелили приблизительно в промежутке между шестью двадцатью и шестью тридцатью — точно не позже шести тридцати пяти. Это крайний срок. В этом он уверен и настаивает на этом. О самоубийстве речи нет, такое ранение нанести самому себе невозможно.

Показания инспектора Слака были сдержанными и краткими. Он рассказал, как прибыл на место и при каких обстоятельствах увидел тело. Была представлена незаконченная записка, инспектор обратил внимание присутствующих на

проставленное на ней время — шесть двадцать. Зашла речь и о настольных часах. Согласно предварительному заключению, смерть наступила в шесть двадцать две. Полиция не делает никаких выводов. Позже миссис Протеро рассказала мне, что ей предложили слегка передвинуть время своего визита на срок чуть ранее шести двадцати.

Наша горничная Мэри была следующим свидетелем и вела себя довольно резко. Она ничего не слышала и вообще не желает ничего слышать. Обычно джентльменов, которые приходят к викарию, не убивают. И всё тут. У нее есть свои обязанности, ей нет дела до чего-то другого. Полковник Протеро появился ровно в четверть седьмого. Нет, она не смотрела на часы. Она услышала, как пробили часы на церкви, когда проводила его в кабинет. Она не слышала никакого выстрела. Если и стреляли, она ничего не слышала. Естественно, она знает, что был выстрел, если джентльмена нашли застреленным, — но это всё. Она выстрела не слышала.

Коронер не стал дальше развивать эту тему. Я понял, что он и полковник Мелчетт действуют согласованно.

Миссис Лестрендж была вызвана для дачи

показаний повесткой, но представленная медицинская справка за подписью доктора Хейдока свидетельствовала о том, что бедняжка больна и не может присутствовать на дознании.

Оставался еще один свидетель — древняя старушка. Та самая, которая, по словам Слака, приходила «пособить» Лоуренсу Реддингу.

Миссис Арчер показали пистолет, и она узнала в нем тот, который видела в гостиной мистера Реддинга: «В книжном шкафу лежал, там он его и держал». В последний раз она видела пистолет в день убийства. Да — в ответ на следующий вопрос, — она совершенно уверена, что он был там в четверг в обед, без четверти час, когда она уходила.

Я вспомнил, что мне рассказывал инспектор, и был немало удивлен. Может, она и была рассеянной, когда Слак разговаривал с ней, но сейчас она не сомневалась в своих показаниях.

Подводя печальный итог, коронер был твердо уверен в своем выводе. Вердикт вынесли практически сразу: убит неизвестным лицом или лицами.

Когда я выходил из зала, то увидел небольшую армию молодых людей с сияющими, оживленными лицами. Они казались похожими друг

на друга. Некоторых их них я уже видел — в последние дни они постоянно осаждали мой дом. Пытаясь сбежать от них, я юркнул обратно в зал. Удача улыбнулась мне: я налетел на археолога, доктора Стоуна, и бесцеремонно вцепился в него, выдохнув:

— Журналисты… Вы поможете мне спастись от их цепких когтей?

— Конечно, мистер Клемент. Пойдемте со мной наверх.

Мы по узкой лестнице поднялись в его гостиную, где сидела мисс Крам и с деловым видом стучала по клавишам пишущей машинки. Она поприветствовала меня широкой улыбкой и воспользовалась моим приходом, чтобы прервать работу.

— Ужасно, правда? — воскликнула мисс Крам. — Я в том смысле, что мы не знаем, кто это сделал. Не то чтобы дознание меня разочаровало, но какое-то оно унылое, я бы сказала. Ничего остренького, пресное от начала до конца.

— Значит, вы, мисс Крам, тоже там были?

— Да, была. Забавно, что вы меня не видели. Ведь вы меня не видели? Меня это немного обижает. Да, обижает. Джентльмен, пусть и священник, должен иметь острый глаз.

— Вы тоже присутствовали? — спросил я у доктора Стоуна, чтобы избежать продолжения этой игривой болтовни. Молодые женщины вроде мисс Крам вызывают у меня чувство неловкости.

— Нет, боюсь, меня мало интересуют подобные вещи. Я человек, который с головой ушел в собственное увлечение.

— Наверное, у вас очень интересное увлечение, — сказал я.

— Вы в этом немного разбираетесь?

Я был вынужден признаться, что совсем не разбираюсь.

Доктор Стоун не из тех, кого обескураживает признание в невежестве. Мои слова для него прозвучали так, как если б я сказал, что раскапывание курганов — моя единственная отдушина. Он тут же разразился речью. Вытянутые курганы, круглые курганы, каменный век, бронзовый век, палеолитические захоронения и неолитические кромлехи[24] — все эти термины посыпались на меня градом. Мне оставалось только кивать и делать умный вид — хотя, возможно, я льщу себе, говоря «умный». Доктор Стоун все говорил

---

[24] Сноски: 24

Сооружения, главным элементом которых выступают вертикально ориентированные большие камни, выложенные кругами; наиболее известный пример — Стоунхендж.

и говорил. Маленький и круглоголовый, он был абсолютно лыс, кожа на круглом лице была здорового розового цвета, глаза сияли за мощными линзами очков. Я впервые видел, чтобы человек мог так сильно воодушевиться от столь незначительного стимула. Он подробно обосновывал все аргументы «за» и «против» своей любимой теории, суть которой, кстати, я так и не ухватил.

Потом доктор Стоун долго разъяснял, в чем состояли его разногласия с полковником Протеро.

— Самоуверенный мужлан, — в сердцах произнес он. — Да-да, я знаю, что он мертв, а о мертвых нужно говорить только хорошее. Но смерть не меняет факты. Самоуверенный мужлан — вот его точная характеристика. Прочитал несколько книжек, возомнил себя авторитетом и стал спорить — и с кем?! С человеком, который посвятил изучению предмета всю свою жизнь! Вся моя жизнь, мистер Клемент, была отдана этой работе. Вся моя жизнь…

Он аж захлебывался от возбуждения. Глэдис Крам спустила его на землю одной короткой фразой:

— Вы опоздаете на поезд, если не поторопитесь, — сказала она.

— Ох! — Маленький археолог замолчал на

середине предложения и выхватил из кармана часы. — Господи помилуй! Без четверти? Невозможно.

— Стоит вам заговорить, как вы забываете о времени. Прямо не знаю, что бы вы делали, не присматривай я за вами.

— Абсолютно верно, моя дорогая, абсолютно верно. — Он ласково похлопал ее по плечу. — Замечательная девочка, мистер Клемент. Никогда ничего не забывает. Мне исключительно повезло, что я нашел ее.

— Да ладно вам, доктор Стоун, — произнесла «замечательная девочка». — Вы меня перехва́лите, так и знайте.

Я не мог избавиться от ощущения, что у меня есть все основания поддержать вторую точку зрения — ту, которая предвидит законный брак между доктором Стоуном и мисс Крам. Я подумал, что мисс Крам — по-своему довольно умная молодая женщина.

— Вам пора в дорогу, — сказала она.

— Да-да, пора.

Доктор Стоун скрылся в соседней комнате и вернулся с чемоданом.

— Вы уезжаете? — удивленно спросил я.

— Просто сбега́ю в город на пару деньков, —

пояснил он. — Должен повидать свою старую матушку, на понедельник назначена встреча с моими поверенными… Во вторник я вернусь. Кстати, я полагаю, что смерть полковника Протеро не нарушит наши договоренности. В том, что касается кургана, я имею в виду. Миссис Протеро не будет возражать против того, что мы продолжим работу?

— Думаю, нет, — ответил я и задумался над тем, кто теперь станет хозяином Олд-Холла. Вполне возможно, что Протеро оставил его Леттис. Будет интересно узнать содержание завещания полковника.

— Смерть создает семье кучу проблем, — с каким-то мрачным удовольствием заметила мисс Крам. — Никогда бы не поверила, что от нее может исходить такой противный дух.

— Что ж, я действительно должен идти. — Доктор Стоун предпринял безуспешную попытку справиться с чемоданом, большим портпледом и тяжелым зонтом. Я поспешил ему на помощь. Он запротестовал: — Не беспокойтесь… не беспокойтесь. Я отлично справлюсь. Наверняка внизу кто-то есть.

Но внизу не оказалось признаков ни коридорного, ни кого-то еще. Полагаю, все слетелись на

угощение за счет прессы. Время шло, поэтому мы отправились в путь до станции вместе, доктор Стоун нес чемодан, а я — портплед и зонт.

Мы спешили, поэтому высказывания доктора Стоуна перемежались учащенным дыханием.

— И в самом деле… очень любезно с вашей стороны… не хотел… утруждать вас… Надеюсь, мы… не опоздаем на поезд… Глэдис — хорошая девочка… просто замечательная… с прекрасным характером… боюсь, ей не очень сладко… жилось дома… с душой младенца… с душой младенца… Уверяю вас… несмотря на разницу в возрасте… у нас много общего…

Когда мы подходили к повороту на станцию, я бросил взгляд на коттедж Лоуренса Реддинга, стоявший в стороне от других домов. На крыльце я увидел двух молодых мужчин приятной наружности, еще двое заглядывали в окна. Да, тяжелый у газетчиков день.

— Приятный парень этот юный Реддинг, — заметил я, чтобы узнать, что на это скажет мой собеседник.

К этому времени доктор Стоун уже практически задыхался, поэтому ему было трудно говорить, однако он выдохнул одно слово, которое я понял не сразу.

— Опасный, — произнес доктор Стоун, когда я попросил его повторить.

— Опасный?

— Очень опасный. Невинные девушки… неопытные… падки на таких типов… они всегда… крутятся вокруг женщин… До добра не доведет.

Из этого я сделал вывод, что единственный молодой мужчина в деревне не остался незамеченным прекрасной Глэдис.

— Господи! — вскричал доктор Стоун. — Поезд!

Мы были уже недалеко от станции, поэтому бросились бежать. Поезд из Лондона уже стоял у перрона, а в Лондон — как раз подходил к станции.

У двери в зал ожидания мы столкнулись со щегольски одетым молодым человеком, и я узнал в нем племянника мисс Марпл — молодой человек только что прибыл из столицы. Он, думаю, не из тех, кто спокойно относится к подобным грубым столкновениям — они, несомненно, крайне губительны для его манеры держаться, а ведь он очень гордится своей выдержкой и бесстрастным выражением на лице. Молодой человек попятился. Я поспешил извиниться, и мы побежали дальше. Доктор Стоун забрался в вагон. Я подал ему багаж как раз в тот момент, когда поезд дер-

нулся и тронулся с места, помахал доктору на прощание и вышел на улицу. Раймонд Уэст уже отбыл, а вот наш местный аптекарь, который с гордостью носит имя Херувим, еще не успел отойти далеко. Я догнал его и пошел рядом.

— Едва не опоздал, — заметил он. — Ну, мистер Клемент, как прошло дознание? — Я рассказал ему, каков был вердикт. — Ого! Так вот что случилось… Я предполагал, что вердикт будет именно таким. А куда поехал доктор Стоун? — Я повторил то, что мне сообщил археолог. — Ему повезло, что он успел. С этой веткой всегда проблемы. Поверьте мне, мистер Клемент, это чудовищно. Стыд и позор, вот как я это называю. Мой поезд опоздал на десять минут. По субботам с расписанием вообще полная неразбериха. А в среду… нет, в четверг, точно, в четверг — я помню, что в этот день произошло убийство, потому что собирался в крепких выражениях писать жалобу на компанию, а из-за убийства совсем позабыл об этом, — да, в прошлый четверг. Я был на собрании Фармацевтического общества. И как вы думаете, насколько опоздал тот поезд, который должен прийти в шесть пятьдесят? На полчаса. На целых полчаса! Что вы на это скажете? Десять минут — еще куда ни шло. Но если поезд

приходит в семь двадцать, то домой к половине восьмого я не успеваю. Не понимаю, почему в расписании его ставят на шесть пятьдесят?

— Вы абсолютно правы, — сказал я и, желая избавиться от необходимости выслушивать монологи, распрощался с ним под тем предлогом, что мне якобы надо кое о чем поговорить с Лоуренсом Реддингом, которого я давно заприметил и который шел навстречу нам.

Глава 19

— Рад, что мы встретились, — сказал Лоуренс. — Зайдите ко мне.

Мы прошли через грубо сколоченную калитку и пошли по дорожке. Реддинг достал из кармана ключ и вставил его в замок.

— Вы теперь запираете дверь, — грустно усмехнулся я.

— Да. — Он с горечью рассмеялся. — Все мы крепки задним умом, так ведь? Сейчас как раз такой случай. Знаете, падре, — он распахнул передо мной дверь, и я прошел в дом, — есть в этом деле нечто, что мне очень не нравится. Уж больно похоже… как бы правильнее сказать… что поработал кто-то из своих. О моем пистолете знали. А это означает, что убийца, кто бы он ни был, наверняка бывал здесь, возможно, даже выпивал со мной.

— Не обязательно, — возразил я. — Полагаю, весь Сент-Мэри-Мид точно знает, где вы держите свою зубную щетку и каким зубным порошком пользуетесь.

— А почему это должно интересовать всех?

— Не знаю, — ответил я, — но интересует. Если вы смените крем для бритья, это превратится в тему для обсуждения.

— Должно быть, местные испытывают большую нужду в новостях.

— Это правда. Здесь ничего интересного не происходит.

— Ну а теперь произошло — да еще как! — Я согласился с ним. — А кто рассказывает им все эти вещи? Про крем для бритья и прочее?

— Наверное, старая миссис Арчер.

— Эта карга? Да она совсем выжила из ума, насколько я понимаю.

— Это всего лишь уловка, на которую идут бедняки, — пояснил я. — Они прячутся за маской тупости. Вы без труда обнаружите, что у пожилой дамы всё в порядке с головой. Кстати, она, кажется, абсолютно уверена в том, что в четверг, в середине дня, пистолет лежал на своем месте. Откуда у нее вдруг такая уверенность?

— Не имею ни малейшего представления.

— Думаете, она права?

— И опять же не имею ни малейшего представления. Я не составляю ежедневную перепись своих вещей.

Я оглядел маленькую гостиную. Все полки и

стол были заставлены всякими безделушками. Лоуренс жил в окружении художественного беспорядка, который меня свел бы с ума.

— Иногда мне трудно что-то найти, — сказал он, заметив мой взгляд. — С другой стороны, все под рукой, а не запрятано в какой-нибудь дальний угол.

— Точно, не запрятано, — согласился я. — Уж лучше б пистолет как раз и был запрятан.

— Между прочим, я ждал, что коронер скажет что-нибудь в этом роде. Коронеры такие тупицы… Я ожидал, что мне вынесут порицание, или как это называется?

— Кстати, — спросил я, — он был заряжен?

Лоуренс помотал головой.

— Я не настолько беспечен. Он не был заряжен, но рядом лежала коробка с патронами.

— Но в нем имелись все шесть патронов[25], и одним выстрелили.

Лоуренс кивнул.

— Чья же рука спустила курок? Все это замечательно, сэр, но пока настоящий убийца не найден, меня до конца дней будут подозревать в этом убийстве.

---

[25] Сноски: 25

Ошибка автора. В обойму самозарядного пистолета «маузер М1910» под патрон калибра .25 входило 9 патронов, а не 6.

— Не говорите так, мой мальчик.

— А я говорю. — Он помолчал, хмурясь, потом поднял голову и сказал: — Позвольте рассказать вам, что мне удалось выяснить вчера вечером. Между прочим, старушка мисс Марпл кое-что знает.

— Из-за этого, насколько мне известно, она не пользуется особой любовью.

Лоуренс рассказал мне свою историю.

Следуя совету мисс Марпл, он отправился в Олд-Холл. Там он при содействии Энн поговорил с горничной. Энн просто сказала: «Роуз, мистер Реддинг хочет задать тебе несколько вопросов». И ушла.

Лоуренс немного нервничал. Роуз, милая девушка двадцати пяти лет, не спускала с него ясного взгляда, и это в немалой степени смущало его.

«Это… это насчет смерти полковника Протеро».

«Да, сэр».

«Я, видишь ли, очень хочу добраться до правды».

«Да, сэр».

«Мне кажется, что, возможно… что, возможно, кто-то… что был какой-нибудь инцидент…»

Тут Лоуренс сообразил, что выставляет себя в совершенно идиотском свете, и от души обругал мисс Марпл с ее советами.

«Скажи, ты можешь мне помочь?»

«Да, сэр?»

Роуз вела себя как идеальная служанка, была вежливой, горела желанием услужить и демонстрировала полное отсутствие заинтересованности.

«Проклятье, — не выдержал Лоуренс, — разве вы не обсуждали убийство в передней?»

Новый метод принес определенный результат: щеки Роуз слегка порозовели. Ее идеальная бесстрастность была поколеблена.

«В передней, сэр?»

«Или в комнате экономки, или в клетушке коридорного — где вы обычно судачите? Ведь есть же такое место?»

На лице девушки промелькнул намек на улыбку, и Лоуренс приободрился.

«Послушай, Роуз, ты очень хорошая девушка. Я уверен, ты понимаешь, в каком я положении. Я очень не хочу на виселицу. Я не убивал вашего хозяина, но очень многие думают, что убийца — я. Ты можешь хоть как-то помочь мне?»

Я представляю, как привлекательно выглядел

Лоуренс в этот момент. На красивом лице мольба, голубые ирландские глаза горят лихорадочным огнем. В общем, Роуз смягчилась и капитулировала.

«Ах, сэр! Я не знаю… может ли кто-нибудь из нас помочь вам. Но никто не считает, что это сделали вы, сэр. Честное слово, никто».

«Знаю, моя дорогая, но для полиции это недостаточно веский довод, он мне не поможет».

«Полиция! — Роуз пренебрежительно дернула головой. — Уверяю вас, сэр, мы невысокого мнения об инспекторе. Слак, так его зовут… Ну и полиция!»

«И все же полиция очень могущественна. Поэтому прошу тебя, Роуз, постарайся помочь мне. Я чувствую, что мы многого не знаем. К примеру, зачем к полковнику Протеро накануне убийства приходила та дама».

«Миссис Лестрендж?»

«Да, миссис Лестрендж. Я чувствую, что в этом визите есть нечто странное».

«Действительно, есть, сэр, мы все так сказали».

«Вот как?»

«Приходит ни с того ни с сего — и спрашивает полковника. Естественно, было много разговоров — здесь о ней никто ничего не знает. А миссис

Симмонс — она экономка, сэр, — сказала, что, по ее мнению, она самая настоящая темная личность. Но потом я услышала, что сказала Глэдди, и, в общем, не знала, что думать».

«А что сказала Глэдди?»

«Ой, ничего, сэр! Просто… мы просто болтали, вы же понимаете».

Лоуренс внимательно посмотрел на нее. Он чувствовал, что девушка что-то скрывает.

«Мне очень интересно, о чем эта дама говорила с полковником Протеро».

«Да, сэр».

«Полагаю, Роуз, ты это знаешь?»

«Я?.. Ах, нет, сэр. Совсем не знаю. Откуда мне знать?»

«Послушай, Роуз. Ты сказала, что поможешь мне. Если ты что-нибудь слышала — что угодно, важным может оказаться все… я был бы тебе безмерно благодарен. Как-никак у любого была возможность — случайно — услышать разговор».

«Но я ничего не слышала, сэр. Честное слово, не слышала».

«Тогда кто-то другой слышал», — резко произнес Лоуренс.

«Ну, сэр…»

«Расскажи мне, Роуз».

«Я не знаю, как к этому отнесется Глэдди».

«Она будет рада, что ты рассказала мне. Кстати, а кто такая Глэдди?»

«Она судомойка, сэр. Она, видите ли, вышла поговорить с другом и как раз проходила мимо окна — того, которое в кабинете, — и хозяин был там вместе с той дамой. И он, конечно, говорил очень громко, как всегда. И естественно, Глэдди стало немножечко любопытно… я в том смысле…»

«Это действительно вполне естественно, — согласился Лоуренс. — Я имею в виду, что ей пришлось слушать поневоле».

«Только она никому ничего не рассказала, только мне. И нам обеим это показалось странным. Но Глэдди никому ничего не могла рассказать, потому что, видите ли, стало бы известно, что она встречалась… с… с другом… а это обязательно вызвало бы страшное недовольство у миссис Пратт, у кухарки, сэр. Но вот вам, сэр, она обязательно все расскажет, с радостью».

«А я могу пройти на кухню и поговорить с ней?»

Роуз в ужасе округлила глаза.

«О, нет, сэр, ни под каким видом! И вообще, Глэдди очень нервная девушка».

Наконец, после долгого обсуждения проблемных моментов, вопрос был решен. Тайную встречу назначили в кустарнике.

Там в положенное время Лоуренс встретился с нервной Глэдди. Девушка, как он рассказал, больше напоминала дрожащего кролика, чем человека. Десять минут ушло на то, чтобы хоть немного успокоить бедняжку, которая постоянно твердила, что она никогда бы и ни за что… что зря она так сделала, что она думала, что Роуз не выдаст ее, что она никому не хотела вреда, честное слово, не хотела, и что ей несдобровать, если миссис Пратт случайно узнает.

Лоуренс уверял, успокаивал и уговаривал, и в конечном итоге Глэдис снизошла до разговора.

«Ну если вы, сэр, уверены, что дальше это не пойдет…»

«Конечно, не пойдет».

«И на суде мне не предъявят обвинения?»

«Ни за что».

«И вы не расскажете хозяйке?»

«Ни под каким видом».

«А если это дойдет до ушей миссис Пратт…»

«Не дойдет. А теперь рассказывай, Глэдис».

«Вы и в самом деле уверены, что всё в порядке?»

«Абсолютно. Наступит день, когда ты будешь радоваться, что спасла меня от виселицы».

Глэдис поежилась.

«Ох! И правда, я бы не хотела, чтоб вас повесили, сэр. В общем, я слышала очень мало… причем совершенно случайно…»

«Я все понимаю».

«Хозяин был очень зол. “После стольких лет, — вот что он говорил, — вы приехали сюда… Это возмутительно…” Я не слышала, что сказала дама… но потом он сказал: “Я категорически отказываюсь… категорически…” Я всего не помню, но такое впечатление, что у них был скандал, она чего-то от него хотела, а он отказывался это делать. “Это подло, что вы приехали сюда”, — вот что еще он сказал. И еще: “Вы с ней не увидитесь… я запрещаю…”, и тут я навострила уши. Походило на то, что дама хотела кое-что рассказать миссис Протеро, а он этого боялся. И я тогда подумала про себя: “Ну и ну, хозяин-то наш тот еще фрукт… Ох, непрост! И не так уж хорош в конечном счете. Фрукт!” — решила я. “Мужчины все одинаковые”, — сказала я потом своему другу. Он-то не согласился, стал спорить… Но признался, что полковник Протеро его удивил — церковный староста, собирает пожертвования, по воскресеньям

ведет уроки, и тут вдруг… “Вот такие, — сказала я, — чаще бывают самыми погаными”. Так то и дело говорила моя матушка».

Глэдис замолчала, чтобы перевести дух, и Лоуренс попытался тактично вернуть ее к тому, с чего начался разговор:

«Ты что-нибудь еще слышала?»

«Боюсь, сейчас трудно что-то вспомнить, сэр. Почти все то же самое. Раз или два он сказал: “Я не верю в это”. Именно так: “Что бы Хейдок ни говорил, я не верю в это”».

«Он так и сказал, да? “Что бы Хейдок ни говорил”?»

«Да. И он сказал, что все это заговор».

«А даму ты слышала? Она что-нибудь говорила?

«Только в самом конце. Она, наверное, встала и собралась уходить, и подошла к окну. И я услышала, что она сказала. Я аж похолодела, кровь в жилах застыла. Никогда этого не забуду. “Может случиться, что к завтрашнему вечеру вы будете мертвы”, — сказала она. Причем так злобно… Как только это услышала, я сказала Роуз: “Вот это да!”»

Лоуренс задумался. Он размышлял главным образом над тем, насколько достоверной можно

считать историю Глэдис. По сути, в ней все правда, однако он подозревал, что после убийства девушка слегка приукрасила и отшлифовала ее. Особые сомнения у него вызывала точность последней фразы. Он допускал, что эта фраза, вполне возможно, обязана своим появлением самому факту убийства.

Он поблагодарил Глэдис, достойно вознаградил ее, заверил, что миссис Пратт ничего не узнает о ее проступках, и покинул Олд-Холл, имея в своем распоряжении много информации, которую следовало бы обдумать.

Одно было ясно: разговор между миссис Лестрендж и полковником Протеро был отнюдь не мирной беседой, причем полковник очень не хотел, чтобы о нем узнала его жена.

Я вспомнил историю мисс Марпл о церковном старосте, имевшем вторую семью. Не такой ли у нас случай?

Меня сильнее, чем прежде, заинтересовал вопрос, какова роль Хейдока в этом деле. Ведь он избавил миссис Лестрендж от необходимости давать показания на дознании. И прилагал все силы к тому, чтобы защитить ее от полиции.

Насколько далеко зайдет эта защита?

Предположим, Реддинг подозревает ее в пре-

ступлении — будет ли он продолжать защищать и оберегать ее?

Она чрезвычайно интересный человек, женщина, обладающая очень сильным, магнетическим очарованием. Мне самому претит мысль о том, что она как-то связана с преступлением.

Внутренний голос говорил мне: «Этого не может быть!» Но почему? И бесенок, засевший в мозгу, отвечал: «Потому что она очень красивая и привлекательная женщина. Вот почему».

Все мы, как сказала бы мисс Марпл, всего лишь люди.

Глава 20

Вернувшись домой, я застал самый разгар домашней драмы. Гризельда со слезами на глазах встретила меня в холле и потащила в гостиную.

— Она уходит.

— Кто уходит?

— Мэри. Она уведомила меня.

Я не смог воспринять эту новость как трагическую.

— Что ж, — сказал я, — наймем другую служанку.

Эти слова казались мне абсолютно разумной реакцией. Когда одна служанка увольняется, нанимают другую. Поэтому меня крайне удивил упрек в глазах Гризельды.

— Лен… ты такой бессердечный. Тебе безразлично.

Мне не было безразлично. Меня как раз обрадовала перспектива больше не питаться сгоревшими пудингами и недоваренными овощами.

— Мне придется искать какую-нибудь девушку, потом обучать ее, — жалобным голосом продолжила Гризельда.

— А Мэри разве обучена? — спросил я.

— Конечно.

— Вероятно, — сказал я, — кто-то услышал, как она обращается к нам «сэр» или «мадам», и тут же решил переманить к себе эту образцовую горничную. Могу сказать одно: их ждет разочарование.

— Все совсем не так, — возразила Гризельда. — Ее никто не хочет брать. Никто не хочет иметь такую служанку. Все дело в ее чувствах. Она расстроена, потому что Леттис Протеро сказала, что она плохо вытирает пыль.

Гризельда часто выдает удивительные заявления, но это настолько поразило меня, что я даже усомнился в его правдивости. Чтобы Леттис Протеро изменила своим привычкам, вмешалась в домашние дела и даже упрекнула нашу горничную в небрежности — такое казалось мне совершенно невероятным. Все это было не в духе Леттис, и я сказал жене об этом.

— Не понимаю, — сказал я, — какое отношение наша пыль имеет к Леттис Протеро?

— Абсолютно никакого, — ответила жена. — Вот поэтому ее упрек был необоснованным. Мне бы очень хотелось, чтобы ты сам поговорил с Мэри. Она на кухне.

У меня не было желания разговаривать с Мэри

на эту тему, но Гризельда, энергичная и деятельная, буквально втолкнула меня в кухню, я даже не успел взбунтоваться.

Мэри стояла возле мойки и чистила картошку.

— Э-э… добрый день, — нервно произнес я.

Мэри подняла голову и фыркнула, но на приветствие не ответила.

— Миссис Клемент говорит, что ты собралась покинуть нас, — сказал я.

Вот на это Мэри соизволила ответить.

— Есть вещи, — мрачно изрекла она, — с которыми девушка не может мириться, как ее ни проси.

— А ты могла бы уточнить, что именно тебя так расстроило?

— Могу, в двух словах. — (Тут, скажу сразу, она сильно промахнулась). — Стоит мне отвернуться, люди тут же начинают ходить вокруг и вынюхивать. Совать нос куда не надо. Какое ей дело, как часто я вытираю пыль в кабинете или убираюсь там? Если вы и хозяйка не жалуетесь, это больше никого не должно волновать. Главное, что вы удовлетворены.

Работа Мэри никогда не приносила мне удовлетворения. Должен признаться, что я безумно мечтаю о комнате, где тщательно вытирают пыль

и усердно убираются по утрам. Мэри же лишь проходится метелкой по самым видным местам на столиках, и это, по моему мнению, абсолютно не отвечает моим пожеланиям. Однако я отлично понимал, что сейчас не время обсуждать несущественные вопросы.

— Ведь я была обязана идти на дознание, так? И мне пришлось стоять перед двенадцатью мужчинами, мне, уважаемой девушке! Кто знает, какие вопросы могут задать… Вот что я вам скажу. Мне раньше не доводилось работать в домах, где случилось убийство, и я этого совсем не хочу.

— Надеюсь, тебе и не доведется, — сказал я. — Это невозможно согласно теории вероятности, полагаю.

— Меня не интересуют теории. Он был мировым судьей. Отправил в тюрьму многих бедняков только за то, что они поймали в силок кролика, хотя у самого фазаны и вообще чего только нет. Не успели похоронить — заявляется его дочка и говорит, что я плохо выполняю свою работу.

— Ты хочешь сказать, что здесь была мисс Протеро?

— Я застала ее тут, когда вернулась из «Голубого кабана». В кабинете. И она выдает мне: «Ах, я ищу свой маленький желтый берет — головной убор

такой, маленький, желтенький. Я оставила его тут на днях». «Не видела я вашего убора, — говорю. — Его здесь не было, когда я в четверг утром тут убиралась». А она мне: «Ах, — говорит, — но ты могла его не заметить. Ведь ты не тратишь много времени на уборку, правда?» С этими словами она проводит пальцем по каминной полке и смотрит на него. Как будто утром у меня было время, чтобы сначала снять с полки все безделушки, а потом поставить обратно, — ведь полиция только вечером распечатала комнату. «Если викарий и его супруга довольны, тогда говорить не о чем, мисс», — сказала я. Она смеется, выходит через окно и спрашивает: «Да? А ты уверена, что они довольны?»

— Ясно, — сказал я.

— Как так можно! У любой девушки есть чувства! Да я пальцы стираю до крови ради вас и хозяйки. А если хозяйка хочет приготовить какой-нибудь кулинарный шедевр, я всегда рада помочь ей.

— Я в этом не сомневаюсь, — примирительно произнес я.

— Она наверняка что-то слышала, иначе не сказала бы такого. И если я вас не устраиваю, я лучше уйду. И дело не в том, что сказала мисс

Протеро. Ее в Холле очень не любят, поверьте мне. Ни «спасибо», ни «пожалуйста» от нее не услышишь, всегда все разбрасывает… Я бы не стала миндальничать с мисс Леттис Протеро, и не понимаю, почему мистер Деннис так запал на нее. Хотя она из тех, кто умеет крутить молодыми джентльменами, ей ничего не стоит обвести их вокруг своего мелкого пальца.

Все это время Мэри с таким остервенением выковыривала глазки́, что они разлетались по кухне, как градины. Один попал мне в глаз и тем самым вызвал паузу в нашей беседе.

— Тебе не кажется, — сказал я, вытирая глаз носовым платком, — что ты увидела оскорбление там, где его не было? Ты же знаешь, Мэри, что хозяйка очень расстроится, если ты уйдешь.

— Я ничего не имею против хозяйки… или против вас, сэр.

— Что же, не кажется ли тебе в таком случае, что ты ведешь себя глупо?

Мэри фыркнула.

— Уж больно сильно я расстроилась… сначала дознание, потом это… А у любой девушки есть чувства. Но я не хочу создавать хозяйке неудобства.

— Тогда всё в порядке, — сказал я.

Я вышел из кухни к Гризельде и Деннису, поджидавшим меня в холле.

— Ну что?! — воскликнула Гризельда.

— Она остается, — объявил я, вздыхая.

— Лен, — сказала моя жена, — ты такой умный.

Я был склонен с ней не согласиться. Я не считал, что поступил умно. Я твердо придерживался мнения, что хуже, чем Мэри, служанки быть не может. Любая замена, убежден, была бы лучше.

Но мне нравится доставлять удовольствие Гризельде. Я рассказал ей, из-за чего так расстроилась Мэри.

— Как это в духе Леттис, — сказал Деннис. — В среду она не могла оставить здесь свой маленький желтый берет. Она надевала его в четверг на теннис.

— Вот это вполне правдоподобно, — сказал я.

— Она никогда не знает, где что оставила, — продолжил Деннис со своего рода нежной гордостью и восхищением, оснований для которых я не видел. — Она ежедневно теряет с десяток вещей.

— Чрезвычайно привлекательная особенность, — заметил я.

Деннис не уловил моего сарказма.

— Она действительно привлекательна, — с глу-

боким вздохом сказал он. — Ей постоянно делают предложения — она сама мне говорила.

— Наверное, это какие-то тайные поклонники, — сказал я. — У нас тут нет ни одного холостяка.

— Есть доктор Стоун, — напомнила Гризельда, и ее глаза лукаво заблестели.

— На днях он приглашал ее взглянуть на курган, — согласился я.

— А как же иначе, — сказала Гризельда. — Она же привлекательная, Лен. Даже лысый археолог неравнодушен к ней.

— Невероятная сексапильность, — блеснул познаниями Деннис.

Однако Лоуренс Реддинг оказался совершенно невосприимчив к чарам Леттис. Гризельда объяснила причину этого, причем с видом человека, абсолютно уверенного в том, что он прав:

— У Лоуренса у самого физической привлекательности хоть отбавляй. Такие всегда предпочитают…не знаю… скромниц, что ли. Очень сдержанных и робких. Женщин, которых все называют холодными. Думаю, Энн — единственная женщина, которой под силу удержать Лоуренса. Сомневаюсь, что они когда-нибудь устанут друг от друга. И все же в одном он повел себя глупо.

Он воспользовался Леттис, понимаете? Вряд ли ему приходило в голову, что он ей нравится — в некоторых отношениях он ужасно скромен, — но у меня такое чувство, что ее к нему влечет.

— Она его не выносит, — уверенно заявил Деннис. — Сама мне говорила.

Я впервые столкнулся с таким жалостливым молчанием, с каким Гризельда восприняла слова моего племянника.

Я прошел в свой кабинет. К моему удивлению, в комнате все еще сохранялась жутковатая атмосфера. Я знал, что должен преодолеть это ощущение. Стоит один раз поддаться суеверному страху, и я больше никогда не войду в свой кабинет. Я в задумчивости прошел к письменному столу. Вот здесь сидел Протеро, румяный, здоровый, уверенный в своей правоте, — и здесь же в одно мгновение был сражен выстрелом. Вот здесь, где стою я, стоял убийца…

А Протеро больше нет…

Вот ручка, которую он держал в руке.

На полу осталось едва заметное темное пятно — ковер отправили в чистку, но кровь все же протекла сквозь него.

Я поежился и произнес вслух:

— Я не могу здесь работать. Не могу.

Неожиданно заметив краем глаза нечто ярко-голубое, я наклонился. На полу под столом виднелся крохотный предмет. Я подобрал его.

Я стоял и смотрел на свою ладонь, когда вошла Гризельда.

— Забыла сказать тебе, Лен, что нас сегодня вечером приглашает к себе мисс Марпл. Чтобы развлечь своего племянника. Она боится, что ему скучно. Я ответила, что мы придем.

— Очень хорошо, дорогая.

— Что ты разглядываешь?

— Ничего. — Я закрыл ладонь и, повернувшись к своей жене, сказал: — Если уж тебе, моя дорогая, не удастся развеселить мастера Раймонда Уэста, значит, ему вообще невозможно угодить.

Моя жена сказала:

— Не глупи, Лен, — и покраснела.

Она вышла, а я раскрыл руку.

На ладони лежала сережка с лазоревым камнем, обрамленным мелким жемчугом.

Украшение было довольно необычным, и я отлично знал, у кого видел его раньше.

Глава 21

Не могу сказать, что мистер Раймонд Уэст когда-либо вызывал у меня восхищение. Он, насколько мне известно, считается одаренным романистом, а также прославился как поэт. В его поэмах отсутствуют заглавные буквы, в чем, как я понимаю, суть передовой литературы. Его книги — об очень неприятных людях, влачащих депрессивное, тупое существование. Он вполне терпимо относится к «тете Джейн», которую в ее же присутствии называет «пережитком».

Мистер Уэст заинтересовался Гризельдой мгновенно, с чрезвычайно лестной для ее самолюбия быстротой. Они обсудили современные пьесы, а потом перешли к модным стилям декора. Пусть Гризельда и посмеивается над Раймондом Уэстом, но ей, думаю, интересны те темы, которые они обсуждали.

Во время скучного разговора с мисс Марпл я периодически слышал одну и ту же фразу: «Вы тут похоронили себя». Меня это начало раздражать. Неожиданно я произнес:

— Вы считаете, что мы тут вообще чужды на-

стоящей жизни?

Раймонд Уэст взмахнул сигаретой.

— Сент-Мэри-Мид, — с авторитетным видом заявил он, — видится мне стоячим болотом.

Он посмотрел на нас, готовый к тому потоку негодования, который могли бы вызвать его слова, но почему-то никто из нас не выразил никаких эмоций — к его сожалению, вероятно.

— Не очень-то хорошее сравнение, дорогой Раймонд, — сказала мисс Марпл. — Нигде нет такого обилия жизни, как в капле воды, взятой из стоячего болота и помещенной под микроскоп.

— Да, жизни… в каком-то смысле, — вынужден был согласиться романист.

— У жизни везде один и тот же смысл, — заметила мисс Марпл.

— Тетя Джейн, вы сравниваете себя с обитателями стоячего болота?

— Мой дорогой, насколько я помню, ты сам говорил нечто подобное в одной из своих последних книг.

Никакому умному молодому человеку не понравится, когда цитаты из его трудов используются против него же. Раймонд Уэст не был исключением.

— Там было совсем другое, — буркнул он.

— Как бы то ни было, жизнь везде одинакова, — сказала мисс Марпл своим безмятежном голосом. — Рождение, знаешь ли, взросление… общение с другими людьми… столкновения и соперничество… брак и снова рождение…

— И в конце смерть, — сказал Раймонд Уэст. — Без свидетельства о смерти. Живые трупы.

— Кстати, о смерти, — сказала Гризельда. — Вы знаете, что у нас тут произошло убийство?

Раймонд Уэст отмахнулся рукой с зажатой в ней сигаретой.

— Убийство ужасно оскорбительно своей грубостью, — сказал он. — Оно меня не интересует.

Его заявление не обмануло меня. Говорят, что мир любит влюбленного[26] — примените эту поговорку к убийству, и вы получите еще более безоговорочную истину. Ни один человек не может остаться равнодушным к убийству. Простые люди вроде нас с Гризельдой в состоянии признать этот факт, но такие, как Раймонд Уэст, вынуждены притворяться, будто им скучно, — во всяком случае, первые пять минут.

Мисс Марпл, однако, выдала своего племянника, сообщив:

---

[26] Сноски: 26

Искаженная цитата из эссе «Любовь» американского писателя и общественного деятеля Ральфа Уолдо Эмерсона (1803–1882).

— Мы с Раймондом весь ужин только об этом и говорили.

— У меня большой интерес к местным новостям, — поспешно сказал Раймонд и кротко и терпеливо улыбнулся своей тете.

— А у вас, мистер Уэст, есть версия? — спросила Гризельда.

— Если рассуждать логически, — ответил Раймонд, снова взмахнув сигаретой, — только один человек мог убить Протеро.

Его слова вызвали у нас живейший отклик, наше внимание наверняка польстило ему.

— И кто же? — не утерпела Гризельда.

— Викарий, — произнес мистер Уэст и, вытянул палец в мою сторону в обвиняющем жесте.

Я охнул.

— Естественно, — заверил он меня, — я знаю, что вы не убивали. Жизнь не такая, какой должна быть. Но сама идея, а? До чего эффектно: церковный староста убит в кабинете викария самим викарием. Пальчики оближешь!

— А мотив? — спросил я.

— О! А вот это самое интересное. — Он сел прямо и, решив расстаться с сигаретой, загасил ее. — Комплекс неполноценности, думаю. Вероятно, переизбыток подавленных чувств. Наверное,

стоило бы написать роман об этом деле. Сложный получился бы сюжет. Из недели в неделю, из года в год викарий видит этого человека… на собраниях прихожан… на пикниках хора… как тот собирает пожертвования, потом несет их к алтарю. И он постоянно испытывает неприязнь к нему… но вынужден все время подавлять ее. Это не по-христиански, он не может потворствовать таким чувствам. Однако она зреет в душе, и наступает день…

Он сделал выразительный жест.

Гризельда повернулась ко мне:

— Лен, ты когда-нибудь испытывал все это?

— Никогда, — искренне ответил я.

— Однако я слышала, что вы не так давно сокрушались о том, что он все еще топчет землю, — напомнила мисс Марпл.

(Деннис, мерзавец! Но я сам виноват, нельзя было высказывать такие мысли вслух.)

— Боюсь, что все было именно так, — признал я. — Нельзя было произносить эту глупость, но в то утро он просто измотал меня.

— Печально, — сказал Раймонд Уэст. — Потому что если ваше подсознание и в самом деле планировало бы разделаться с ним, оно никогда не позволило бы вам сделать это замечание.

Он вздохнул.

— Моя версия рушится. Вероятно, это самое обычное убийство — месть браконьера или что-то в этом роде.

— Сегодня днем ко мне заходила мисс Крам, — сказала мисс Марпл. — Мы с ней встретились в деревне, и я пригласила ее взглянуть на мой сад.

— Она так любит сады? — удивилась Гризельда.

— Сомневаюсь, — ответила мисс Марпл; в ее глазах промелькнул лукавый огонек. — Но это очень полезный предлог, чтобы завести разговор, не так ли?

— Почему же вы о ней столь невысокого мнения? — поинтересовалась Гризельда. — Я не верю, что она такая уж плохая.

— Она по доброй воле выбалтывает массу информации — действительно массу, — сказала мисс Марпл. — О себе и о своих родственниках. Они, кажется, то ли умерли, то ли живут в Индии. Очень печально. Кстати, она на выходные перебралась в Олд-Холл.

— Что?

— Да, кажется, ее пригласила миссис Протеро — или она сама предложила это миссис Протеро, не знаю, как было на самом деле… Якобы чтобы

выполнить кое-какую секретарскую работу — там нужно перебрать очень много писем. Все сложилось вполне удачно. Доктор Стоун уехал, и оказалось, что ей просто нечего делать. Этот курган вносил немалое оживление в ее жизнь.

— Стоун? — произнес Раймонд. — Это не тот археолог?

— Да, он раскапывает курган на землях Протеро.

— Он замечательный человек, — сказал Раймонд. — Искренне предан своей работе. Я не так давно встречался с ним на одном ужине, и у нас состоялась чрезвычайно интересная беседа. Надо бы заглянуть к нему.

— К сожалению, — сказал я, — он только что уехал в Лондон на все выходные. Между прочим, вы сегодня днем столкнулись с ним на вокзале.

— Я столкнулся с вами. А с вами шел такой толстенький коротышка в очочках.

— Да… доктор Стоун.

— Но послушайте… то был не Стоун.

— Не Стоун?

— Не археолог. Я довольно хорошо знаю его. Тот человек был не Стоун — ни малейшего сходства.

Мы изумленно переглянулись. Я вопросительно посмотрел на мисс Марпл.

— Поразительно.

— Чемодан, — сказала мисс Марпл.

— Но зачем? — сказала Гризельда.

— Это напоминает мне тот случай, когда по деревне ходил мужчина и представлялся инспектором газовой службы, — пробормотала мисс Марпл. — Немалый у него получился улов.

— Самозванец, — сказал Раймонд Уэст. — А вот это очень интересно…

— Возникает вопрос: имеет ли он какое-то отношение к убийству? — сказала Гризельда.

— Не обязательно, — сказал я. — Но… — Я перевел взгляд на мисс Марпл.

— Вот это, — сказала она, — и есть Странность. Еще одна Странность.

— Да, — согласился я, вставая. — Я считаю, что нужно немедленно известить об этом инспектора.

Глава 22

Приказ инспектора Слака — когда я дозвонился до него — был кратким и четким: ни о чем не «распространяться». В частности, чтобы не насторожить мисс Крам. А пока в окрестностях кургана будут проводиться поиски чемодана.

Мы с Гризельдой вернулись домой, взволнованные новым поворотом событий. Однако в присутствии Денниса мы не могли ничего обсуждать, так как клятвенно пообещали инспектору Слаку, что с наших уст не слетит ни одно слово.

Как выяснилось, у Денниса была куча собственных проблем. Он вошел в мой кабинет и принялся бесцельно бродить по комнате, то и дело беря в руки какую-нибудь вещь и ставя ее на место. Вид у него был смущенный.

— В чем дело, Деннис? — не выдержал я.

— Дядя Лен, я не хочу идти во флот.

Его слова потрясли меня до глубины души. До настоящего момента мальчик был настроен в отношении своей карьеры очень решительно.

— Но ведь ты так этого желал…

— Да, а теперь передумал.

— И чем же ты хочешь заниматься?

— Финансами.

Это удивило меня еще сильнее.

— В каком смысле — финансами?

— В прямом. Я хочу пойти в коммерцию.

— Но, мой дорогой мальчик, тебе не понравится такая жизнь, я уверен. Даже если б я добился для тебя должности в каком-нибудь банке…

Деннис сказал, что имеет в виду не это. Он не хочет работать в банке. Я спросил, что конкретно он имеет в виду, и естественно, как я и подозревал, выяснилось, что сам мальчик плохо это представляет. Под «заниматься финансами» Деннис подразумевал просто быстрое обогащение, которое он со всем оптимизмом юности считал обязательным для того случая, когда человек «идет в коммерцию». Я как можно мягче избавил его от этого заблуждения.

— Что это взбрело тебе в голову? — спросил я. — Тебя вполне устраивала идея идти во флот.

— Знаю, дядя Лен, но я много думал. Однажды я женюсь, а чтобы жениться, надо быть богатым.

— Факты опровергают твою теорию, — сказал я.

— Знаю… но если жениться на настоящей девушке… я имею в виду, на девушке, которая

привыкла к определенным вещам…

Сказано было туманно, но я, кажется, понял его мысль.

— Видишь ли, — мягко произнес я, — не все девушки такие, как Леттис Протеро.

Он мгновенно вспыхнул.

— Вы совершенно несправедливы к ней. Она вам не нравится. И Гризельде тоже. Она говорит, что Леттис скучная.

С женской точки зрения Гризельда абсолютно права: Леттис действительно скучна. Однако я отлично понимал, что юноша будет оспаривать такую характеристику.

— Вот если б люди были чуть более снисходительными… Ну почему в такое трудное время даже Хартли-Нейпиры обижаются на нее! А все из-за того, что она раньше времени ушла с их дурацкой теннисной партии. С какой стати она должна оставаться, если ей скучно? Пусть скажут спасибо, что она вообще пришла.

— Большая любезность с ее стороны, — сказал я, но Деннис не заметил издевки. Он был полон обиды за Леттис.

— Она постоянно думает о других, честное слово. Вот вам пример: она заставила меня остаться. Вообще-то я тоже собрался уйти, но она даже

слышать об этом не хотела. Сказала, что это будет плохо по отношению к Нейпирам. Поэтому, чтобы доставить ей удовольствие, я задержался еще на час.

У этого юноши довольно любопытное представление о том, что подразумевается под заботой о других.

— А теперь Сюзан Хартли-Нейпир повсюду говорит, что у Леттис отвратительные манеры.

— Будь я на твоем месте, — сказал я, — я не стал бы переживать.

— Вам-то хорошо, а… — Он вдруг замолчал. — Я… я готов на все ради Леттис.

— Мало кто из нас способен сделать все ради кого-то, — сказал я. — Как бы мы этого ни хотели, мы все равно бессильны.

— Я хочу умереть, — произнес Деннис.

Бедняга. Юношеская любовь — тяжелое заболевание. Я удержался от искушения сказать что-нибудь очевидное и, вероятно, болезненное — в общем, от того, что так легко слетает с нашего языка в подобных случаях. Я пожелал ему спокойной ночи и отправился спать.

На следующее утро я в восемь провел службу, а вернувшись домой, нашел Гризельду в столовой. Она завтракала, держа перед собой лист бумаги.

Это была записка от Энн Протеро.

Дорогая Гризельда, я была бы безмерно благодарна, если б вы с викарием зашли ко мне сегодня, чтобы пообедать в тихой обстановке. Произошло нечто странное, и я бы хотела посоветоваться с мистером Клементом.

Пожалуйста, не упоминайте об этой записке, когда придете ко мне, так как я никому ничего не сказала.

Искренне Ваша,

Энн Протеро

— Естественно, мы должны пойти.

Я согласился.

— Интересно, что могло случиться?

Мне тоже было интересно.

— Знаешь, — сказал я Гризельде, — у меня такое ощущение, что нам еще далеко до окончания этого расследования.

— Ты имеешь в виду, до того момента, когда кого-нибудь арестуют?

— Нет, — покачал головой я, — я имею в виду не это. Я в том смысле, что у этого убийства слишком много последствий, подводных камней, о которых нам ничего не известно. Нужно многое

разгрести, прежде чем мы доберемся до истины.

— Ты имеешь в виду то, что напрямую не относится к убийству, но стоит на пути расследования?

— Да, ты очень хорошо передала тот смысл, который я вкладывал в свои слова.

— Думаю, мы все делаем много шума из ничего, — заявил Деннис, протягивая руку за джемом. — Это же так здорово, что старик Протеро мертв. Его никто не любил. О да! Я понимаю, что полиция вынуждена суетиться — это ее работа. Но я очень надеюсь, что они так ничего и не выяснят. Мне бы не хотелось, чтобы Слак получил повышение — он стал бы кичиться своим умом и важничать.

Ничто человеческое мне не чуждо, поэтому я был согласен с племянником по поводу карьеры Слака. Человек, который не умеет ладить с людьми, не может надеяться на популярность.

— Доктор Хейдок придерживается такого же мнения, — продолжал Деннис. — Он бы никогда не выдал убийцу правосудию. Он сам так сказал.

Думаю, именно в этом и состоит опасность взглядов Хейдока. Возможно, сами по себе они и правильные — не мне судить, — но они оказывают определенное влияние на неокрепший

юношеский ум, хотя Хейдок не ставил перед собой такую цель, я в этом уверен.

Гризельда выглянула в окно и увидела в саду репортеров.

— Думаю, они опять фотографируют окна кабинета, — со вздохом сказала она.

Мы немало настрадались из-за этого убийства. Сначала праздное любопытство обитателей деревни — каждый приходил, чтобы просто поглазеть. Затем появились репортеры, вооруженные камерами, и теперь уже деревня с интересом наблюдала за репортерами. В конечном итоге перед окном стал дежурить констебль из Мач-Бенхэма.

— Итак, — сказал я, — завтра утром похороны. Думаю, потом интерес быстро угаснет.

Когда мы подходили к Олд-Холлу, я заметил нескольких репортеров. Они забросали меня всякими вопросами, на которые я неизменно отвечал (мы обнаружили, что так проще всего) одной фразой: «Мне нечего вам сообщить».

Дворецкий проводил нас в столовую. Так мы увидели мисс Крам, пребывавшую в крайне возбужденном и радостном состоянии.

— Вот сюрприз, правда? — воскликнула она, пожимая нам руки. — Я бы не осмелилась и подумать о таком, но миссис Протеро такая добрая,

правда? Ведь совсем негоже молодой девушке одной ночевать в таком месте, как «Голубой кабан», когда вокруг снуют репортеры и прочее. И конечно, я постаралась быть полезной — в такое время любому может понадобиться секретарь, а от мисс Протеро никакой помощи нет, правда?

Я с удивлением отметил, что мисс Крам, чей враждебный настрой против Леттис никуда не делся, превратилась в горячего приверженца Энн. Интересно, спросил я себя, а насколько правдива ее история о переезде сюда? По ее версии, приглашение поступило от Энн, но так ли это на самом деле? Вполне возможно, девушка сама первой заговорила о своем нежелании в одиночестве жить в «Голубом кабане». Хотя я и старался сохранять объективность, я все же сомневался в том, что мисс Крам строго придерживается фактов.

В этот момент в комнату вошла Энн Протеро. Она была одета очень строго, в черное. В руке у нее была воскресная газета, и женщина с удрученным видом протянула ее мне.

— У меня никогда не было опыта в подобных делах. Ужасно, правда? На дознании я видела одного репортера. Я просто сказала, что очень расстроена и что мне нечего сказать, а потом он спросил у меня, не горю ли я желанием найти

убийцу своего мужа, и я ответила: «Да». Затем о том, подозреваю ли я кого-то, я ответила: «Нет». А еще — не кажется ли мне, что убийство совершил кто-то из местных; и я ответила, что, конечно, кажется. И всё. А теперь взгляните на это!

В центре страницы была фотография, очевидно, сделанная лет десять назад — одному Господу известно, откуда ее выкопали. Затем шел заголовок крупными буквами:

ВДОВА ЗАЯВЛЯЕТ, ЧТО НЕ УСПОКОИТСЯ, ПОКА НЕ ПОЙМАЕТ УБИЙЦУ МУЖА

Миссис Протеро, вдова убитого, уверена, что убийцу следует искать среди местных. У нее есть подозрения, но нет уверенности. По ее словам, горе отняло у нее все силы, однако она полна решимости поймать убийцу.

— Ведь все это не мои слова, не так ли? — сказала Энн.

— Осмелюсь заметить, что могло быть и хуже, — сказал я, возвращая ей газету.

— До чего же наглые, правда? — сказала мисс Крам. — Посмотрела бы я, как у кого-нибудь из

этих типов получилось меня обработать!

По лукавому блеску в глазах Гризельды я понял, что она восприняла это заявление буквальнее, чем хотела выразиться мисс Крам.

Объявили, что обед подан, и мы сели за стол. Леттис появилась только к середине обеда; она доплыла до пустого стула и опустилась на сиденье. Гризельду девушка удостоила улыбки, мне достался кивок. Я довольно внимательно наблюдал за ней — у меня для этого были свои причины, — однако она выглядела все тем же неземным созданием, что и всегда. Причем очень красивым, вынужден был признать я в своем стремлении к беспристрастности. Вместо траурного одеяния на ней было бледно-зеленое платье, которое подчеркивало удивительный цвет ее волос.

Когда мы сели пить кофе, Энн тихо сказала:

— Я хочу переговорить с викарием. Мы пройдем в мою гостиную.

Наконец-то я узна́ю, зачем меня вызвали. Я встал и последовал за ней вверх по лестнице. Она остановилась у двери в комнату. Я собрался было заговорить, но Энн жестом остановила меня. Я понял, что она прислушивается, глядя в сторону холла.

— Отлично. Они выходят в сад… Нет, не сюда. Мы пройдем дальше.

К моему великому удивлению, Энн повела меня по коридору в самый конец крыла, где на следующий этаж вела узкая и крутая, как стремянка, лестница. Энн поднялась первой, я за ней. Мы оказались в тесной и пыльной клетушке. Энн открыла дверь, и мы прошли в просторный, погруженный в полумрак чердак, который явно использовали для того, чтобы складывать сюда ненужные вещи. Повсюду стояли сундуки, тут и там валялась поломанная мебель, у стены были свалены картины — в общем, чердак был завален тем самым хламом, который за долгие годы собирается в любом доме.

Мое изумление было настолько очевидным, что она даже улыбнулась.

— Первым делом я должна объясниться. В последнее время у меня очень чуткий сон. Вчера ночью, примерно в три часа, я услышала, как кто-то ходит по дому. Некоторое время я прислушивалась, потом встала и пошла смотреть. Выйдя на лестничную площадку, я поняла, что звуки доносятся не снизу, а сверху. Я крикнула: «Кто там?» Но ответа не последовало, я вообще больше ничего не услышала. Я решила, что у меня просто

расшалились нервы, и вернулась в кровать. Однако рано утром я все же поднялась сюда — так, из любопытства. И обнаружила вот это!

Она шагнула вперед и перевернула лицевой стороной к нам картину, прислоненную к стене.

Я даже охнул от удивления. Картина представляла собой портрет, написанный маслом, однако лицо было вырезано, причем таким образом, что человека узнать было нельзя. Более того, судя по свежим срезам, портрет изуродовали недавно.

— Удивительно, — сказал я.

— Вы согласны? Скажите, вы можете как-то объяснить это?

Я покачал головой.

— В этом есть какая-то странная жестокость, и она мне совсем не нравится. Складывается впечатление, что кто-то резал холст в приступе маниакальной ярости.

— Да, я тоже так подумала.

— Чей это был портрет?

— Не имею ни малейшего представления. Я никогда раньше его не видела. Все эти вещи уже хранились здесь, когда я вышла замуж за Люциуса и поселилась в этих местах. Я никогда не перебирала их и вообще не считала нужным ими заниматься.

— Удивительно, — снова произнес я.

Затем я прошел вперед и осмотрел другие картины. Это оказалось именно то, чего можно было ожидать: несколько очень посредственных пейзажей, несколько олеографий[27] и пара-тройка репродукций в дешевых рамах. Ничего, что могло бы дать ключ к загадке. На древнем сундуке — таком, какие порой называют ковчегами — стояли инициалы «Э. П.». Я поднял крышку. Внутри было пусто. Больше ничто на чердаке не привлекло мое внимание.

— И в самом деле удивительное происшествие, — сказал я. — Кажется, что оно… начисто лишено смысла.

— Да, — согласилась Энн. — И это пугает меня сильнее всего.

Мы не стали задерживаться наверху. Я вместе с ней спустился в ее гостиную.

— Как вы думаете, мне надо что-то с этим делать? Заявлять в полицию? — спросила Энн, закрывая дверь.

Я колебался.

— Трудно так сразу сказать, действительно

---

[27] Сноски: 27

Здесь: оттиски с масляных картин, сделанные таким образом, чтобы не только как можно точнее передать колорит, но и повторить рельеф оригинала.

ли…

— Оно связано с убийством? — закончила за меня Энн. — Понимаю. В этом-то вся сложность. На первый взгляд кажется, что связи нет.

— Да, — подтвердил я, — но в этом заключается еще одна Странность.

Мы оба замолчали, озадаченно хмурясь.

— Позвольте спросить, каковы ваши планы? — наконец спросил я.

Миссис Протеро подняла голову.

— Я собираюсь жить здесь еще как минимум полгода! — с вызовом произнесла она. — Хотя и не хочу. Мне претит эта идея. Но, думаю, это единственный возможный вариант. В противном случае люди скажут, что я сбежала, что у меня нечистая совесть.

— Ничего подобного.

— О, скажут! Особенно когда… — Она помолчала и продолжила: — Когда истекут полгода, потому что я собираюсь выйти за Лоуренса. — Наши взгляды встретились. — Дольше ни один из нас ждать не собирается.

— Я предполагал, что это произойдет, — сказал я.

Неожиданно она, расплакавшись, спрятала лицо в ладонях.

— Вы не представляете, как я вам благодарна, не представляете… Мы с ним попрощались — он собирался уехать. Я ужасно себя чувствую из-за смерти Люциуса. Если б мы сбежали, а он умер, это был бы невероятный ужас. Но вы заставили нас обоих увидеть, насколько плох такой поступок. И за это я вам благодарна.

— Я тоже благодарен, — сдержанно произнес я.

— И в то же время, — сказала Энн, — пока не найдут настоящего убийцу, все будут думать, будто убийца — Лоуренс. Ох, обязательно будут! Особенно после того, как он женится на мне.

— Моя дорогая, показания доктора Хейдока ясно…

— Да кому какое дело до показаний? Ведь они даже не знают, что он говорил на дознании. К тому же медицинские показания не имеют никакого значения для посторонних. Это еще одна причина, почему я остаюсь здесь. Мистер Клемент, *я действительно собираюсь выяснить истину*. — Ее глаза блеснули, и она добавила: — Поэтому-то я и пригласила сюда эту девицу.

— Мисс Крам?

— Да.

— Так это вы пригласили ее? То есть это была ваша идея?

— В полной мере. Хотя она немного поканючила. На дознании — она была там, когда я пришла. Да, я пригласила ее намеренно.

— Как же так? — воскликнул я. — Неужели вы допускаете, что эта глупая вертихвостка может иметь отношение к убийству?

— Мистер Клемент, выглядеть глупой вертихвосткой очень легко. На свете нет ничего проще.

— Значит, вы на самом деле думаете…

— Нет. Честное слово, не думаю. Я считаю, что эта девица что-то знает, и хочу повнимательнее присмотреться к ней.

— Портрет порезали в ту ночь, когда она переехала к вам, — задумчиво проговорил я.

— Думаете, это сделала она? Но это же полнейший абсурд! Мне трудно в это поверить.

— Мне тоже кажется абсурдным и невозможным то, что вашего мужа убили в моем кабинете, — с горечью сказал я. — Но его убили именно там.

— Знаю. — Энн положила руку мне на локоть. — Это ужасно для вас. Я все хорошо понимаю, хотя и не заговаривала об этом.

Я достал из кармана голубую сережку с лазоревым камнем и показал ей.

— Полагаю, это ваше?

— Ах, да! — Она с радостной улыбкой потянулась за сережкой. — Где вы ее нашли?

Однако я не отдал ей украшение.

— Вы не возражаете, если я еще немного подержу ее у себя? — спросил я.

— Нет, конечно. — Миссис Протеро озадаченно посмотрела на меня.

Я не стал удовлетворять ее любопытство и вместо этого спросил, как у нее обстоят дела с финансами.

— Это наглый вопрос, — сказал я, — однако прошу вас не воспринимать его таковым.

— Я отнюдь не считаю его наглым. Вы с Гризельдой — мои единственные друзья здесь. А еще мне нравится эта забавная мисс Марпл. Люциус был довольно богат, так что… Он почти поровну разделил все между мной и Леттис. Олд-Холл переходит ко мне, а Леттис предоставляется возможность забрать отсюда любую мебель, чтобы обставить маленький домик, на покупку которого ей выделена немалая сумма. Так что все действительно получается поровну.

— А вам известно, каковы ее планы?

Энн смешно поморщилась.

— Она мне о них не рассказывает. Полагаю, она

постарается как можно быстрее уехать отсюда. Леттис не любит меня — никогда не любила. Вероятно, это моя вина, хотя я всегда пыталась быть с ней доброй. Думаю, молодая мачеха вызывала бы недовольство у любой девушки.

— А вам она нравится? — прямо спросил я.

Миссис Протеро ответила не сразу, и это убедило меня в том, что она — очень честный человек.

— Сначала нравилась, — наконец сказала она. — Она была милой девчушкой. Сейчас же, думаю, я не испытываю к ней теплых чувств. Не знаю почему. Наверное, потому, что она не любит меня. А мне нравится, знаете ли, когда меня любят.

— Нам всем это нравится, — сказал я, и Энн улыбнулась.

Мне предстояло выполнить еще одну задачу. Она состояла в том, чтобы переговорить наедине с Леттис Протеро. У меня получилось остаться с ней наедине довольно легко — я увидел ее в пустой гостиной. Гризельда и мисс Крам в этот момент были в саду.

Я прошел в комнату и закрыл за собой дверь.

— Леттис, — сказал я, — я хочу кое о чем поговорить с тобой.

Она устремила на меня безразличный взгляд.

— Да?

Я заранее сформулировал свой вопрос. Вытянув вперед ладонь с сережкой, я тихо произнес:

— Зачем ты бросила вот это в моем кабинете?

Я заметил, как Леттис замерла — правда, это длилось всего мгновение. Она так быстро пришла в себя, что я даже усомнился в том, что правильно оценил ее реакцию. Затем девушка беспечным тоном произнесла:

— Я ничего нигде не бросала. Это не мое. Это Энн.

— Знаю, — сказал я.

— Ну а что ж тогда спрашивать у меня? Должно быть, Энн обронила.

— После убийства миссис Протеро была в моем кабинете только один раз, но тогда она была в черном, и голубых сережек на ней не было.

— В таком случае, — сказала Леттис, — она, думаю, обронила ее до этого. — И добавила: — Вполне логично.

— Очень логично, — проговорил я. — Вероятно, ты забыла, когда твоя мачеха в последний раз надевала эти сережки?

— А! — Она с искренним недоумением посмотрела на меня. — Это так важно?

— Это может быть важно, — ответил я.

— Попробую вспомнить. — Она нахмурилась. В этот момент Леттис Протеро была чрезвычайно очаровательна. — Ах, да! — вдруг воскликнула девушка. — Они были на ней… в четверг. Я вспомнила.

— В четверг, — медленно произнес я, — произошло убийство. В тот день миссис Протеро подходила к моему кабинету через сад, однако, если ты помнишь ее показания, она лишь приблизилась к окну, но внутрь не заходила.

— Где вы ее нашли?

— Закатилась под письменный стол.

— Тогда все указывает на то, что она говорит неправду, не так ли? — холодно произнесла Леттис.

— Ты хочешь сказать, что она входила в кабинет и стояла у письменного стола?

— Ну все ведь указывает на это, верно?

Девушка абсолютно спокойно выдержала мой взгляд.

— Если хотите знать, я всегда считала, что она врет, — спокойно добавила она.

— А я точно знаю, что сейчас лжешь ты, Леттис.

— Что вы имеете в виду? — Она вздрогнула.

— Я имею в виду, — сказал я, — что в последний

раз видел эту сережку утром в пятницу, когда пришел сюда с полковником Мелчеттом. Она лежала рядом со своей парой на туалетном столике твоей мачехи. Я даже прикасался к ним.

— Ой! — Она дернулась, потом вдруг перевесилась через подлокотник кресла и разрыдалась. Ее светлые волосы почти касались пола. Это было довольно странное выражение чувств — прекрасное и необузданное.

Я дал ей немного поплакать в тишине, а потом мягко спросил:

— Леттис, зачем ты это сделала?

— Что? — Она резко выпрямилась, быстрым движением отбросила волосы; вид у нее был дикий, можно сказать, напуганный. — Что вы имеете в виду?

— Что побудило тебя к этому? Ревность? Нелюбовь к Энн?

— Ох!.. Ох, да! — Она провела руками по волосам и опять в одно мгновение овладела собой; к ней вернулось самообладание. — Да, можете называть это ревностью. Я никогда не любила Энн, с тех пор как она воцарилась здесь. Это я бросила чертову сережку под стол. Я надеялась, что из-за этого у нее будут проблемы. И у меня все получилось бы, если б вы не совали всюду нос и

не рылись бы на туалетных столиках. Да и вообще не дело, чтобы священник помогал полиции.

Это был ребячливый взрыв злобы. Я не обратил на него внимания. В тот момент она и в самом деле напоминала несчастного ребенка.

Едва ли ее детскую попытку навредить Энн следовало воспринимать всерьез. Я так и сказал ей, а потом добавил, что возвращаю ей сережку и никому не расскажу о том, при каких обстоятельствах я ее нашел. Ее это, по всей видимости, очень тронуло.

— Вы так добры, — сказала она. Помолчав минутку, снова заговорила, тщательно подбирая слова и стараясь не смотреть на меня: — Знаете, мистер Клемент, будь я… будь я на вашем месте, я бы как можно скорее услала отсюда Денниса… думаю, так было бы лучше.

— Денниса? — Я вскинул брови — ее слова и удивили, и позабавили меня.

— Думаю, так было бы лучше. — Продолжая сидеть в той же неловкой позе, она добавила: — Я сожалею насчет Денниса. Я не думала, что он… в общем, я сожалею.

На этом мы и закончили.

Глава 23

На обратном пути я предложил Гризельде сделать крюк и сходить к кургану. Мне очень хотелось выяснить, работает ли там полиция, и если работает, то что они нашли. Однако оказалось, что у жены есть дела дома, поэтому мне пришлось отправляться в экспедицию в одиночестве.

Как я выяснил, ответственным за курган был констебль Хёрст.

— Никаких признаков, сэр, — отрапортовал он. — Однако есть основания считать, что это единственное место для двойника.

Не успел я как следует оторопеть от нового неожиданного поворота дела, как сообразил, что ослышался: полицейский сказал «тайника».

— Вот какое дело, сэр: куда еще та молодка могла идти по этой тропе? Она ведет либо в Олд-Холл, либо сюда, вот и всё.

— Полагаю, — сказал я, — что инспектор Слак с пренебрежением отнесся к столь простому приему расследования, как напрямую задать вопрос молодой даме?

— Не хочет нагонять на нее страху, — сказал Хёрст. — Все, что она пишет Стоуну или что он пишет ей, может пролить свет, — когда же она узнает, что мы сидим у нее на хвосте, она тут же прямо вот так возьмет и замкнется.

Как именно «вот так», осталось неясным, однако лично я сомневался в том, что мисс Глэдис Крам вообще способна замкнуться. Мне трудно было представить ее иначе, чем бесконечно говорящей.

— Когда человек — самозванец, хочется понять, почему он самозванец, — нравоучительно произнес констебль.

— Естественно, — согласился я.

— И ответ должен лежать здесь, в этом кургане — иначе зачем ему вообще надо было поднимать всю эту возню?

– *Raison d'être*[28] для того, чтобы пошнырять вокруг, — предположил я.

Оказалось, что французский — это перебор для него, и, не сумев меня понять, он отомстил холодной фразой:

— Это дилетантский взгляд на вещи.

— Как бы то ни было, вы не нашли чемодан, —

---

[28] Сноски: 28
Здесь: веский повод (*фр.*).

сказал я.

— Найдем, сэр. Никаких сомнений.

— А вот я в этом не уверен, — сказал я. — Я много думал. Мисс Марпл говорила, что девушка появилась без чемодана через очень короткое время. То есть у нее не было времени, чтобы дойти сюда и вернуться.

— Не надо обращать внимание на то, что говорят старые дамы. Увидят что-нибудь любопытное и ждут, что случится еще что-нибудь, не замечая времени… Не имеют женщины понятия о времени.

Я часто задаюсь вопросом, почему весь мир так любит обобщать. Обобщения редко бывают верными, а чаще всего они ошибочны. Лично я плохо чувствую время (поэтому и ставлю часы чуть-чуть вперед), а мисс Марпл, должен признаться, чувствует его очень четко. У нее часы выверены до минуты, и сама она отличается строгой пунктуальностью.

Однако у меня не было намерения оспаривать заявления констебля Хёрста. Я пожелал ему доброго дня и удачи и пошел своим путем.

Я подходил к дому, когда меня осенила одна идея. Не было ничего, что могло бы меня натолкнуть на нее. Она просто возникла у меня в голове

как вероятное решение загадки.

Вы наверняка помните, как на следующий день после убийства я, исследуя тропу, обнаружил, что в одном месте на кустах поломаны ветки. Тогда я подумал, что их поломал Лоуренс, занимаясь тем же самым, что и я. Но потом мы вместе нашли еще один плохо различимый след, и оказалось, что его оставил инспектор. Размышляя над всем этим, я сообразил, что первый след (Лоуренса) был более заметен, чем второй, как будто там ходил не один человек. И я подумал: вероятно, именно это и привлекло внимание Лоуренса. А если предположить, что изначально след оставил либо доктор Стоун, либо мисс Крам?

Я вспомнил, вернее, вообразил, будто вспомнил, что на сломанных ветках было несколько сухих листьев. Если действительно так, след явно оставили не в день наших поисков.

Я уже приближался к этому интересному месту. Я легко узнал его и сразу же углубился в заросли. На этот раз я заметил, что сломаны свежие ветки. Кто-то и в самом деле проходил здесь после нас с Лоуренсом.

Я подошел к той точке, где встретил Реддинга. Однако незаметный след вел дальше, и я зашагал вслед за ним. Неожиданно путь расширился и

вывел меня на крохотную прогалину в несколько футов в поперечнике. Я говорю «прогалина», потому что подлесок тут был значительно реже, и ветки деревьев смыкались над головой.

За прогалиной подлесок снова становился плотным, и было ясно, что в последнее время через него никто не ходил. Однако в одном месте ровная стена кустов была потревожена.

Я пересек прогалину, опустился на колени и обеими руками раздвинул кусты. Наградой мне был коричневый уголок чемодана. Обрадованный, я просунул руку в тайник и не без труда вытащил чемоданчик.

Я издал торжествующий возглас. Констебль Хёрст может изойти холодным презрением, но я доказал свою правоту! Передо мной лежал тот самый чемодан, который несла мисс Крам, в этом не было сомнений. Я попытался открыть его, но он был заперт.

Поднявшись на ноги, я заметил на земле какой-то коричневатый кристалл. Почти машинально подняв его, положил в карман. Затем, взяв свою находку за ручку, вернулся на тропинку.

Когда я перебрался через приступку, с аллеи послышался голос:

— О, мистер Клемент! Вы его нашли! Какой вы

молодец!

Мысленно отметив, что мисс Марпл нет равных в искусстве видеть все и при этом не быть замеченной самой, я поставил чемоданчик на разделявшую нас ограду.

— Это тот самый, — сказала мисс Марпл. — Я узнала бы его где угодно.

А вот это, подумал я, небольшое преувеличение. Все дешевые чемоданы похожи друг на друга, а их тысячи. Никто не способен узнать конкретный чемодан, виденный с большого расстояния при лунном свете. Однако я понимал, что появление в расследовании чемодана — это особая заслуга мисс Марпл, и, следовательно, ей вполне можно простить некоторые преувеличения.

— Ведь он заперт, не так ли, мистер Клемент?

— Да. Я как раз собирался отнести его в полицейский участок.

— А вам не кажется, что лучше сообщить об этом по телефону?

Спору нет, естественно, лучше было бы сообщить по телефону. Тащиться через всю деревню с чемоданом в руке — все это привело бы к нежелательной огласке. Поэтому я отпер калитку мисс Марпл, вошел в сад, прошел в дом через французское окно и в тишине и уединении кабинета

стал звонить в полицию. Результатом разговора было заявление инспектора Слака о том, что он немедленно выезжает и скоро явится собственной персоной.

Он и явился, только вот настроение у него было сварливое.

— Итак, он у нас, верно? — произнес инспектор. — Между прочим, сэр, нельзя утаивать важные сведения. Если у вас были какие-то предположения относительно того, где может находиться данный предмет, вам следовало бы сообщить об этом властям.

— Все получилось случайно, — сказал я. — Мне в голову пришла одна мысль, и я ее проверил.

— Не рассказывайте мне сказки. Кусок леса площадью в три четверти мили, а вы идете прямиком к нужному месту и достаете чемодан…

Я бы изложил инспектору ход своих мыслей, приведший меня к тому месту, но он несколькими фразами ухитрился восстановить меня против себя и тем самым добился обычного в таких случаях результата: я ничего не рассказал.

— Ну? — произнес инспектор Слак, окидывая чемодан неприязненным и, возможно, даже безразличным взглядом. — Полагаю, мы можем заглянуть в него.

Он принес с собой связку разнообразных ключей и проволоку. Отпереть замок оказалось плевым делом. Через пару секунд чемодан был открыт.

Не знаю, что мы ожидали там увидеть — судя по всему, нечто прямо-таки сенсационное. Однако первым нашему взору открылся засаленный клетчатый шарф. Инспектор вытянул его. Далее мы увидели темно-синее пальто, уже заметно линялое и совершенно не пригодное к носке. Потом кепку в клетку.

— Ну и барахло, — сказал инспектор.

Еще он достал из чемодана пару сильно поношенных, со стоптанным каблуком ботинок. На дне обнаружился газетный сверток.

— Цветастая рубашка, похоже, — с горечью произнес Слак и разорвал бумагу.

В следующее мгновение он охнул от изумления.

В газету были завернуты несколько невзрачных маленьких серебряных предметов и нечто вроде круглого блюда из того же металла.

Мисс Марпл обрадованно вскрикнула.

— Солонки! — произнесла она. — Солонки и чаша Карла Второго! Это все вещи полковника Протеро! Нет, вы только подумайте!

Инспектор густо покраснел.

— Так вот для чего затеяли игру, — пробормотал он. — Кража. Только я не совсем понимаю. Никто не заявлял о пропаже этих предметов.

— Наверное, пропажу еще не обнаружили, — предположил я. — Вряд ли такими ценностями пользовались по назначению. Вероятно, полковник Протеро хранил их под замком, в сейфе.

— Я должен это расследовать, — сказал инспектор. — Я немедленно отправляюсь в Олд-Холл. Так вот почему доктор Стоун сбежал… Испугался, что мы, занимаясь поисками, наткнемся на его махинации. Ведь вероятность, что мы обыщем его вещи, была огромной. Он велел девчонке спрятать все это в лесу и на всякий случай сунул в чемодан комплект одежды. Он собирался вернуться за ним под покровом ночи, а она тем временем оставалась бы тут и отводила бы от него подозрения… Что ж, одно хорошее в этом есть: его можно исключить из числа вероятных убийц. Он не имел отношения к убийству. Он вел совершенно иную игру.

Инспектор убрал вещи в чемодан и удалился, отклонив приглашение мисс Марпл выпить стаканчик шерри.

— Ну вот, одна тайна открылась, — со вздо-

хом сказал я. — Слак говорит верные вещи: нет оснований подозревать его в убийстве. Все объяснилось, к нашему удовлетворению.

— Кажется, так, — сказала мисс Марпл. — Хотя никогда нельзя быть полностью уверенным, верно?

— Тут отсутствует мотив, — заметил я. — Он получил то, ради чего приехал, и готовился отчаливать.

— Д-да.

Было ясно, что подобный поворот событий не удовлетворяет пожилую даму, и я с любопытством взглянул на нее. Мисс Марпл поспешила ответить на мой вопросительный взгляд примирительной улыбкой.

— Я не сомневаюсь в том, что, скорее всего, я совершенно неправа. Я часто совершаю глупости. Только вот мне интересно… эти вещи действительно ценные, вот что я хочу спросить?

— На днях подобную чашу продали более чем за тысячу фунтов.

— Я имею в виду… ведь ее ценность не в металле?

— Нет; ценность, что называется, коллекционная.

— Вот это я и имела в виду. Чтобы продать та-

кую вещь, нужно время, но если б даже удалось договориться и сторговаться, такая сделка не прошла бы незамеченной. Я вот о чем… если б о краже сообщили в прессе, поднялся бы шум, и тогда продажа этих вещей стала бы невозможной.

— Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, — сказал я.

— Я знаю, что не умею выражать свои мысли. — Мисс Марпл заметно волновалась, ее тон стал еще более робким. — Но мне кажется… все эти вещи нельзя запросто изъять, если можно так выразиться. Единственный приемлемый вариант — заменить их копиями. Тогда, возможно, их пропажу еще долго не обнаружат.

— Весьма оригинальная идея, — сказал я.

— Это в самом деле единственный вариант, вам не кажется? А если так, то после успешной подмены отпадает, как вы говорите, повод для убийства полковника Протеро — и даже наоборот.

— Именно, — подтвердил я. — Я так и сказал.

— Да, но мне вот интересно… я, конечно, не знаю… полковник Протеро всегда заранее рассказывал о том, что собирается сделать — правда, иногда он так ничего и не делал, — но он рассказывал…

— Да?

— Что хочет оценить все эти вещи… вызвать кого-нибудь из Лондона. Для доказательства подлинности… нет, это делают с завещанием после смерти… ах, ну да — для оформления страховки! Кто-то сказал ему, что так надо сделать. Полковник рассказывал об этом на каждом углу, о том, как это важно. Конечно, я не знаю, договаривался ли он о чем-нибудь или нет, но если договаривался…

— Ясно, — медленно произнес я.

— Конечно, как только эксперт увидел бы серебро, он бы все понял, и потом полковник Протеро вспомнил бы, что показывал эти вещи доктору Стоуну… Интересно, он тогда это провернул? Ловкость рук — так, кажется, это называется? Все было так умно придумано… а тут… в общем, заварилась бы каша, выражаясь по-старому.

— Я понимаю вашу мысль, — сказал я. — Думаю, нам следует все выяснить и проверить.

И вот я снова звонил по телефону. Через несколько минут меня соединили с Олд-Холлом, и мне ответила Энн Протеро.

— Нет, ничего важного… Инспектор уже приехал? А! Стало быть, он едет к вам… Миссис Протеро, скажите, а обстановку и прочее содержимое Олд-Холла когда-нибудь оценивали?..

Сколько-сколько, вы говорите?

Ее ответ был четким и ясным. Я поблагодарил ее, положил трубку и повернулся к мисс Марпл.

— Все вполне определенно. Чтобы провести полную оценку, полковник Протеро вызвал из Лондона человека — он должен приехать в понедельник, завтра. Из-за смерти полковника процедуру отложили.

— Значит, мотив был, — тихо произнесла мисс Марпл.

— Да, был. И только. Вы кое-что забыли. Когда прозвучал выстрел, доктор Стоун как раз присоединился к остальным или перебирался через приступку, чтобы присоединиться.

— Да, — задумчиво произнесла мисс Марпл. — Это исключает его из числа подозреваемых.

Глава 24

Я вернулся домой и обнаружил, что в кабинете меня ждет Хоуз. Мой помощник нервно шагал взад-вперед, и когда я вошел, он вздрогнул, будто в него выстрелили.

— Вы должны простить меня, — сказал Хоуз, вытирая лоб. — В последнее время мои нервы на пределе.

— Мой дорогой друг, — сказал я, — вам совершенно определенно надо сменить обстановку и уехать. Иначе вы свалитесь, а это негоже.

— Я не могу покинуть свой пост. Нет, этого я никогда не сделаю.

— Речь не о том, чтобы покинуть. Вы больны. Хейдок поддержал бы меня.

— Хейдок… Хейдок. Какой из него доктор? Обычный деревенский лекарь-невежда.

— Думаю, вы несправедливы к нему. Он всегда считался хорошим специалистом в своей области.

— Да уж! Возможно… Да, наверное. Но мне он не нравится. Однако я пришел сюда не за этим. Я пришел попросить вас о любезности: не могли

бы вы сегодня вечером прочитать за меня проповедь? Я… я и на самом деле чувствую, что мне это не по силам.

— Да, конечно. Я проведу службу за вас.

— Нет-нет. Службу я проведу сам, на это у меня сил хватает. А вот мысль о том, что я поднимусь на кафедру, что на меня обратятся все эти взгляды… — Он закрыл глаза и конвульсивно сглотнул.

Мне было совершенно очевидно, что с Хоузом и в самом деле что-то не в порядке. Он словно догадался о моих мыслях, потому что открыл глаза и быстро произнес:

— Со мной все нормально. Просто эти головные боли… они сводят меня с ума. Осмелюсь попросить, вы могли бы принести мне стакан воды?

— Конечно.

Я прошел на кухню и сам налил ему воды из-под крана. Я по опыту знаю, что звонить в звонок в нашем доме бесполезно.

Я подал ему воду, и Хоуз поблагодарил меня. Затем вынул из кармана маленькую картонную коробочку, достал капсулу из рисовой бумаги, проглотил ее и запил водой.

— Порошок от головной боли, — сказал он.

Я вдруг подумал, а не пристрастился ли Хоуз к

лекарственным препаратам. Это объяснило бы многие из его странностей.

— Надеюсь, вы не злоупотребляете?

— Нет… о нет. Доктор Хейдок предупреждал меня об этом. Но они просто замечательные. От них облегчение наступает мгновенно.

И действительно, Хоуз стал спокойнее и собраннее. Он встал.

— Итак, вы прочтете проповедь сегодня вечером? Это очень любезно с вашей стороны, сэр.

— Вовсе нет. И я настаиваю на том, чтобы провести и службу. Идите домой и отдыхайте. Нет, никаких возражений. Больше ни единого слова.

Он еще раз поблагодарил меня. А потом, скосив глаза на окно, спросил:

— Вы… сегодня были в Олд-Холле, да, сэр?

— Да.

— Прошу прощения… но за вами посылали?

Я в изумлении посмотрел на него, и он покраснел.

— Прошу прощения, сэр. Я… я просто подумал, что расследование приняло новый оборот и что поэтому миссис Протеро и послала за вами.

У меня не было ни малейшего желания удовлетворять любопытство Хоуза.

— Она хотела обсудить со мной организаци-

онные вопросы, касающиеся похорон, и еще кое-какие более мелкие проблемы.

— А, и всё?.. Ясно.

Я молчал. Хоуз переминался с ноги на ногу и наконец сказал:

— Вчера мистер Реддинг заходил ко мне. Гм… не представляю зачем.

— Он вам не сообщил?

— Он… он лишь сказал, что просто хотел проведать меня. Сказал, что по вечерам ему бывает немного одиноко. Он никогда раньше так не делал.

— Что ж, он вполне приятный собеседник, — с улыбкой сказал я.

— С чего это он вздумал приходить ко мне? Мне это не нравится. — В его голосе появились визгливые нотки. — Он сказал, что снова заглянет. Что это значит? Что он затеял, как вы думаете?

— А почему вы решили, что у него есть какие-то тайные мотивы?

— Мне это не нравится, — упрямо повторил Хоуз. — Я никогда не перебегал ему дорогу. Я никогда не допускал мысли, что он виновен; даже когда он обвинил сам себя, я сказал, что все это кажется мне нелепым. Если я кого-нибудь и подозревал, то Арчера, а вот его — никогда. Ар-

чер — это совсем другое, это бандит-безбожник. Пьяница и подлец.

— Вам не кажется, что вы предвзяты? — спросил я. — Как-никак мы практически ничего не знаем об этом человеке.

— Браконьер, он не вылезает из тюрьмы и способен на все.

— Вы действительно думаете, что он убил полковника Протеро? — поинтересовался я.

Хоуз явно не любил отвечать «да» или «нет». Я не раз подмечал в нем такую особенность.

— А вам самому, сэр, не кажется, что это единственный возможный вариант?

— Насколько мне известно, — сказал я, — против него нет никаких улик.

— А его угрозы? — возбужденно произнес он. — Вы забыли о его угрозах.

Я сыт по горло разговорами об угрозах Арчера. Насколько я знаю, нет прямых указаний на то, что он вообще угрожал полковнику.

— Он горел желанием отомстить полковнику Протеро. Он накачался спиртным, а потом пристрелил его.

— Это чистое предположение.

— Но вы же признаете, что такое наиболее вероятно?

— Нет, не признаю.

— Но возможно?

— Возможно — да.

Хоуз искоса посмотрел на меня.

— А почему вы не считаете это наиболее вероятным?

— Потому что, — ответил я, — человеку типа Арчера и в голову не пришло бы стрелять из пистолета. Это не его оружие.

Мой аргумент, кажется, сбил Хоуза с ног. Очевидно, он ожидал совсем других возражений.

— Вы действительно считаете этот довод веским? — с сомнением в голосе спросил он.

— На мой взгляд, это тот камень преткновения, что не позволяет думать о виновности Арчера.

Видя, что меня не переубедить, Хоуз промолчал. Поблагодарив меня напоследок, он ушел.

Проводив его до входной двери, я увидел на столике в холле четыре письма. Их объединяли две особенности: во всех случаях почерк был женским — ошибиться было невозможно, — и на всех было написано «Срочно, лично в руки». Только одно письмо отличалось от других: оно было грязнее.

Эти одинаковые письма вызвали у меня любопытное ощущение — в глазах словно не двоилось,

а четверилось.

Из кухни вышла Мэри и увидела, как я смотрю на письма.

— Принесли после обеда, — не дожидаясь моего вопроса, сказала она. — Все, кроме одного. Его я нашла в ящике.

Я кивнул, собрал письма и пошел в кабинет.

В первом я прочитал следующее:

Дорогой мистер Клемент,

Мне кое-что довелось узнать, и я считаю, что вы должны узнать об этом. Это касается смерти бедного полковника Протеро. Я была бы искренне благодарна Вам, если б Вы дали мне совет: идти в полицию или нет. После смерти моего дражайшего супруга я всеми силами стараюсь избегать публичности. Надеюсь, Вы найдете время, чтобы сегодня днем зайти ко мне на несколько минут.

Искренне Ваша,

Марта Прайс-Ридли

Я вскрыл второе:

Дорогой мистер Клемент… я так встревожена… места себе не нахожу… хо-

чу понять, что мне делать. Мне довелось услышать нечто такое, что мне кажется важным. Но необходимость иметь дело с полицией приводит меня в ужас. Я взволнована и в отчаянии. Дорогой викарий, загляните ко мне на несколько минут и помогите разрешить мои сомнения – у вас всегда это получалось, причем самым удивительным образом. Надеюсь, я не очень о многом Вас прошу?

Простите, что докучаю Вам.

Искренне Ваша,

Каролайн Уэзерби

Я догадывался, каково будет содержание третьего письма.

Дорогой мистер Клемент,

Мне довелось услышать нечто крайне важное, и я считаю, что Вы должны первым узнать об этом. Не могли бы Вы зайти ко мне сегодня в удобное для Вас время? Буду ждать.

Это по-военному четкое письмо было подписано Амандой Хартнелл.

Я открыл четвертое послание. Мне всегда везло

в том, что я практически не получал анонимных писем. Анонимка, по моему мнению, — самое подлое и жестокое оружие. И это письмо не было исключением. Оно было написано так, чтобы анонима сочли безграмотным человеком, но некоторые особенности указывали на то, что это не так.

Дорогой викарий,

Думаю, вам следует знать, чего происходит. Тут видели вашу жену, как она тайком выходила из дома мистера Реддинга. Вы знаете, чего я имею в виду. У этой парочки шашни. Думаю, вы должны знать об этом.

Друг

Я издал возмущенный возглас, смял листок и бросил на каминную решетку. В этот момент в комнату вошла Гризельда.

— Что это ты бросил с таким отвращением? — спросила она.

— Мерзость.

Достав из кармана спички, я взял одну, чиркнул ею и наклонился. Однако Гризельда оказалась проворнее меня. Прежде чем я успел остановить ее, она быстро схватила мятый комок и распра-

вила его. Затем прочитала письмо, возмущенно хмыкнула и отдала мне. Я поджег бумагу и смотрел, как она горит.

Гризельда подошла к окну, выходящему в сад, и встала ко мне спиной.

— Лен, — сказала она, не поворачиваясь.

— Да, дорогая.

— Я хочу кое-что тебе сказать… Нет, не останавливай меня. Я так хочу, прошу тебя. Когда… когда Лоуренс Реддинг приехал сюда, я позволила тебе считать, будто знакома с ним всего чуть-чуть, шапочно. Это было неправдой. Я… я знакома с ним гораздо ближе. По сути, до того, как я познакомилась с тобой, я была влюблена в него. Думаю, в Лоуренса влюблены многие. Одно время я была… совершенно без ума от него. Не в том смысле, что я писала ему компрометирующие письма или совершала какие-нибудь глупости — в общем, все то, о чем пишут в романах. Нет, просто однажды я испытывала к нему страстное чувство.

— Почему ты мне не рассказала? — спросил я.

— Ох! Потому… Даже не знаю, наверное… человек часто совершает глупости. Ты намного старше меня, и поэтому думаешь, что я… ну, что велика вероятность того, что мне понравится кто-то еще. Я опасалась, что ты будешь постоянно

донимать меня напоминаниями о моей дружбе с Лоуренсом.

— Тебе очень ловко удается скрывать всякие вещи, — сказал я, вспомнив, что говорила мне Гризельда меньше недели назад и с какой искренностью она все это говорила.

— Да, я всегда умела это. В какой-то мере мне это нравится. — В ее голосе прозвучало почти детское ликование. — Но все, что я говорила, было правдой. Я действительно не знала об Энн, и я не понимала, почему Лоуренс так изменился, почему он… не замечает меня. Я к такому не привыкла. — Она сделала паузу. — Ты понимаешь, Лен? — с тревогой спросила она.

— Да, — ответил я, — понимаю.

Но понимал ли?

Глава 25

Я обнаружил, что мне трудно избавиться от неприятного осадка, оставленного анонимным письмом. Грязь неимоверная.

Я собрал другие три письма, посмотрел на свои часы и тронулся в путь.

Мне было очень интересно, что же это такое, что одновременно «довелось узнать» трем дамам. Я пришел к выводу, что это одна и та же новость. Однако мне предстояло обнаружить, что я ошибался в своих психологических умозаключениях.

Ноги сами понесли тем путем, что шел мимо полицейского участка, и возле здания полиции буквально налились свинцом, мешая мне идти дальше. Во всем было виновато мое желание узнать, вернулся ли инспектор Слак из Олд-Холла.

Я выяснил, что он вернулся — и более того, мисс Крам прибыла вместе с ним. Прекрасная Глэдис сидела в участке и с высокомерным видом отрицала, что относила чемодан в лес.

— И все потому, что какой-то местной сплетнице, старой ведьме, нечего делать, кроме как

ночами торчать у своего окна и наговаривать на меня… Не забывайте, один раз она уже ошиблась, когда сказала, что видела меня на боковой улочке в день убийства, и если она ошиблась тогда, при дневном свете, как она могла узнать меня в темноте, при свете луны? Злобные они, эти старухи. Несут всякую чушь. А я спала в своей кровати сном невинного младенца. Вам всем должно быть стыдно.

— А что, мисс Крам, если хозяйка «Голубого кабана» опознает этот чемодан как ваш?

— Если она скажет что-нибудь в этом роде, значит, она ошибается. На нем нет имени. Такие чемоданы есть почти у всех. Бедного же доктора Стоуна просто-напросто назвали вором! А ведь у него куча регалий и званий…

— Итак, мисс Крам, вы отказываетесь давать объяснения?

— Ничего я не отказываюсь. Вы просто ошиблись, вот и всё. Вы и все ваши старухи, которые суют нос в чужие дела. Больше я не скажу ни слова… только в присутствии адвоката. Я немедленно ухожу… вы сможете задержать меня, если только арестуете.

В ответ инспектор встал и открыл ей дверь. Мисс Крам гордо вскинула голову и вышла.

— Вот такой линии она и придерживается, — сказал Слак, возвращаясь на свое место. — Все отрицать. И естественно, пожилая дама могла ошибиться. Никакие присяжные не поверят, что можно узнать кого-то при лунном свете с большого расстояния. И конечно, как я сказал, пожилая дама могла ошибиться.

— Могла, — согласился я, — но я в этом сомневаюсь. Мисс Марпл обычно оказывается права. Именно поэтому она не пользуется особой популярностью.

Инспектор улыбнулся.

— Хёрст тоже так сказал. Ох уж эти деревни!

— Что насчет серебра, инспектор?

— Там вроде все ясно как божий день. Конечно, очевидно, что какие-то предметы — подделка. В Мач-Бенхэме есть один знающий человек, специалист по старому серебру. Я уже позвонил ему и послал за ним машину. Скоро мы узнаем, где что. Либо кража — свершившийся факт, либо она только планировалась. В общем-то, это не очень важно — для нас, я имею в виду. Кража — это мелочь по сравнению с убийством. Эти же двое не имеют отношения к убийству. Мы попробуем выйти на него через девчонку — именно поэтому я и отпустил ее и не стал задерживать.

— А я все гадал, почему вы так поступили, — сказал я.

— Жалко, что с мистером Реддингом не получилось. Нечасто встретишь человека, который делает тебе одолжение и сам идет в руки.

— Да, вы правы, — согласился я с легкой улыбкой.

— От женщин одни проблемы, — изрек инспектор.

Он вздохнул и продолжил, причем сказанное им очень удивило меня:

— Естественно, есть еще Арчер.

— Ого! — воскликнул я. — Вы и его взяли в расчет?

— А как же, естественно, сэр, первым делом. Мне не нужны никакие анонимные письма, чтобы я пошел по его следу.

— Анонимные письма? — встрепенулся я. — Значит, вы их получали?

— В этом нет ничего нового, сэр. Мы получаем не меньше десятка за день. О, конечно, об Арчере нам донесли. Как будто полиция сама бы все не выяснила! Арчер с самого начала был под подозрением. Проблема в том, что у него алиби. Правда, оно не такое уж надежное, но его очень неудобно опровергать.

— Что вы имеете в виду под «не такое надежное»?

— Да похоже, в тот день он был в компании парочки приятелей. Как я уже сказал, это ни о чем не говорит. Люди вроде Арчера и его приятелей под присягой дадут любые показания. Нельзя верить ни единому их слову. Мы-то это знаем. Но вот общественность — нет, а присяжные набираются из общественности, как это ни печально. Они ничего не знают и все до одного верят всему, что говорят свидетели, кто бы те ни были. Естественно, сам Арчер будет их клятвенно уверять в том, что преступления он не совершал.

— Ему же не надо никого выгораживать, — с улыбкой сказал я.

— Точно, — согласился инспектор.

— Это же вполне естественно — цепляться за жизнь.

— Вы бы удивились, если б узнали, скольким убийцам удалось соскочить с крючка благодаря мягкотелости присяжных, — мрачно произнес инспектор.

— Неужели вы на самом деле думаете, что убил Арчер?

Я вдруг обратил внимание на очень любопытный факт: за все время у инспектора Слака так

и не появилась собственная версия убийства. Насколько легко или трудно будет добиться обвинительного приговора — вот что заботило его сильнее всего.

— Я бы хотел иметь побольше уверенности, — признался он. — Отпечатки пальцев, следы от обуви, свидетели, видевшие его поблизости от жертвы во время преступления… Я не могу рисковать и арестовывать его без веских оснований. Пару раз Арчер был в доме мистера Реддинга, но он обязательно скажет, что ходил туда, чтобы поговорить с матерью. А она приличная женщина… Нет, в сущности, я за версию, где убийца — та дама. Эх, если б я смог раздобыть доказательства шантажа — только в этом деле никакие доказательства не собираются! Одни теории, версии… Большая жалость, мистер Клемент, что на вашей улице не живет одинокая старая дева. Готов спорить, что от нее мы смогли бы получить ценную информацию, если б таковая была.

Его слова напомнили мне о предстоящих визитах, и я откланялся. Сегодня я впервые застал инспектора в добродушном настроении.

Первый свой визит я нанес мисс Хартнелл. Она, должно быть, высматривала меня из окна, потому что открыла дверь прежде, чем я позвонил, и,

поприветствовав меня крепким рукопожатием, повела меня в дом.

— Вы очень добры, что пришли. Сюда. Здесь нам не помешают.

Мы вошли в микроскопическую комнатку размером с курятник. Мисс Хартнелл закрыла за собой дверь и с таинственным видом предложила мне сесть на стул (их было всего три). Я обратил внимание на то, что она наслаждается ситуацией.

— Я не из тех, кто ходит вокруг да около, — довольно оживленно, но при этом помня об обстоятельствах, произнесла она. — Вы знаете, как в деревнях вроде нашей любят посудачить.

— К сожалению, — сказал я, — знаю.

— На свете нет человека, который ненавидел бы сплетни сильнее, чем я. Я считала своим долгом рассказать инспектору полиции, что в день убийства я заходила к миссис Лестрендж, но ее не оказалось дома. Я не жду благодарностей за то, что исполняю свой долг; я просто его исполняю. Неблагодарность — это то, с чем человек сталкивается на каждом шагу, с первых дней жизни. К примеру, только вчера эта наглая миссис Бейкер…

— Да-да, — произнес я в надежде, что она

прервет свою тираду. — Очень грустно, очень грустно. Прошу вас, продолжайте.

— Простой народ не знает, кто их лучшие друзья, — заявила мисс Хартнелл. — Когда я навещаю малоимущих, я даю советы, которые всегда своевременны. Но никто никогда не поблагодарил меня за это.

— Вы говорили инспектору, что заходили к миссис Лестрендж, — напомнил я.

— Именно так… кстати, он тоже не поблагодарил меня. Сказал, что обратится ко мне, когда сочтет нужным, — правда, не совсем этими словами, но смысл такой. В наши дни полисмены измельчали.

— Вполне возможно, — сказал я. — Так вы собирались рассказать мне что-то?

— Я решила, что на этот раз не пойду ни к какому противному инспектору. А вот священник — это истинный джентльмен, во всяком случае, некоторые из них, — добавила она.

Я понял, что меня причисляют к этим некоторым.

— Если я могу чем-то помочь вам… — начал я.

— Это вопрос долга, — сказал мисс Хартнелл и, захлопнув рот, выдержала многозначительную паузу. — Мне совсем не хочется говорить об этом.

Терпеть не могу сплетни. Но долг есть долг. — Я ждал. — Мне дали понять, — продолжила мисс Хартнелл, сильно покраснев, — что миссис Лестрендж заявляет, будто она все время была дома и не открыла дверь потому, что… ну, потому что ей так захотелось. Сплошная манерность и жеманство. Я навещала ее из чувства долга, а в ответ получаю такое обращение!

— Она болела, — мягко произнес я.

— Болела? Вздор. Поражаюсь вам, мистер Клемент. Всё с ней в порядке. Надо же, слишком плохо себя чувствует, чтобы прийти на дознание!.. И медицинская справка за подписью доктора Хейдока! Да она помыкает им как хочет, это всем известно… Так, на чем я остановилась?

Я этого не знал. С мисс Хартнелл всегда было трудно понять, где заканчивается ее повествование и начинаются злобные нападки.

— Ах, да, на визите к ней в тот день… В общем, все это вздор, что она была дома. Не было ее там. Я знаю.

— Откуда вы это знаете?

Лицо мисс Хартнелл стало пунцовым. Если б не ее воинственность, можно было бы утверждать, что она смутилась.

— Я стучала и звонила, — пояснила она. — Два-

жды. Если не трижды. А потом вдруг подумала, что звонок мог сломаться.

Я с радостью отметил, что она всячески старается не смотреть на меня. Наши дома построены одними и теми же людьми, и звонки в обоих случаях очень хорошо слышны, когда стоишь на коврике у входной двери. Мы оба, мисс Хартнелл и я, отлично это понимали, однако помнили, что нужно соблюдать приличия.

— И?.. — спросил я.

— Я не хотела просовывать свою визитку в почтовую щель. Это выглядело бы как грубость, а я, несмотря на различные недостатки, никогда не позволяю себе грубость по отношению к другим. — Женщина произнесла это удивительное замечание без единой запинки. — Я решила обойти дом и… постучать в окно, — беззастенчиво продолжила она. — Я так и сделала. Заглянула в окно, но в доме никого не было.

Я отлично понял ее. Воспользовавшись тем, что в доме никого нет, мисс Хартнелл дала волю своему любопытству, обошла сад и заглянула во все окна, чтобы изучить внутреннее убранство дома. Она предпочла рассказать эту историю мне, так как считала, что я окажусь более сострадательным и снисходительным слушателем, чем

полиция. Предполагается, что уж священники-то должны соблюдать презумцию невиновности в отношении прихожан.

Я никак не прокомментировал ситуацию, просто задал вопрос:

— В котором часу это было, мисс Хартнелл?

— Насколько я помню, — ответила она, — было около шести часов. После этого я сразу пошла домой и была у себя в десять минут седьмого. Примерно в половине ко мне зашла миссис Протеро, а снаружи ее ждали доктор Стоун и мистер Реддинг, и мы с ней поговорили о луковицах. И все это время бедный полковник Протеро лежал с простреленной головой. Как все печально в этом мире…

— Да, иногда мир становится отталкивающим, — сказал я, вставая. — Это все, что вы хотели рассказать мне?

— Я просто подумала, что это может быть важным.

— Вполне возможно, — согласился я.

Отказавшись задержаться — к великому разочарованию мисс Хартнелл, — я удалился.

Мисс Уэзерби, которую я навестил следующей, встретила меня чрезвычайно радушно.

— Дорогой викарий, как это благородно с вашей

стороны… Вы уже пили чай? И не будете? Хотите подушечку под спину? Вы так добры, что пришли ко мне при первой же возможности. Вы всегда готовы жертвовать собой ради других.

Я еще долго выслушивал нечто подобное, прежде чем мы перешли к сути, да и к ней мисс Уэзерби подходила с массой разглагольствований на разные темы.

— Вы должны понять, что я услышала это от очень надежного источника.

В Сент-Мэри-Мид «надежный источник» — это всегда кто-то из чужих слуг.

— А вы не могли бы сказать, от кого именно?

— Я дала слово, дорогой мистер Клемент. А я всегда считала, что данное слово священно. — Вид у нее был торжественный. — Давайте скажем так: одна птичка на хвосте принесла. Ведь это же ничем не грозит, верно?

Меня так и подмывало сказать, что все это полнейшая глупость. Потом я пожалел, что не сказал. Я бы с радостью посмотрел, какой эффект эти слова произведут на мисс Уэзерби.

— В общем, эта маленькая птичка рассказала мне, что видела некую даму, имени которой мы называть не будем…

— Еще одна птичка? — спросил я.

К моему огромному изумлению, мисс Уэзерби разразилась судорожным и визгливым смехом и даже игриво похлопала меня по руке.

— Ах, викарий, — сказала она, — вы такой проказник!

Придя в себя, женщина продолжила:

— Некую даму… и как вы думаете, куда эта дама шла? Она повернула на улицу, ведущую к вашему дому, но перед этим оглядела улицу, причем очень примечательным образом, как будто проверяла, видит ее кто-нибудь или нет.

— И эта самая птичка… — начал я.

— Направлялась с визитом к торговцу рыбой — в помещении над магазином.

Я знаю, куда ходят горничные в свой выходной. И знаю место, куда они ни за что не пойдут, если можно этого избежать, — на любое открытое пространство.

— И было это, — продолжила мисс Уэзерби, с таинственным видом наклоняясь вперед, — незадолго до шести часов.

— В какой день?

Мисс Уэзерби вскрикнула.

— В день убийства, естественно! Разве я не сказала?

— Я так и понял, — сказал я. — А как звали

даму?

— Фамилия начинается с «Л», — сообщила она, несколько раз кивнув.

Чувствуя, что я получил всю информацию, которой обладала мисс Уэзерби, я встал.

— Вы не допустите, чтобы полиция допрашивала меня, да? — Она с мольбой взглянула на меня и обеими руками сжала мою руку. — Я всеми силами избегаю публичности. Мне просто страшно при мысли, что придется стоять перед судом и давать показания!

— В особых случаях, — ответил я, — свидетелям разрешается сидеть.

И ушел.

Оставалась миссис Прайс-Ридли. Эта дама сразу поставила меня на место.

— Я не намерена иметь дело с полицией или судом, — мрачно заявила она, холодно пожимая мне руку. — Однако прошу вас понять, что я столкнулась с обстоятельствами, требующими объяснения, и я считаю, что информация должна быть доведена до сведения властей.

— Это касается миссис Лестрендж? — спросил я.

— С какой стати? — холодно осведомилась миссис Прайс-Ридли.

Тут она застала меня врасплох.

— Вопрос очень простой, — заговорила женщина. — Моя горничная, Клара, стояла у калитки; она вышла туда на минуту или две — говорит, чтобы глотнуть свежего воздуха. Что маловероятно, должна признаться. Больше похоже на то, что она высматривала мальчишку из рыбной лавки — этого бесстыжего юнца, который думает, что если ему семнадцать, то уже позволено балагурить с девушками. Как бы то ни было, она стояла у калитки и услышала чихание.

— Да, — сказал я, ожидая продолжения.

— Это всё. Я говорю вам: она услышала чихание. Только не надо убеждать меня в том, что я уже не так молода, как была раньше, и могу ошибиться, потому что чихание слышала Клара, а ей всего девятнадцать.

— Но что такого в том, что она слышала чихание? — спросил я.

Миссис Прайс-Ридли посмотрела на меня с нескрываемой жалостью, как на безмозглого идиота.

— Она слышала чихание в день убийства в то самое время, когда в вашем доме никого не было. Нет сомнения в том, что убийца прятался в кустах и ждал удобной возможности. Простуженный

человек — вот кого вам надо искать.

— Или страдающий сенной лихорадкой, — предположил я. — Между прочим, миссис Прайс-Ридли, мне кажется, у этой загадки есть очень простое решение. Наша горничная, Мэри, очень сильно простудилась. Она чихала и шмыгала носом, и это страшно донимало нас. Наверное, это ее чихание слышала ваша горничная.

— Чих был мужским, — твердо заявила миссис Прайс-Ридли. — А от нашей калитки услышать, как на вашей кухне чихает горничная, невозможно.

— Да и как кто-то чихает в кабинете, от вашей калитки тоже услышать нельзя, — сказал я. — Во всяком случае, я сомневаюсь, что такое реально.

— Я говорила, что человек, должно быть, прятался в кустах, — сказала миссис Прайс-Ридли. — Поэтому, когда Клара ушла, он тут же пробрался в дом через парадную дверь.

— Ну, конечно, это возможно, — произнес я, изо всех сил стараясь, чтобы в моем голосе не звучали успокоительные нотки.

Но, видимо, меня постигла неудача, так как миссис Прайс-Ридли неожиданно устремила на меня гневный взгляд.

— Я уже привыкла к тому, что меня не слуша-

ют, но должна заметить, что непозволительно оставлять теннисную ракетку без чехла-зажима на траве — она будет безнадежно испорчена. А теннисные ракетки в наши дни очень дороги.

Я силился понять, откуда вдруг взялось это резкое замечание. Оно меня озадачило.

— Возможно, вы не согласны со мной, — сказала миссис Прайс-Ридли.

— Что вы! Конечно, согласен.

— Я рада. Итак, это все, что я хотела сказать. А далее я умываю руки и не желаю иметь никакого отношения ко всей этой истории.

Она откинулась на спинку и закрыла глаза с таким видом, будто этот мир до крайности утомил ее. Я поблагодарил миссис Прайс-Ридли и попрощался с ней.

Прежде чем уйти, я решил расспросить Клару насчет всего того, что мне рассказала ее хозяйка.

— Это абсолютная правда, сэр, я действительно слышала чих. Причем чих необычный — совсем необычный.

В преступлении вообще нет ничего обычного. Выстрел не был обычным. Чихание не было обычным. Вероятно, это был особый чих убийц. Я спросил у девушки, в котором часу она слышала чихание, но ответ ее был расплывчатым: при-

мерно между четвертью и половиной седьмого, по ее мнению. Во всяком случае, это произошло до того, как ее хозяйке позвонили.

Я спросил, слышала ли она что-нибудь похожее на выстрел. И Клара ответила, что стреляли так, что просто кошмар. После этого я понял, что доверять ее утверждениям не стоит.

Я собирался пройти в собственную калитку, но потом решил нанести один дружеский визит.

Бросив взгляд на часы, я увидел, что у меня вполне хватает для этого времени перед вечерней службой, и прошел вперед до дома Хейдока. Он встретил меня на крыльце.

Я еще раз обратил внимание на его обеспокоенный и изможденный вид. Все это расследование, по всей вероятности, отняло у него много сил.

— Рад видеть вас, — сказал он. — Какие новости?

Я рассказал ему о новых обстоятельствах касательно Стоуна.

— Первоклассный вор, — заметил Хейдок. — Что ж, это многое объясняет. Он начитался специальной литературы и изучил свой предмет, но, должно быть, время от времени делал промахи. Наверное, Протеро поймал его на чем-то. Помните ту ссору между ними? Что вы думаете

насчет девицы? Она тоже причастна?

— Тут еще много неопределенности, — ответил я. — На мой взгляд, с ней всё в порядке… — Потом добавил: — Она идиотка, каких мало.

— О, я бы так не сказал. Она довольно практична, эта мисс Глэдис Крам. Чрезвычайно жизнеспособный экземпляр. Маловероятно, что она будет докучать моим коллегам проблемами со здоровьем.

Я сказал ему, что меня очень беспокоит Хоуз и что он крайне нуждается в отдыхе и смене обстановки.

После этих слов в манерах Хейдока появилась некая уклончивость. Его ответ показался мне не совсем правдивым.

— Да, — медленно произнес он, — думаю, так было бы лучше всего. Бедняга. Бедняга…

— Я думал, вы недолюбливаете его.

— Недолюбливаю… но не сильно. Однако мне жалко и тех, кто мне не нравится. — Через минуту или две он добавил: — Мне даже Протеро жалко. Бедолага — ведь его никто не любил. Слишком твердо верил в свою правоту. А потом его самоуверенность… Неприятная смесь. Он всегда был таким, даже в молодости.

— Я не знал, что вы были знакомы в те годы.

— О, были! Когда мы жили в Вестморленде, я имел практику неподалеку от него. Давно это было. Лет двадцать назад.

Я вздохнул. Двадцать лет назад Гризельде было пять. Странная штука время…

— Клемент, вы сказали мне все, что хотели?

Я удивленно уставился на него. Хейдок внимательно смотрел на меня.

— Есть еще кое-что, да? — спросил он.

Я кивнул.

Когда я шел сюда, я сомневался, стоит ли говорить об этом, но сейчас решил заговорить. Мне нравится Хейдок. Он хороший человек во всех отношениях. Я чувствовал, что то, о чем я хочу сообщить, может быть ему полезно.

Я пересказал свои беседы с мисс Хартнелл и мисс Уэзерби.

Доктор долго молчал после того, как я договорил.

— Все это абсолютная правда, Клемент, — наконец сказал он. — Я действительно пытался оградить миссис Лестрендж от всяческих беспокойств. Между прочим, она моя давняя знакомая. Но это не единственная причина. Та медицинская справка, что я подписал, — не фальшивка, как вы могли бы подумать. — Он помолчал и мрачно

продолжил: — Только это между нами, Клемент. Миссис Лестрендж обречена.

— Что?

— Она умирает. Я даю ей максимум месяц. Теперь вы понимаете, почему я хочу уберечь ее от травли и расспросов?.. — Он продолжил: — Когда она в тот вечер повернула на эту улицу, она шла сюда, в мой дом.

— Раньше вы об этом не говорили.

— Не хотел способствовать кривотолкам. С шести до семи у меня нет приема пациентов, и все это знают. Но поверьте мне на слово, она была здесь.

— Однако ее здесь не было, когда я пришел за вами. Я имею в виду, когда мы обнаружили тело.

— Да. — Мне показалось, что он смутился. — Она уже ушла — чтобы успеть на встречу.

— А где была встреча? У нее дома?

— Не знаю, Клемент. Слово чести, не знаю.

Я верил ему, но…

— А вдруг вздернут невиновного? — сказал я.

— Нет, — помотал он головой. — За убийство полковника Протеро никого не повесят. Можете мне верить.

Однако как раз это у меня и не получалось. Хотя тон у доктора был очень уверенным.

— Никого не повесят, — повторил Хейдок. — Этот человек, Арчер… — Он нетерпеливо взмахнул рукой. — У него не хватит мозгов стереть свои отпечатки с пистолета.

— Наверное, — с сомнением произнес я.

Тут я кое-что вспомнил и достал из кармана тот самый коричневый кристалл, найденный в лесу, показал его Хейдоку и спросил, что это такое.

— Гм. — Он колебался. — Похоже на пикриновую кислоту. А где вы его нашли?

— А это, — ответил я, — секрет Шерлока Холмса.

Доктор улыбнулся.

— Что такое пикриновая кислота?

— Гм… взрывчатое вещество.

— Да, это я знаю, но ведь у нее есть и другое применение, верно?

Он кивнул.

— Ее используют в медицине — от ожогов. Замечательное средство.

Я протянул руку, и Хейдок с явной неохотой вернул мне кристалл.

— Возможно, это не имеет значения, — сказал я, — но я нашел его в довольно необычном месте.

— Скажете, где?

Я не сказал, что было ребячеством. У него есть свои секреты. Вот и у меня свои.

Мне было немного обидно, что он не решился полностью довериться мне.

Глава 26

Я пребывал в странном настроении, когда в тот вечер поднялся на кафедру.

Собралось необычайно много прихожан, церковь была полна. Мне не верилось, что люди пришли ради того, чтобы послушать проповедь Хоуза. Его проповеди скучны и безапелляционны. Весть о том, что сегодня службу вместо него проведу я, тоже не могла бы привлечь столько народу, поскольку мои проповеди скучны и академичны. Боюсь, объяснить нашествие прихожан набожностью тоже невозможно.

Все пришли, заключил я, чтобы взглянуть, кто еще придет, и, возможно, после службы обсудить последние сплетни.

Пришел Хейдок, что тоже было необычным, а также Лоуренс Реддинг. К своему удивлению, рядом с Лоуренсом я увидел Хоуза, бледного, с напряженным лицом. Энн Протеро тоже пришла, но в этом ничего необычного не было: она всегда присутствует на воскресных вечернях, просто я не предполагал, что она придет именно сегодня. Удивление у меня вызвало появление Леттис. По-

сещение утренней воскресной службы было в их семье обязательным — в этом аспекте полковник Протеро отличался твердостью, — однако я никогда прежде не видел ее на вечерних службах.

Глэдис Крам тоже пришла; она выглядела вызывающе молодой и здоровой на фоне усохших старых дев. Еще мне показалось, что в женщине, стоявшей в дальнем конце церкви, там, где царил полумрак, я узнал миссис Лестрендж.

Едва ли нужно говорить о том, что на службе в полном составе присутствовали миссис Прайс-Ридли, мисс Хартнелл, мисс Уэзерби и мисс Марпл. В общем, собрались все жители деревни, практически без исключения. Даже не помню, когда такое бывало в последний раз.

Толпа — любопытная штука. В тот вечер в церкви царила удивительная атмосфера, и первым, кто ее ощутил, был я.

Как правило, я составляю проповеди заранее, готовлю их с чрезвычайной тщательностью и добросовестностью и лучше других знаю их недостатки.

Сегодня же мне предстояло импровизировать, и я, глядя на море лиц, вдруг почувствовал, как мое сознание внезапно помутилось. Я перестал быть посланником Божьим. Я превратился в

актера. Передо мной был зрительный зал, и мне очень захотелось завладеть аудиторией. Более того, я чувствовал, что способен на это.

Я не горжусь тем, что сделал в тот вечер. Я не верю в экзальтацию ревайвализма[29]. И все же в тот вечер я исполнил роль неистовствующего красноречивого апостола.

Я произносил текст медленно.

«*Я пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию*»[30].

Я повторил это дважды, причем мой голос звучал совсем не так, как голос обыденного Леонарда Клемента. Глубокий, мощный, он разносился по церкви и эхом отдавался от ее сводов.

Я увидел, как сидевшая на скамье Гризельда с удивлением смотрит на меня. Не менее удивленный взгляд устремил на меня и Деннис.

Я задержал дыхание на пару мгновений — и с головой нырнул в омут.

Паства пришла в волнение, готовая к тому, чтобы играли на ее чувствах. Я и играл. Я призывал

---

[29] Сноски: 29

Ревайвализм (от *англ.* revival, «возрождение») — направление в протестантизме, отводящее главную роль в религиозной практике предельно эмоциональному переживанию индивидуального общения с Богом.

[30] Сноски: 30

Лк. 5:32.

грешников к покаянию. Я вогнал себя в своего рода эмоциональное безумие. Снова и снова я в обличающем жесте вытягивал руку и повторял:

— Я говорю *тебе*…

И каждый раз то тут, то там из толпы раздавались похожие на тихие вскрики вздохи.

Массовый эмоциональный подъем — это странная и страшная штука.

Я закончил вот такими красивыми и трогательными словами — возможно, самыми проникновенными во всей Библии:

— В сию ночь душу твою возьмут у тебя…[31]

То было странное состояние, однако оно быстро прошло. Когда вернулся домой, я уже был обычным — блеклым и незаметным. Неестественно бледная Гризельда взяла меня под руку.

— Лен, — сказала она, — ты сегодня внушал ужас. Мне… мне это не понравилось. Я никогда не слышала, чтобы ты *так* читал проповеди.

— Думаю, больше и не услышишь, — сказал я, устало опускаясь на диван. Я был страшно утомлен.

— Что это на тебя нашло?

— Внезапное безумие.

---

[31] Сноски: 31

Лк. 12:20. В контексте: «Безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?»

— Вот как! Не произошло ли… нечто особенное?

— В каком смысле «нечто особенное»?

— Я просто спросила. Ты, Лен, такой непредсказуемый… Мне иногда кажется, что я совсем не знаю тебя.

Мы съели холодный ужин — Мэри уже ушла.

— В холле тебя ждет письмо, — сказал Гризельда. — Деннис, пожалуйста, принеси его.

Мой племянник, который за весь ужин не произнес ни слова, молча исполнил ее просьбу.

Я взял письмо и застонал. В левом углу было написано: «Лично в руки. Срочно».

— Это, — сказал я, — наверное, от мисс Марпл. Больше некому.

Мое предположение оказалось верным.

Дорогой мистер Клемент,

Я была бы чрезвычайно рада побеседовать с Вами и обсудить кое-какие мысли, пришедшие мне в голову. Я чувствую, что мы все должны приложить силы и помочь в разгадке этой печальной тайны. Если позволите, я зайду к Вам примерно в половину десятого и постучу в окно кабинета. Возможно, милая Гризельда

окажет мне любезность и забежит ко мне, чтобы развеселить моего племянника. И Деннис, естественно, тоже, если у него возникнет желание. Если у Вас не будет возражений, я дождусь их и зайду к Вам в оговоренное время.

Искренне Ваша,

Джейн Марпл

Я протянул письмо Гризельде.

— Ой, я пойду! — радостно воскликнула моя жена. — Один-два стаканчика домашней наливки — это то что нужно в воскресный вечер. Думаю, все дело в бланманже[32], что приготовила Мэри: оно действует на меня угнетающе. Такое впечатление, будто оно из покойницкой.

Денниса, однако, идея не так вдохновила.

— Тебе-то интересно, — пробурчал он. — Ты умеешь говорить на заумные темы об искусстве и литературе; я же всегда чувствую себя полным дураком, когда слушаю тебя.

— Вот и замечательно, — со всей искренностью сказала Гризельда. — Это ставит тебя на место. Как бы то ни было, сомневаюсь, что мистер

---

[32] Сноски: 32

Десертное желе из животного или миндального молока.

Раймонд Уэст так уж страшно умен, как хочет казаться.

— Мало кто из нас страшно умен, — заметил я.

Интересно, подумал я, о чем хочет поговорить мисс Марпл. Из всех дам она, несомненно, самая проницательная. Она не только слышит и видит все, что происходит, она еще и делает из собранных фактов на удивление верные выводы. Если б мне предстоял жизненный путь мошенника, мисс Марпл была бы единственной, кого мне следовало опасаться.

То, что Гризельда назвала «племянниковой потехой», началось чуть позже девяти, а я в ожидании мисс Марпл забавлялся тем, что сводил в своеобразную таблицу факты, связанные с преступлением. Я постарался расставить их в хронологическом порядке. Пусть я не отличаюсь пунктуальностью, зато люблю четкость и предпочитаю все систематизировать.

Ровно в половине десятого раздался тихий стук в окно, я встал и впустил мисс Марпл. Ее голову и плечи закрывала ажурная шаль тончайшей вязки, а сама гостья выглядела старенькой и хрупкой. Она вошла и прямо с порога заговорила:

— Это так любезно с вашей стороны… милая Гризельда такая молодец… Раймонд восхищается

ею… настоящая женщина Грёза[33], вот как он ее называет… нет, скамеечка под ноги мне не нужна.

Я повесил шаль на стул и сел напротив своей гостьи. Мы посмотрели друг на друга, и на лице мисс Марпл появилась робкая улыбка.

— Я понимаю, что вы, должно быть, гадаете, почему… почему все это так меня интересует. Возможно, вы думаете, что это неженское дело. Нет… прошу вас… если позволите, я хотела бы объясниться… — Она замолчала, ее щеки порозовели. — Видите ли, когда живешь одна, да еще и в глубинке, нужно иметь какое-то хобби. Конечно, есть вышивание, девочки-скауты, благотворительность, работа с этюдами, но мое хобби — оно всегда у меня было — человеческая природа. Такая разнообразная… и такая захватывающая. Конечно, в маленькой деревушке, где ничто не отвлекает, есть много возможностей, чтобы стать, как говорится, специалистом в этой области. Принимаешься классифицировать людей с той же точностью, что птиц или цветы, разносить их по тем или иным группам, видам и

[33] Сноски: 33

Жан-Батист Грёз (1725–1805) — знаменитый французский живописец-классицист, создавший целую галерею идеализированных женских образов.

подвидам. Иногда, естественно, делаешь ошибки, но со временем ошибок становится все меньше и меньше. А потом начинаешь проверять себя. Берешь маленькую проблему — например, ту историю с креветками, которая так позабавила нашу дорогую Гризельду, — какую-нибудь несущественную загадку, которая так и останется непонятной, если не суметь подойти к ее решению с правильной стороны. Затем возникли истории с подмененными каплями от кашля, с зонтиком жены мясника, причем последняя выглядела абсолютно бессмысленной до предположения, что зеленщик позволял себе кое-что с женой аптекаря — и это, конечно, оказалось правдой. Так увлекательно, знаете ли, делать суждение и обнаруживать, что оно верно.

— Думаю, ваши суждения всегда верны, — сказал я, улыбаясь.

— Боюсь, именно это и сделало меня немного тщеславной, — призналась мисс Марпл. — Но мне всегда было интересно, смогу ли я, если однажды появится по-настоящему сложная загадка, применить к ней тот же метод. То есть правильно решить ее. Ведь, по логике, действовать в этом случае нужно точно так же. Как-никак, маленькая рабочая модель мины — то же самое, что и

настоящая мина.

— Вы хотите сказать, что это вопрос относительности, — медленно произнес я. — Наверное, так — если следовать логике. Только я не знаю, так ли это в жизни.

— Должно быть так, — сказала мисс Марпл. — Знаменатели — так мы называли это в школе — всегда общие. Деньги, взаимное притяжение между людьми… гм… различного пола… еще, конечно, странности. Так много странных людей, правда? По сути, большинство людей оказываются странными, когда узнаешь их поближе. Нормальные люди иногда делают совершенно поразительные вещи, а ненормальные иногда ведут себя разумно и объяснимо. Получается, что единственный метод — это сравнивать людей. Вы бы удивились, если б узнали, что все мы делимся на очень малое число четко определенных типов.

— Вы пугаете меня, — сказал я. — Мне кажется, что меня изучают через микроскоп.

— Конечно, я даже не мечтаю о том, чтобы высказать все это полковнику Мелчетту — деспотичный человек, правда? — и бедняге инспектору Слаку… Он очень похож на юную барышню в обувном магазине, которая хочет продать вам

ботинки из черной лаковой кожи, потому что они у нее есть — причем вашего размера, — и которая не принимает в расчет тот факт, что вам нужны коричневые из телячьей.

И в самом деле, очень точная характеристика Слака.

— Но у вас, мистер Клемент, я уверена, информации о преступлении столько же, сколько и у инспектора. Если бы мы могли вместе…

— Мне кажется, — сказал я, — каждый из нас в глубине души считает себя Шерлоком Холмсом.

Затем я рассказал ей о трех письмах, полученных днем, и о найденном Энн портрете с вырезанным лицом. Я также рассказал ей о поведении мисс Крам в полицейском участке и о том, как Хейдок идентифицировал кристалл.

— Коль скоро я его нашел, — закончил я, — мне хотелось бы, чтобы он оказазался важен. Но, по всей вероятности, он вообще не имеет отношения к делу.

— В последнее время я брала в библиотеке много американских детективов, — сказала мисс Марпл, — надеялась, что они нам помогут.

— Там было что-нибудь о пикриновой кислоте?

— Боюсь, нет. Хотя… помню, я читала одну

историю; в ней мужчину отравили пикриновой кислотой, которую смешали с ланолином и втирали в качестве лечебной мази.

— Но раз здесь никого не отравили, нет смысла, как мне кажется, тратить время на этот вопрос.

Я взял свою таблицу и протянул ее мисс Марпл со словами:

— Вот краткое изложение фактов. Сделал все возможное.

МОЙ ПЕРЕЧЕНЬ СОБЫТИЙ

Четверг, 21-е число сего месяца

12.30 – полковник Протеро переносит свой визит с шести вечера на шесть пятнадцать. Велика вероятность, что его слышит вся деревня.

12.45 – последний раз, когда пистолет замечен на своем месте. (Сомнительно, так как миссис Арчер до этого утверждала, что не помнит его.)

5.30 (прибл.) – полковник и миссис Протеро уезжают на машине из Олд-Холла в деревню.

5.30 – ложный звонок мне из северной сторожки Олд-Холла.

6.15 (или на минуту-две раньше) – пол-

ковник Протеро приходит в мой дом. Мэри проводит его в кабинет.

6.20 – миссис Протеро входит в сад со стороны аллеи, подходит к окну кабинета. Полковник Протеро не виден.

6.29 – звонок миссис Прайс-Ридли из коттеджа Лоуренса Реддинга (по данным станции).

6.30–6.35 – слышится выстрел. (Если учесть, что время звонка верное.) Свидетельства Лоуренса Реддинга, Энн Протеро и доктора Стоуна указывают на то, что стреляли раньше, но миссис П.-Р., вероятно, права.

6.45 – Лоуренс Реддинг оказывается в моем доме и обнаруживает тело.

6.48 – я встречаю Лоуренса Реддинга.

6.49 – я обнаруживаю тело.

6.55 – Хейдок осматривает тело.

Примечание: единственные, у кого нет алиби на 6.30 – 6.35, – это мисс Крам и миссис Лестрендж. Мисс Крам говорит, что была у кургана, но подтверждений этому нет. Однако было бы вполне резонно исключить ее из числа тех, кто имеет отношение к делу, так как, по всей

видимости, с данным делом ее ничего не связывает. Миссис Лестрендж вышла из дома доктора Хейдока вскоре после 18.00, чтобы успеть на какую-то встречу. Где была назначена встреча и с кем? Едва ли с полковником Протеро, так как он уже назначил встречу со мной. Верно то, что миссис Лестрендж была недалеко от места преступления в то время, когда было совершено убийство, но у меня вызывает сомнение мотив, который мог подвигнуть ее на преступление. Его смерть ей ничего не давала, а версию инспектора о шантаже я принять не могу. Миссис Лестрендж не такая. Также кажется маловероятным, что она каким-то образом завладела пистолетом, принадлежащим Лоуренсу Реддингу.

— Все четко, — сказала мисс Марпл, одобрительно кивая. — Четко и ясно. Джентльмены умеют составлять великолепные отчеты.

— Вы согласны с тем, что я написал? — спросил я.

— О да… вы прекрасно все изложили.

Я задал ей вопрос, который давно не давал мне

покоя:

— Мисс Марпл, кого вы подозреваете? Однажды вы сказали, что у вас на подозрении семь человек.

— Наверное, так, — рассеянно произнесла мисс Марпл. — Думаю, каждый из нас кого-то подозревает, и не обязательно одних и тех же. Ведь все мы по-разному смотрим на мир.

Она не спросила, кого подозреваю я.

— Дело в том, — продолжила пожилая дама, — что для всего нужны объяснения. Все должно быть объяснено понятным образом. Если у вас есть версия, в которую укладываются все факты… что ж, тогда это, должно быть, верная версия. Но все это ужасно сложно. Если б не записка…

— Записка? — удивленно спросил я.

— Да, вспомните, я вам рассказывала. Она очень беспокоит меня. Что-то в ней не так.

— Так ведь теперь уже все разъяснилось, — сказал я. — Она была написана в шесть тридцать пять, а потом другой рукой — рукой убийцы — подписали время шесть двадцать, чтобы ввести всех в заблуждение. Мне кажется, все это можно считать доказанным.

— И все же, — сказала мисс Марпл, — что-то тут не так.

— Но что?

— Вот послушайте. — Она подалась вперед. — Миссис Протеро прошла мимо моего сада, как я вам рассказывала, дошла до окна кабинета, заглянула внутрь, но полковника Протеро не увидела.

— Потому что он сидел за письменным столом, — сказал я.

— И вот здесь кроется ошибка. Это было в двадцать минут седьмого. Мы сошлись на том, что до половины седьмого полковник не мог сесть за записку. Так почему он должен был сидеть за письменным столом, когда заглядывала его жена?

— Я об этом не подумал, — медленно произнес я.

— Вот давайте и подумаем, мистер Клемент. Давайте пройдемся по всему еще раз. Миссис Протеро подходит к окну и думает, что комната пуста, — она наверняка думала так, потому что в противном случае не пошла бы в студию на встречу с мистером Реддингом. Она не стала бы рисковать. Должно быть, в кабинете была абсолютная тишина, если она решила, что там никого нет. А это дает нам три альтернативы, не так ли?

— Вы имеете в виду…

— Так вот, первая альтернатива заключается

в том, что к этому моменту полковник Протеро был уже мертв — но я сомневаюсь, что это наиболее вероятный вариант. Во-первых, он пробыл в доме примерно пять минут — и тогда она или я слышали бы выстрел, — а во-вторых, остается сложность с тем, что он сидел за письменным столом. Вторая альтернатива, естественно, состоит в том, что полковник сидел за письменным столом и писал записку, но в этом случае записка была бы другой. Он не мог писать, что больше не может ждать. А третья…

— Да? — сказал я.

— Третья, конечно, состоит в том, что миссис Протеро права: в комнате никого не было.

— Вы имеете в виду, что после того, как его проводили в кабинет, он вышел и вернулся позже?

— Да.

— Но зачем ему так делать?

Мисс Марпл слегка развела руки в стороны, показывая, что она и сама не понимает.

— Но это означает, что дело следует рассматривать под совершенно иным углом, — сказал я.

— Нам очень часто приходится так поступать, причем в отношении практически всего. Вы согласны?

Я не ответил, тщательно анализируя все три

альтернативы, предложенные мисс Марпл.

Пожилая дама вздохнула и поднялась.

— Я должна возвращаться. Рада, что мы с вами поговорили, хотя ни к чему так и не пришли, да?

— Если честно, — сказал я, подавая ей шаль, — все это выглядит для меня головоломным лабиринтом.

— О, я бы так не сказала. Я думаю, все укладывается в одну версию. Но только в том случае, если вы допустите одно совпадение — ведь одно совпадение допустимо. А вот больше одного — это, конечно, маловероятно.

— Вы действительно так считаете? Насчет версии, — спросил я, внимательно глядя на нее.

— Я допускаю, что в моей версии есть один изъян — один факт, с которым я никак не могу разобраться. Ах! Если б та записка была о другом…

Мисс Марпл вздохнула и покачала головой. Затем подошла к окну и провела рукой по поникшим листьям растения, стоявшего на цветочной стойке.

— Между прочим, дорогой мистер Клемент, растения нужно поливать чаще. Бедняжка, ему так не хватает воды… Ваша горничная должна поливать его каждый день. Как я понимаю, цвет-

ком занимается она?

— В той же степени, что и всем остальным, — сказал я.

— То есть кое-как, — предположила мисс Марпл.

— Да, — подтвердил я. — А Гризельда упорно отказывается увольнять ее. Идея моей жены состоит в том, что у нас может задержаться только та горничная, которую никто не хочет брать. Однако на днях Мэри самолично известила нас о своем уходе.

— Вот как? А мне всегда казалось, что она очень расположена к вам обоим…

— Я такого за ней не замечал, — сказал я. — Однако тут все дело в Леттис Протеро, это она вывела ее из душевного равновесия. Мэри вернулась с дознания в довольно возбужденном состоянии и обнаружила тут Леттис… ну, они и повздорили.

— Вот так так! — произнесла мисс Марпл. Она уже собралась переступить через порог, но в последний момент замерла, и на ее лице отразилась целая гамма чувств, что крайне озадачило меня. — О боже! — пробормотала пожилая дама. — Я действительно глупа. Вот оно что… Так вполне могло быть.

— Прошу прощения?

Мисс Марпл устремила на меня полный беспокойства взгляд.

— Ничего. Мне в голову пришла одна идея. Я должна пойти домой и все тщательно обдумать. Я, знаете ли, проявила чрезвычайную глупость — просто не верится, что я способна на такое.

— Мне тоже очень трудно в это поверить, — галантно произнес я.

Я вышел проводить ее. Мы пошли по лужайке.

— Вы могли бы рассказать мне, что за идея пришла вам в голову? — спросил я.

— Я предпочла бы не рассказывать… во всяком случае, сейчас. Видите ли, вероятность того, что я ошибаюсь, еще остается. Хотя я уверена, что не ошибаюсь… А вот и моя калитка. Большое вам спасибо. Прошу, не провожайте меня дальше.

— Записка так и остается для вас камнем преткновения? — спросил я, когда она прошла в калитку и задвинула за собой щеколду.

Мисс Марпл непонимающе посмотрела на меня.

— Записка?.. Ах, да! Естественно, та записка не была подлинной. Я о ней так и не думала. Спокойной ночи, мистер Клемент.

Она быстро пошла по дорожке к дому.

А я стоял у калитки, смотрел ей вслед — и не

знал, что думать.

Глава 27

Гризельда и Деннис еще не вернулись. Я понял, что было бы вполне естественно, если б я с мисс Марпл пошел к ней домой за ними. Но мы с ней были слишком поглощены раскрытием таинственного преступления, поэтому совсем забыли, что на свете есть и другие люди.

Я все стоял в холле, размышляя, не стоит ли мне сейчас пойти туда и присоединиться к ним, когда прозвенел звонок.

Я подошел к двери и увидел письмо в почтовом ящике. Предположив, что звонили из-за письма, я достал его. Однако звонок зазвонил еще раз, и я, поспешно сунув письмо в карман, открыл дверь.

Это был полковник Мелчетт.

— Приветствую, Клемент. Я еду из города домой. Вот, решил заглянуть к вам в надежде, что у вас есть что-нибудь выпить и вы угостите меня.

— С радостью, — сказал я, — проходите в кабинет.

Он снял кожаный плащ и последовал за мной. Я принес виски, содовую и два бокала. Мелчетт стоял у камина, широко расставив ноги, и погла-

живал свои коротко подстриженные усики.

— Клемент, у меня для вас новость. Нечто совершенно удивительное, вы о таком даже не слышали. Но это подождет. Как у вас тут дела? Ну, кто еще из пожилых дам идет по следу?

— У них это неплохо получается, — сказал я. — Одна из них, во всяком случае, считает, что она почти у цели.

— Наша подруга мисс Марпл, да?

— Да, наша подруга мисс Марпл.

— Женщины такого типа всегда думают, что они знают все на свете, — сказал полковник Мелчетт, глотнул виски с содовой и одобрительно кивнул.

— Вероятно, нет надобности лишний раз спрашивать об этом, — сказал я, — но я все же хотел бы узнать: а кто-нибудь допрашивал мальчишку из рыбной лавки? Я в том смысле, что если убийца вышел через парадную дверь, то велика вероятность, что мальчишка его видел.

— Слак его допросил, — ответил Мелчетт. — Но парень говорит, что никого не встречал. Да и вряд ли такое могло быть. Убийца не допустил бы, чтобы его заметили. У вашей калитки есть где спрятаться. Он наверняка сначала убедился бы, что на улице никого нет. Мальчишка должен был

зайти к вам, к Хейдоку и к миссис Прайс-Ридли. От него ничего не стоило спрятаться.

— Да, — согласился я, — вероятно, так.

— С другой стороны, — продолжал Мелчетт, — если преступление все же совершил этот мошенник Арчер, а юный Фред Джексон видел его у вашего дома, я сомневаюсь, что он признается в этом. Арчер же его кузен.

— А вы и в самом деле подозреваете Арчера?

— Ну знаете ли, полковник Протеро яростно нападал на него. Между ними была давняя вражда. Снисходительность не относилась к сильным качествам Протеро.

— Да, — сказал я. — Он был безжалостным человеком.

— Живи и давай жить другим, вот как я считаю, — сказал Мелчетт. — Конечно, закон есть закон, но от сомнения вреда не будет. А вот Протеро никогда не сомневался.

— Он гордился этим, — заметил я.

Наступила пауза, а потом я спросил:

— Что за удивительную новость вы мне посулили?

— Да уж, новость действительно удивительная… Помните ту записку, что начал писать Протеро, когда его убили?

— Да.

— Мы отдали ее экспертам, чтобы выяснить, действительно ли «шесть двадцать» написано другой рукой. Естественно, мы снабдили его образцами почерка Протеро. И знаете, каков вердикт? *Протеро ее не писал.*

— Вы хотите сказать, что это подделка?

— Это подделка. Они считают, что «шесть двадцать» написано другой рукой, только полной уверенности у них нет. Чернила точно другие, а вот сама записка — подделка. Протеро ее не писал.

— Они уверены?

— Ну как… они уверены в той степени, в какой могут быть уверены эксперты. А вы и сами знаете, что такое эксперт… Ох! И все же они уверены.

— Удивительно, — сказал я. И тут мне кое-что вспомнилось. — Между прочим, — сказал я, — я помню, как миссис Протеро говорила, что это не почерк ее мужа, только я тогда не обратил на это внимания.

— Серьезно?

— Я подумал, что это просто глупая ремарка, столь типичная для женщин. Если что-то тогда и казалось мне несомненным, так это то, что записку написал Протеро.

Мы посмотрели друг на друга.

— Любопытно, — медленно проговорил я. — Только сегодня мисс Марпл говорила, что с запиской что-то не так.

— Да, дает жару старушка! Уж больно много она знает, как будто сама совершила преступление…

В этот момент зазвонил телефон. Забавно: телефоны всегда звонят по-разному. Сейчас он звонил настойчиво и с какой-то зловещей значительностью.

Я подошел к аппарату и взял трубку.

— Дом викария. Кто говорит?

На том конце зазвучал странный, визгливый, с истеричными нотками голос.

– *Я хочу признаться*, — произнес он. — *Боже мой, я хочу признаться*.

— Алло, — сказал я, — алло. Станция, нас разъединили! Какой был номер?

Безжизненный голос ответил, что не знает. И добавил, что очень сожалеет о том, что меня побеспокоили.

Я положил трубку на место и повернулся к Мелчетту:

— Однажды вы сказали, что сойдете с ума, если еще кто-то признается в совершении этого преступления.

— А при чем тут это?

— А при том, что сейчас кто-то хотел признаться… Но нас разъединили.

Мелчетт бросился к телефону и схватил трубку.

— Я с ними поговорю.

— Говорите, — сказал я. — Может, у вас и получится чего-то от них добиться. Оставляю вас одного, а мне надо выйти. У меня ощущение, что я узнал этот голос.

Глава 28

Я быстрым шагом шел по деревенской улице. Было одиннадцать часов, и в одиннадцать вечера воскресенья вся деревня Сент-Мэри-Мид обычно вымирает. Однако я увидел свет в окне второго этажа и, поняв, что Хоуз еще не спит, поднялся на крыльцо и позвонил в дверь.

Через некоторое время — оно показалось мне вечностью — миссис Сэдлер, экономка Хоуза, отодвинула две щеколды, сняла цепочку, повернула ключ, открыла дверь и с подозрением воззрилась на меня.

— Батюшки, это викарий! — воскликнула она.

— Добрый вечер, — сказал я. — Я хочу видеть мистера Хоуза. Я заметил свет в его окне — значит, он еще бодрствует.

— Очень может быть. Я не видела его с тех пор, как относила ему ужин. У него сегодня тихий вечер — ни к нему никто не приходил, ни он никого не навещал.

Я кивнул и поспешил вверх по лестнице. На втором этаже у Хоуза и спальня, и гостиная.

Я вошел в гостиную. Хоуз сидя спал на расклад-

ном кресле. Мои шаги его не разбудили. Рядом с ним лежала коробочка из-под лекарства и стоял наполовину полный стакан с водой. На полу, у левой ноги, валялся скомканный исписанный лист бумаги. Я подобрал его и расправил.

Письмо начиналось так:

Мой дорогой Клемент…

Я внимательно прочел его и, охнув, сунул в карман, затем наклонился к Хоузу и осмотрел его. Потом, подняв трубку телефонного аппарата, стоявшего у его локтя, попросил соединить меня с моим домом. Мелчетт все еще не оставлял надежды отследить тот звонок, поэтому мне ответили, что номер занят. Попросив их перезвонить мне, когда номер освободится, я положил трубку на место. Затем достал из кармана найденный листок, но вместе с ним случайно вытащил то письмо, которое забрал из почтового ящика, да так и не вскрыл.

Письмо выглядело до ужаса знакомым. Почерк был тот же, что и на анонимном письме, пришедшем днем.

Я вскрыл его.

Я прочел его… перечел… но не мог до конца осознать его смысл.

Я начал читать его в третий раз, когда зазвонил телефон. Будто во сне, я взял трубку и сказал:

— Алло?

— Алло.

— Это вы, Мелчетт?

— Да, где вы? Я отследил звонок. Номер…

— Я знаю номер.

— О, отлично! Вы звоните оттуда?

— Да.

— А что насчет признания?

— Оно у меня.

— Вы хотите сказать, что схватили убийцу?

Никогда в жизни я не испытывал столь сильного искушения. Я взглянул на анонимные каракули. Взглянул на пустую коробочку с именем Херувима на крышке. Вспомнил один случайный разговор.

Сделал над собой неимоверное усилие.

И сказал:

— Я… нет. Лучше приходите сами.

Я дал ему адрес. Потом сел на стул напротив Хоуза, движимый желанием подумать.

На раздумья у меня было две полные минуты.

Через две минуты сюда придет Мелчетт.

Я взял анонимное письмо и стал читать его в третий раз.

А потом закрыл глаза и подумал…

Глава 29

Не знаю, долго ли я сидел так — наверное, несколько минут. Однако мне показалось, что прошла вечность, прежде чем я услышал, как открылась дверь. Я повернул голову и увидел, как в комнату входит Мелчетт.

Он уставился на спящего Хоуза, затем посмотрел на меня.

— В чем дело, Клемент? Что все это значит?

Из двух писем, что я держал в руке, я выбрал одно и передал ему. Он тихим голосом прочитал:

> «*Мой дорогой Клемент, я должен сообщить Вам нечто чрезвычайно неприятное. Поэтому я предпочел написать Вам. А обсудить это мы можем позже. Речь идет о недавней растрате. Мне очень грустно признаваться в том, что я полностью убедился в личности преступника. Все сомнения отпали. Как мне ни больно обвинять священника, мой долг мне ясен, и от этого еще больнее. Необходимо наказать виновного в назидание другим и…*»

Мелчетт вопросительно посмотрел на меня. В этом месте письма, там, где писавшего настигла смерть, шла нечитаемая закорючка.

Полковник глубоко вздохнул и перевел взгляд на Хоуза.

— Так вот где решение! А мы даже не брали его в расчет. Угрызения совести вынудили его сознаться!

— В последнее время он вел себя странно, — сказал я.

Неожиданно Мелчетт вскрикнул и шагнул к спящему. Он схватил его за плечо и затряс, сначала осторожно, потом сильнее и сильнее.

— Он не спит! Он под действием каких-то препаратов! Что это значит?

Взгляд главного констебля переместился на пустую коробочку. Он подобрал ее.

— Получается, что он…

— По всей видимости, — сказал я. — На днях он мне ее показывал. Сказал, что его предупредили насчет передозировки. Бедняга, он выбрал такой выход… Наверное, это к лучшему. Не нам судить его.

Но Мелчетт прежде всего был начальником полиции графства. Приведенные мною аргументы не имели для него никакого веса. Он схватил

убийцу и хотел, чтобы убийцу повесили.

В мгновение ока полковник подскочил к телефону, сорвал с рычажков трубку и давил на них до тех пор, пока ему не ответили; затем попросил связать его с домом Хейдока. Он терпеливо ждал, прижимая трубку к уху и не спуская глаз с поникшей фигуры на кресле.

— Алло… алло… алло… это доктор Хейдок?.. Скажите доктору, чтобы он немедленно пришел на Хай-стрит. К мистеру Хоузу. Срочно… То есть? А какой это номер?.. О, простите.

Он в сердцах разъединил линию.

— Неправильный номер, неправильный номер… всегда неправильный номер! А тут человек на грани жизни и смерти… *Алло!* Вы дали мне неправильный номер… Да… не тратьте зря время… дайте мне три-девять… а не пять.

Опять ожидание, на этот раз не такое долгое.

— Алло… это вы, Хейдок? Говорит Мелчетт. Немедленно отправляйтесь в дом девятнадцать на Хай-стрит! Хоуз чего-то наглотался, у него передозировка. Немедленно, говорю, вопрос жизни и смерти!

Он повесил трубку и в нетерпении стал вышагивать взад-вперед по комнате.

— Клемент, почему, черт побери, вы сразу не

связались с доктором? Не понимаю. У вас, наверное, случилось помутнение рассудка.

К счастью, Мелчетт не допускает мысли, что кто-то имеет иные, отличные от его, взгляды на то, как вести себя в той или иной ситуации. Я ничего не сказал, и он продолжил:

— Где вы нашли это письмо?

— Скомканным на полу… оно выпало из его руки.

— Удивительное дело… старая дева была права, что с запиской что-то не так. Интересно, как она додумалась до этого? А он самый настоящий глупец, что не уничтожил его. Вы только подумайте: ведь это же полнейший идиотизм — сохранять такой документ! Трудно найти более неопровержимое доказательство!

— Человеческая порода отличается непоследовательностью.

— Если б этого не было, мы вряд ли когда-нибудь схватили бы убийцу! Хотя рано или поздно они все совершают глупости… Что-то у вас, Клемент, нездоровый вид. Для вас это сильнейший шок, да?

— Да. Как я сказал, в последнее время поведение Хоуза можно было назвать странным, но мне и в голову не приходило…

— А кому приходило?.. Так, похоже, подъехала машина. — Полковник подошел к окну, поднял створку и высунулся. — Да, Хейдок приехал.

Спустя секунду в комнату вошел доктор. Мелчетт кратко обрисовал ему ситуацию.

Хейдок не из тех, кто склонен демонстрировать свои чувства. Он лишь изогнул бровь, кивнул и приблизился к пациенту. Проверил пульс, поднял веки и внимательно оглядел глазные яблоки. Затем повернулся к Мелчетту.

— Хотите спасти его для виселицы? — спросил он. — Он, знаете ли, ушел довольно далеко. Так что мероприятие будет рискованным. Сомневаюсь, что мне удастся вернуть его оттуда.

— Делайте все возможное.

— Ясно.

Хейдок склонился над чемоданчиком, который принес с собой, наполнил шприц и сделал Хоузу подкожную инъекцию в руку. Затем выпрямился.

— Его нужно отвезти в Мач-Бенхэм, в местную больницу. Помогите мне перенести его в машину.

Мы оба оказали посильную помощь. Сев на водительское место, Хейдок на прощание бросил:

— Между прочим, Мелчетт, у вас не получится

вздернуть его.

— Вы имеете в виду, что он не придет в себя?

— Может, придет, а может, нет. Но я имел в виду не это. Я хотел сказать, что даже если он придет в себя… в общем, бедняга не отвечал за свои действия. Я дам именно такие показания.

— Что он имел в виду? — спросил Мелчетт, когда мы снова поднялись наверх.

Я объяснил, что Хоуз страдал летаргическим энцефалитом.

— Сонная болезнь, говорите? В наши дни всегда найдется хороший повод для оправдания грязных дел. Вы согласны?

— Наука многому нас учит.

— Черт бы побрал эту науку! Прошу прощения, Клемент, но эта слащавая мягкотелость выводит меня из себя. Я человек прямой… Что ж, думаю, нам стоит оглядеться тут.

Однако в этот момент нас прервали, причем самым удивительным образом. Дверь открылась, и в комнату вошла мисс Марпл. Она раскраснелась и была взволнована — и, кажется, понимала причину нашего замешательства.

— Прошу прощения… я очень сожалею… что вмешиваюсь… добрый вечер, полковник Мелчетт. Еще раз повторяю: прошу прощения, но я

услышала, что мистер Хоуз заболел, и поняла, что должна немедленно проведать его и узнать, не могу ли я чем-то помочь.

Она замолчала. Полковник Мелчетт смотрел на нее с плохо скрываемым отвращением.

— Вы очень любезны, мисс Марпл, — сухо произнес он. — Но вы зря беспокоились. Кстати, откуда вы узнали?

Я ждал возможности задать именно этот вопрос!

— По телефону, — объяснила мисс Марпл. — Они такие невнимательные, все время ошибаются с номерами, да? Сначала вы говорили со мной, думая, что это доктор Хейдок. Мой номер три-пять.

— Так вот в чем дело! — воскликнул я.

Для удивительной способности мисс Марпл все знать всегда найдется вполне разумное объяснение.

— Вот я и пришла, — добавила она, — чтобы узнать, могу ли я оказаться полезной.

— Вы очень добры, — снова, но значительно суше произнес Мелчетт. — Только делать тут нечего. Хейдок увез его в больницу.

— Прямо в больницу?.. Ах, вы меня успокоили. Я так рада слышать это. Там он будет в полной

безопасности. Когда вы говорите «делать тут нечего», вы же не имеете в виду, что он не выздоровеет?

— Это очень сомнительно, — сказал я.

Взгляд мисс Марпл упал на коробочку для лекарств.

— Как я понимаю, он принял большую дозу?

Думаю, Мелчетт предпочел бы промолчать. В других обстоятельствах я бы тоже промолчал. Но наша с мисс Марпл дискуссия была еще свежа в моей памяти, к тому же я придерживался тех же взглядов, что и она, хотя, должен признаться, ее столь быстрое появление на сцене и нескрываемое любопытство вызвали у меня легкую неприязнь.

— Лучше взгляните на это, — сказал я, протягивая ей незаконченную записку Протеро.

Она взяла ее и прочитала без малейших признаков удивления.

— Вы же уже пришли к похожему выводу, да? — спросил я.

— Да… да, пришла. Позвольте узнать, мистер Клемент, что заставило вас прийти сюда сегодня вечером? Есть нечто, что ставит меня в тупик. Вы и полковник Мелчетт — я ожидала совсем другого.

Я рассказал ей про телефонный звонок и про то, что я, кажется, узнал голос Хоуза. Мисс Марпл задумчиво кивнула.

— Очень интересно. Прямо-таки судьба, с позволения сказать. Да, вы пришли сюда в решающий момент.

— Решающий для чего? — спросил я.

На лице мисс Марпл отразилось удивление.

— Как для чего? Для спасения мистера Хоуза, естественно.

— Вам не кажется, — сказал я, — что было бы лучше, если б он не пришел в себя? Лучше для него, лучше для всех. Теперь мы знаем правду и…

Я замолчал, так как мисс Марпл закивала с такой страстностью, что потерял мысль.

— Конечно, — сказала она. — Конечно! Он хотел, чтобы вы именно так и думали! Что вам известна правда… и что так лучше для всех. О да, теперь все встает на свои места: и записка, и передозировка, и душевное состояние бедного мистера Хоуза, и его признание. Все встает на свои места… но все равно что-то не так…

Мы уставились на нее.

— Вот поэтому я и радуюсь, что мистер Хоуз будет в полной безопасности… в больнице… где

до него никто не доберется. Если он придет в себя, то расскажет вам правду.

— Правду?

— Да… он никогда и пальцем не прикасался к полковнику Протеро.

— Но телефонный звонок, — сказал я. — Записка… передозировка… Все же совершенно ясно.

— Именно этого он и добивается, чтобы вы так думали. Ах, он очень умен! Сохранить записку и использовать ее вот таким образом — это был чрезвычайно ловкий ход.

— Кого вы имеете в виду, говоря «он»? — спросил я.

— Я имею в виду убийцу, — ответила мисс Марпл.

И очень спокойно добавила:

— Я имею в виду мистера Лоуренса Реддинга…

Глава 30

Мы в полном изумлении уставились на нее. Думаю, мы на секунду или две и в самом деле поверили, что она сошла с ума. Обвинение выглядело абсолютно нелепо.

Полковник Мелчетт пришел в себя первым. Он заговорил ласковым тоном и со своего рода сострадательным терпением:

— Мисс Марпл, это абсурд. С молодого Реддинга полностью сняты подозрения.

— Конечно, — сказала пожилая дама. — Он этого и добивался.

— Как раз напротив, — сухо произнес главный констебль. — Он приложил все силы к тому, чтобы в убийстве обвинили его.

— Да, — согласилась мисс Марпл. — Он увел нас в эту сторону — и меня, и всех остальных. Вспомните, дорогой мистер Клемент, как меня ошеломила весть о том, что мистер Реддинг признался в совершении преступления. Это разрушило все мои логические построения и заставило меня считать его невиновным, хотя до этого я была убеждена, что он виновен.

— Так вы подозревали Лоуренса Реддинга?

— Я знаю, что в книгах преступником оказывается тот, кого меньше всего подозревают. Но я обнаружила, что в жизни это правило не применимо. В ней самое очевидное и является правдой. Хотя я всегда была искренне расположена к миссис Протеро, я не могла не прийти к выводу, что мистер Реддинг имеет над ней неограниченную власть — и она сделает все, что он ей скажет. А еще — что он не из тех молодых людей, которые грезят о бегстве с женщиной без гроша за душой. Если смотреть под этим углом, то ему необходимо было устранить полковника Протеро — вот он его и устранил. Этот молодой человек *полностью* лишен каких-либо моральных принципов.

Полковник Мелчетт нетерпеливо всхрапнул, а потом сказал:

— Абсолютная чушь от начала и до конца! Нам поминутно известно, где находился Реддинг вплоть до шести пятидесяти, а Хейдок категорически заявляет, что в это время Протеро убить не могли. Вы, наверное, решили, что разбираетесь в этих вопросах лучше доктора. Или вы допускаете, что Хейдок лжет — только вот зачем?

— Я думаю, в своих показаниях доктор Хейдок говорит правду. Он исключительно честный

человек. Между прочим, полковника Протеро застрелила, конечно, миссис Протеро, а не мистер Реддинг.

Мы опять уставились на нее. Мисс Марпл поправила кружева на вороте, сняла с плеч шаль и принялась читать типичную для старых дев тихонькую лекцию, самым обыденным тоном выдавая удивительнейшие заявления.

— До настоящего момента я считала, что говорить об этом не надо. Вера, даже такая сильная, что становится сродни точному знанию, — это не то же самое, что доказательства. И пока нет объяснений, которые расставляют все факты по своим местам — о чем я только сегодня вечером говорила дорогому мистеру Клементу, — нельзя выдвигать против кого-то обвинения. Мое собственное объяснение было неполным — не хватало всего одной мелочи, — но сегодня, когда я выходила из кабинета мистера Клемента, я заметила пальму в горшке у окна… и… картинка сложилась! Все стало ясно как день!

— Безумие… полнейшее безумие, — пробормотал мне Мелчетт.

Однако мисс Марпл, глядя на нас со всей искренностью, продолжила своим мягким и спокойным голосом:

— Мне очень не хотелось в это верить… очень не хотелось. Потому что оба они мне нравились. Но вы же знаете, какова человеческая природа. Скажу честно: когда он, а потом и она глупейшим образом признались в убийстве… я испытала непередаваемое облегчение. Я подумала, что ошибалась. И стала размышлять о том, у кого еще был мотив для того, чтобы убрать с дороги полковника Протеро.

— Семь подозреваемых, — пробормотал я.

Она улыбнулась мне.

— Да, именно. В подозреваемых был тот человек, Арчер, — маловероятно, что он виновен, но кто знает, что можно совершить под действием алкоголя — он так распаляет… И естественно, ваша Мэри. Она ведь довольно долго встречалась с этим Арчером, а девочка вспыльчива, эксцентрична… Мотив и возможность — она была в доме одна! Старая миссис Арчер запросто могла взять пистолет у мистера Реддинга для кого-нибудь из этих двоих. Еще, разумеется, Леттис — она давно жаждала свободы и денег. Я знаю много случаев, когда вот такие неземные красавицы проявляли полное отсутствие моральных устоев, хотя, конечно, джентльмены категорически отказываются верить в такое.

Я вздрогнул.

— Да еще эта теннисная ракетка, — добавила мисс Марпл.

— Ракетка?

— Да, та, которую Клара видела на траве у калитки викария. Все выглядело так, будто мистер Деннис вернулся с корта раньше, чем он утверждал. Шестнадцатилетние юноши такие впечатлительные и такие неуравновешенные… Каким бы ни был мотив — ради Леттис или ради вас, — возможность тоже была. Еще, само собой, бедный мистер Хоуз и вы — викарий, именно вы, — но только в качестве варианта, как говорят адвокаты.

— Я? — изумленно воскликнул я.

— Ну да. Я прошу прощения… по сути, я совсем не думала… но оставался вопрос с исчезновением денежных сумм. Либо вы, либо мистер Хоуз — кто-то из вас был виновен, и миссис Прайс-Ридли всем и каждому намекала, что главный виновник — вы, причем только потому, что вы так энергично возражали против расследования. Конечно, лично я всегда была убеждена, что виноват мистер Хоуз — он так сильно напоминал мне того несчастного органиста, о котором я рассказывала, — но никогда нельзя быть полностью

уверенным…

— Человеческая природа и все такое прочее, — мрачно закончил за нее я.

— Точно. Ну и, понятно, дорогая Гризельда.

— Но миссис Клемент абсолютно вне подозрений, — перебил ее Мелчетт. — Она вернулась на поезде в шесть пятьдесят.

— Это она так сказала, — возразила мисс Марпл. — Нельзя полностью полагаться на то, что говорят люди. В тот вечер поезд в шесть пятьдесят опоздал на полчаса. Но в семь пятнадцать я собственными глазами видела, как она идет в Олд-Холл. Напрашивался вывод, что она приехала более ранним поездом. Ее и в самом деле видели — но вам, возможно, это известно?

Она вопросительно посмотрела на меня.

Нечто в ее взгляде побудило меня достать последнее анонимное письмо, то, которое я недавно вскрыл. В нем со всеми подробностями описывалось, как в день убийства в двадцать минут седьмого Гризельда через заднее окно покидала коттедж Лоуренса Реддинга.

Я не рассказывал о том страшном подозрении, которое мгновенно закралось мне в душу. Я словно увидел кошмарный сон: вот Протеро узнаёт, что между Гризельдой и Лоуренсом была связь,

принимает решение сообщить мне об этом, и Гризельда в отчаянии тайком берет пистолет и вынуждает Протеро замолчать на веки вечные. Я уже сказал, что это было всего лишь кошмарным сном, но мне пришлось пережить несколько долгих минут, пока все это казалось мне ужасающей реальностью.

Не знаю, на это ли намекала мисс Марпл. Вполне возможно, что на это. Мало что ускользает от ее внимания.

Вернув мне письмо, она сказала:

— Об этом знала вся деревня. И все это действительно выглядело подозрительно, не так ли? Особенно когда миссис Арчер на дознании клятвенно заверяла, что в тот день, в полдень, перед ее уходом пистолет был на месте. — Помолчав, пожилая дама продолжила: — Но я отклонилась от главного. Я считаю необходимым — и вижу в этом свой долг — изложить вам свои разъяснения этого таинственного дела. Если вы мне не поверите… что ж, я сделала все, что было в моих силах. Между прочим, мое желание во всем убедиться, прежде чем о чем-то говорить, возможно, стоило жизни бедному мистеру Хоузу.

Мисс Марпл замолчала, а когда заговорила, ее голос зазвучал по-другому, менее сконфуженно,

более уверенно:

— Вот мое видение фактов. К середине дня четверга преступление было полностью спланировано и продумано до малейших деталей. Лоуренс Реддинг первым делом зашел к викарию, зная, что того не будет дома. Он принес с собой пистолет и спрятал его в цветочном горшке у окна. Когда вошел викарий, Лоуренс объяснил свой визит тем, что у него якобы возникло желание сообщить викарию о своем решении уехать. В пять тридцать Лоуренс Реддинг позвонил из северной сторожки викарию и говорил с ним женским голосом (не забывайте, он хороший актер, пусть и не профессиональный).

Практически в то же время миссис Протеро и ее муж выехали в деревню. Причем — это очень любопытный факт, хотя почему-то никто не обратил на это внимания, — миссис Протеро не взяла с собой ридикюль. Это *крайне* странно для женщины. Около двадцати минут седьмого она проходит мимо моего дома и останавливается поболтать со мною — таким образом давая мне возможность убедиться в том, что у нее нет с собой оружия, и что ее состояние и поведение ничем не отличаются от обычных. Они, видите ли, сообразили, что я очень наблюдательна. Она направляется к

окну кабинета, и от меня ее скрывает угол дома. Бедный полковник сидит за письменным столом и пишет вам записку. Он глуховат, как нам всем известно. Она берет пистолет из цветочного горшка, заходит ему за спину и стреляет в голову, потом бросает пистолет, выбегает из кабинета и идет по саду к студии. Практически любой поклялся бы, что у нее не хватило бы времени!

— Но выстрел? — напомнил полковник. — Вы ведь не слышали выстрел?

— Здесь, думаю, свою роль сыграло изобретение под названием «глушитель Максима». Я сделала такой вывод на основе детективных историй. Меня заинтересовало, а вдруг то самое чихание, которое слышала горничная, Клара, и было выстрелом? Но это не важно. У студии миссис Протеро встречает мистер Реддинг. Они вместе заходят внутрь и… боюсь, человеческая природа и тут обнаружила себя во всей красе… понимают, что я не уйду из сада до тех пор, пока они не выйдут из студии!

Мисс Марпл еще никогда не вызывала у меня такого сильного восхищения, как сейчас, когда подтрунивала над собственной слабостью.

— Наконец, они выходят, веселые и держащиеся естественно. И вот тут они совершили ошибку.

Потому что, если б они и в самом деле распрощались навсегда, как и утверждали, то вели бы себя по-другому. Понимаете, тут-то они и просчитались. Ведь, ограниченные своим планом, они просто *не могли* показать, что их что-то огорчает, ни в коем случае. Следующие десять минут они старательно создают себе то, что называется алиби. Затем мистер Реддинг идет к дому викария и старается задержаться там как можно дольше. Вероятно, он издали увидел вас на тропе и правильно подгадал момент. Он подбирает пистолет и глушитель, оставляет подложную записку со временем, написанным другими чернилами и, очевидно, другим почерком. Когда подделка обнаружится, все будет выглядеть как неловкая попытка бросить подозрения на Энн Протеро.

Однако когда Реддинг кладет записку на стол, он видит ту, что на самом деле написал полковник Протеро, и это для него полнейшая неожиданность. Будучи очень умным молодым человеком, Лоуренс понимает, что эта записка может быть для него полезной, и забирает ее с собой. Затем переводит стрелки часов на то же время, что указано в поддельной записке — он знает, что часы в вашем доме ставят на пятнадцать минут вперед, — и тем самым изображает

еще одну попытку бросить подозрение на миссис Протеро. Затем выходит, встречает вас у калитки и ведет себя так, будто что-то и в самом деле лишило его душевного равновесия. Как я говорила, он действительно очень умен. Что попытался бы сделать убийца, совершивший преступление? Продемонстрировать естественное поведение, конечно. Именно этого мистер Реддинг и не делает. Он избавляется от глушителя, но идет в полицейский участок, имея при себе пистолет, делает крайне нелепое заявление, в котором обвиняет самого себя, и тем самым обманывает всех.

Меня просто заворожило то, как мисс Марпл излагала суть этого дела. Уверенность, звучавшая в ее голосе, неким волшебным образом передалась нам, и мы оба уже не сомневались, что преступление было совершено именно так, и никак иначе.

— А что насчет выстрела в лесу? — спросил я. — То ли это совпадение, о котором вы сегодня упомянули?

— Ах, боже мой, нет! — Мисс Марпл энергично покачала головой. — Никакое это не совпадение. Нужно было, чтобы кто-нибудь услышал какой-нибудь выстрел — в противном случае миссис Протеро так и осталась бы под подозрением. Как

мистер Реддинг организовал этот выстрел, я не знаю. Но я знаю, что пикриновая кислота взрывается, если сбросить на нее что-то тяжелое, а вы, дорогой викарий, помните, что когда вы встретились с мистером Реддингом в лесу, недалеко от того места, где вы потом нашли кристалл, в руках у него был большой камень. Джентльмены очень изобретательны: камень, висящий над кристаллом, огнепроводный шнур — или правильно говорить фитиль? В общем, что-то такое, что будет гореть двадцать минут, чтобы взрыв произошел примерно в шесть тридцать, когда он и миссис Протеро выйдут из студии и окажутся у всех на виду. Очень надежное приспособление, потому что потом ничего не найдут, кроме большого камня! Но ведь он даже камень попытался убрать — тогда, когда вы столкнулись с ним!

— Полагаю, вы правы! — воскликнул я, вспомнив, как сильно удивился Лоуренс, когда увидел меня в тот день в лесу. Тогда его реакция показалась мне вполне естественной, но сейчас…

Мисс Марпл кивнула, будто прочитав мои мысли.

— Да, — сказала она, — для него это, вероятно, было большим шоком — наткнуться на вас в тот момент. Но он мастерски выкрутился — сде-

лал вид, будто нашел камень для моего садика. Только… — Помолчав, мисс Марпл подчеркнуто закончила: — Такие камни не подходят для моего сада камней! И это вывело меня на правильный путь.

Все это время полковник Мелчетт сидел будто в трансе, но сейчас наконец-то стал проявлять признаки жизни, и мне стало ясно, что он приходит в себя. Главный констебль раз или два всхрапнул, как-то неуверенно шмыгнул носом и произнес:

— Ей-богу! Мать честная!

Дальше этого он, однако, не двинулся. Думаю, полковник, как и я, находился под впечатлением логически выверенных умозаключений мисс Марпл, только пока еще не мог пересилить себя и принять их.

Он протянул руку, взял смятое письмо и рявкнул:

— Все это здорово. Но как вы объясните историю с этим типом Хоузом? Ведь он сам позвонил и признался.

— Тут мы имеем дело с провидением. И главную роль, без сомнения, сыграла проповедь викария. Знаете, дорогой мистер Клемент, вы и в самом деле прочитали выдающуюся проповедь. Она сильно повлияла на мистера Хоуза. Он больше

не мог носить вину в себе и почувствовал, что должен признаться… в присвоении церковных фондов.

— Что?

— Да… и это, благодаря провидению, спасло ему жизнь. (Я надеюсь и верю, что ему действительно спасли жизнь; доктор Хейдок большой специалист.) Как мне представляется, мистер Реддинг сохранил письмо — рискованный шаг, но, думаю, он спрятал его в каком-то надежном месте — и выждал до тех пор, пока не выяснил наверняка, о ком в нем идет речь. Вскоре он убедился, что это мистер Хоуз. Как я понимаю, вчера вечером Лоуренс пришел сюда вместе с мистером Хоузом и провел здесь довольно долгое время. Думаю, именно тогда он и подменил коробочку с лекарством и сунул это письмо в карман халата мистер Хоуза. Бедняга в полном неведении выпил все порошки из роковой коробочки. После его смерти все его вещи обыскали бы, обязательно нашли бы письмо и пришли к выводу, что именно он стрелял в полковника Протеро, а покончил с собой из-за угрызений совести. Я предполагаю, что мистер Хоуз обнаружил письмо уже после того, как принял лекарство. В том состоянии смятения, что владело им, он воспринял это как нечто

сверхъестественное и, под влиянием проповеди викария, решил, что должен во всем признаться.

— Мать честная! — сказал полковник Мелчетт. — Господи! Поразительные вещи! Я… я… не верю ни единому слову.

Я в жизни не слышал от него более неубедительного заявления. Должно быть, оно и для него самого прозвучало столь же неубедительно, поэтому он продолжил:

— А вы можете объяснить другой телефонный звонок — тот, когда звонили миссис Прайс-Ридли из коттеджа мистера Реддинга?

— Ах! — воскликнула мисс Марпл. — Вот это я и назвала совпадением. Это звонила дорогая Гризельда — она и мистер Деннис, я думаю. До них дошли те скандальные слухи, что миссис Прайс-Ридли распространяла о викарии, и они нашли вот такой способ — пожалуй, совершенно ребяческий — заставить ее замолчать. Совпадение состоит в том, что звонок поступил четко в тот момент, когда в лесу прозвучал ложный выстрел. Это и навело всех на мысль, что звонок и выстрел связаны между собой.

Я вдруг вспомнил, как все, кто говорил о том выстреле, называли его «отличным» от обычного выстрела. И ведь они были правы — только не

могли объяснить, в чем заключалось это «отличие».

Полковник Мелчетт прокашлялся.

— Ваше объяснение, мисс Марпл, очень правдоподобно, — сказал он. — Но позвольте заметить, что у вас нет ни единого доказательства.

— Знаю, — сказала мисс Марпл. — Однако вы верите во все это, не так ли?

Повисла тишина, затем главный констебль с явной неохотой сказал:

— Да, верю. Чтоб мне провалиться, все могло произойти только так. Но нет доказательств — ни грана.

Мисс Марпл кашлянула.

— Вот поэтому я и подумала, что при сложившихся обстоятельствах…

— Да?

— Вполне допустимо устроить маленькую западню.

Глава 31

Мы с Мелчеттом изумленно уставились на нее.

— Западню? Что за западню?

Мисс Марпл держалась немного застенчиво, но было ясно, что у нее есть четкий и ясный план.

— Предположим, мистеру Реддингу позвонят и предупредят его.

Полковник улыбнулся.

— «Все раскрылось. Беги!» Это старый трюк, мисс Марпл. И он не всегда приводит к успеху! Думаю, не в данном случае. Молодой Реддинг — стреляный воробей, таким способом его не поймать.

— Это должно быть нечто особенное, я отлично понимаю, — сказала мисс Марпл. — Могу предложить — это исключительно предложение, — чтобы предупреждение поступило от того, кто, как всем известно, имеет своеобразный взгляд на события. Высказывания доктора Хейдока любого наведут на мысль, что он смотрит на такую штуку, как убийство, под совершенно иным углом. Если б он намекнул, что некто — миссис Сэдлер… или кто-либо из ее детей — случайно видел, как

подменяли коробочки… да, конечно, если мистер Реддинг невиновен, это утверждение никак на него не подействует, но если он виновен…

— Тогда велика вероятность, что он совершит какую-нибудь оплошность.

— И выдаст себя с головой. Это возможно. Ловко, мисс Марпл. Но согласится ли Хейдок? Как вы говорите, его взгляды…

— О, это всего лишь теория! — перебила его пожилая дама. — Она же так далека от практики, верно?.. Кстати, а вот и он, так что мы можем спросить у него.

Думаю, Хейдок был крайне удивлен, когда увидел мисс Марпл среди нас. Вид у него был усталый и изможденный.

— Он был на волосок от смерти, — сказал доктор. — Очень близко. Но он выкарабкается. Это дело доктора — спасать своих пациентов, и я спас его… только я был бы рад, если б не успел.

— У вас будет другое мнение, — сказал Мелчетт, — когда вы нас выслушаете.

И он кратко и четко изложил ему версию мисс Марпл, а закончил ее последней идеей.

После этого нам посчастливилось увидеть, что конкретно мисс Марпл подразумевала под разницей между теорией и практикой.

Как выяснилось, взгляды Хейдока претерпели полную трансформацию. Он, думаю, был бы рад увидеть голову Лоуренса Реддинга на блюде[34]. Полагаю, столь ожесточенным против Реддинга его сделало не убийство полковника Протеро, а подлая попытка подставить беднягу Хоуза.

— Мерзавец! — горячо сказал Хейдок. — Чертов мерзавец! Хоуз, бедняга... У него есть мать и сестра. Они так до конца дней и прожили бы с клеймом матери и сестры убийцы. Только представьте, как бы они страдали... И все из-за подлых трюков трусливого негодяя!

Истинный гуманист, возмущенный несправедливостью, впадает в чистейшую первобытную ярость.

— Если все это правда, — добавил он, — можете рассчитывать на меня. Эта сволочь не достойна жить. Поднять руку на такое беззащитное создание, как Хоуз...

Каждая хромая собака всегда найдет сочувствие у Хейдока.

Он оживленно обсуждал детали с Мелчеттом, когда мисс Марпл собралась уходить, и я предло-

---

[34] Сноски: 34

Согласно евангельской легенде, на блюде принесли голову Иоанна Крестителя, которую потребовала в качестве вознаграждения падчерица Ирода Антипы, одного из царей разделенной Иудеи.

жил проводить ее до дома.

— Вы очень любезны, мистер Клемент, — сказала она, когда мы шли по опустевшей улице. — Боже мой, первый час! Надеюсь, Раймонд уже лег спать и не стал дожидаться меня.

— Вообще-то он должен был бы сопровождать вас, — заметил я.

— Я не предупредила его, что ухожу, — сказала мисс Марпл.

Я улыбнулся, вдруг вспомнив, как Раймонд Уэст анализировал это преступление с точки зрения психологии.

— Если ваша версия окажется верной — в чем я ни на секунду не сомневаюсь, — вы получите огромное преимущество над своим племянником.

Мисс Марпл тоже улыбнулась — правда, снисходительно.

— Никогда не забуду слова тетушки Фанни. Мне тогда было шестнадцать, и я считала ее глупой.

— Да? — поинтересовался я.

— Она говорила: «Молодые люди считают стариков глупцами; но старики *точно знают*, что молодежь глупа!»

Глава 32

Осталось рассказать всего чуть-чуть. План мисс Марпл принес успех. Лоуренс Реддинг был виновен, и намек на то, что есть свидетель, видевший, как он подменил капсулы, действительно вынудил его «совершить оплошность». Такова власть нечистой совести.

Он оказался в безвыходной ситуации. Думаю, первым его порывом было бежать со всех ног. Но у него оставалась сообщница, и ее наличие волей-неволей пришлось учесть. Реддинг не мог уехать, не поговорив с ней, и он рискнул и не стал ждать утра. В ту же ночь Лоуренс отправился в Олд-Холл, и два лучших офицера полковника Мелчетта проследили за ним. Он бросил камешек в окно Энн Протеро, разбудил ее и громким шепотом попросил немедленно спуститься вниз, чтобы поговорить. Естественно, вне дома они чувствовали себя в большей безопасности, чем в доме, где в любой момент могла проснуться Леттис. Двоим офицерам удалось подслушать их разговор, который развеял все сомнения. Мисс Марпл была права от начала и до конца.

Лоуренс Реддинг и Энн Протеро предстали перед судом. Я не намереваюсь вдаваться в подробности слушаний. Отмечу только, что были особо отмечены заслуги инспектора Слака, чье служебное рвение и острый ум способствовали тому, что преступники оказались в тюрьме. Естественно, о роли мисс Марпл ни единого слова сказано не было. Да она и сама пришла бы в ужас от такой идеи.

Леттис зашла ко мне перед самым началом судебных слушаний. Она вплыла в кабинет через окно, такая же рассеянная и далекая от всего земного, и рассказала, что все это время не сомневалась в виновности своей мачехи. Желтый берет был всего лишь предлогом для того, чтобы обыскать кабинет. Она надеялась найти нечто такое, что пропустила полиция.

— Видите ли, — мечтательно произнесла Леттис, — они не ненавидели ее так же, как я. А ненависть здорово облегчает дело.

Разочарованная результатами поисков, она намеренно подбросила под письменный стол сережку Энн.

— Я точно знала, что это ее рук дело, поэтому и подбросила. Какая разница? Такой метод не хуже любого другого. Ведь это она убила его.

Я вздохнул. Есть вещи, которые Леттис никогда не понять. В некотором смысле она просто моральный дальтоник.

— Что ты собираешься делать? — спросил я.

— Когда… когда все закончится, я уеду за границу. — Поколебавшись, она добавила: — Я еду за границу с мамой.

Я устремил на нее полный изумления взгляд. Она кивнула.

— Вы даже не догадывались? Миссис Лестрендж — моя мама. Она… она умирает. Она хотела видеться со мной и поэтому приехала сюда под вымышленным именем. Ей помог доктор Хейдок. Он ее очень давний друг — когда-то он был страстно влюблен в нее. Вообще-то до сих пор влюблен. Ведь она ужасно привлекательная, даже сейчас. Как бы то ни было, доктор Хейдок сделал все возможное для нее. Она не рискнула назваться своим настоящим именем из-за отвратительной привычки людей злословить и сплетничать. В тот вечер мама пришла к отцу и сказала ему, что умирает и что очень хочет увидеть меня. Отец просто озверел. Он заявил, что ее лишили каких-либо прав на меня и что я считаю ее умершей — как будто я верила в эту сказку! Мужчины вроде моего отца никогда не

видят дальше собственного носа!

Но мама не из тех, кто легко сдается. Сначала она обратилась к отцу исключительно из-за своей порядочности, но когда он так жестоко обошелся с ней, мама отправила мне письмо, и я специально ушла с корта пораньше, чтобы встретиться с ней у поворота на тропу в четверть седьмого. Мы перебросились парой слов и договорились о новой встрече. Когда мы разошлись, еще не было и половины седьмого. А потом я тряслась от ужаса, понимая, что ее могут заподозрить в убийстве отца. Как-никак у нее все же был зуб на него. Вот поэтому я нашла на чердаке ее старый портрет и вырезала лицо. Я боялась, что полиция устроит обыск, найдет портрет и узнает, кто она такая. Доктор Хейдок тоже боялся за нее. Наверное, иногда он сам начинал думать, что она и в самом деле убила отца! Мама довольно… отчаянная натура. Она не считается с последствиями.

Она помолчала.

— Забавно. Я чувствую особую связь с мамой. А с отцом такого не было. Но мама… в общем, как бы то ни было, я еду с ней за границу. Я останусь с ней до… до самого конца…

Она встала, и я, взяв ее за руку, произнес:

— Да благословит Господь вас обеих. Надеюсь,

в один прекрасный день твоя жизнь, Леттис, наполнится счастьем.

— Хорошо бы, — сказала она с грустным смехом. — В последнее время его что-то не очень-то много, правда? Хотя все это мелочи. До свидания, мистер Клемент. Вы всегда были добры ко мне, вы и Гризельда.

Гризельда!

Мне пришлось рассказать ей, как страшно меня расстроило то анонимное письмо. Жена сначала рассмеялась, а потом с торжественным видом прочитала мне целую лекцию.

— Как бы там ни было, — добавила она, — в будущем я обещаю быть серьезной и богобоязненной, как отцы-пилигримы[35].

Я никак не мог представить себе Гризельду в роли отца-пилигрима.

— Видишь ли, Лен, — продолжила она, — в ближайшее время в моей жизни появится нечто, что заставит меня остепениться. Это нечто придет и в твою жизнь, только тебя оно заставит омолодиться, — во всяком случае, я надеюсь на это. Ты не сможешь называть меня «милое дитя» так же ча-

---

[35] Сноски: 35

Первые британские поселенцы в Северной Америке — пуритане, преследуемые официальной англиканской церковью за протестантский радикализм.

сто, как раньше, когда у нас появится настоящее дитя. И еще, Лен, я решила, что впредь, раз уж я становлюсь «женой и матерью» — так пишут в книгах, — я буду и домохозяйкой. Я купила две книжки по домоводству и одну по материнству, и если уж они не помогут мне стать образцовой, то я не знаю, что делать! Они до ужаса забавные — хотя авторы наверняка этого не задумывали. Особенно та, где рассказывают, как воспитывать детей.

— А ты не покупала книжку о том, как заботиться о муже, а? — спросил я, прижимая ее к себе.

— Я в ней не нуждаюсь, — ответила Гризельда. — Я очень хорошая жена. Я люблю тебя всем сердцем. Чего еще ты хочешь?

— Ничего, — сказал я.

— Ты хоть раз можешь сказать, что безумно любишь меня?

— Гризельда, — проговорил я, — я тебя обожаю! Я боготворю тебя! Я дико, безумно и совсем не по-священнически люблю тебя!

Моя жена издала удовлетворенный вздох. Неожиданно она отстранилась.

— Господи! Скоро придет мисс Марпл. Нельзя, чтобы она что-то заподозрила! Я не хочу, чтобы все предлагали мне подложить под спину по-

душку и поставить ноги на скамеечку. Скажи ей, что я ушла на площадку для гольфа. Это собьет ее со следа — к тому же это правда, потому что я оставила там свой желтый пуловер и хочу забрать его.

Мисс Марпл вошла через окно, остановилась у порога и спросила, можно ли ей увидеть Гризельду.

— Гризельда ушла на площадку для гольфа, — сказал я.

Взгляд мисс Марпл тут же преисполнился тревоги.

— Ох, это очень неблагоразумно… особенно сейчас.

А потом она очень мило, по-старомодному, по-девичьи покраснела.

Чтобы избавиться от неловкости, мы поспешили заговорить о деле Протеро, а также о «докторе Стоуне», который оказался знаменитым взломщиком и был известен под разными именами. Кстати, все подозрения в соучастии с мисс Крам были сняты. В конечном итоге она призналась, что относила чемодан в лес, но делала это из честных побуждений, так как доктор Стоун сказал ей, будто он боится конкуренции со стороны других археологов, которые не остановятся пе-

ред кражей ради того, чтобы дискредитировать его теорию. Очевидно, девица проглотила эту неправдоподобную историю. Сейчас она, по словам местных кумушек, занимается поисками кого-нибудь, кто может оказаться подлинным пожилым холостяком, крайне нуждающимся в секретарше.

Мне было интересно, каким образом мисс Марпл удалось узнать наш с Гризельдой секрет, который стал таковым только лишь сейчас. Однако мисс Марпл по собственной воле дала мне ответ на невысказанный вопрос — правда, в завуалированной форме.

— Надеюсь, дорогая Гризельда бережет себя, — проговорила она и, помолчав секунду, продолжила: — Вчера я была в книжном магазине в Мач-Бенхэме…

Бедняжка Гризельда, книжка по материнству — вот что раскрыло ее тайну!

— Я вот хочу спросить у вас, мисс Марпл, — неожиданно для себя сказал я, — если б вы совершили убийство, смогли бы вас поймать?

— Какая страшная мысль! — в шоке воскликнула пожилая дама. — Надеюсь, я никогда не смогу совершить такое зло.

— Но вы же сами говорили про человеческую

природу, — напомнил я.

Мисс Марпл отбила подачу очаровательным смехом.

— Какой вы проказник, мистер Клемент. — Она встала. — Оно и понятно, ведь настроение у вас теперь приподнятое…

И остановилась возле окна, прежде чем переступить порог:

— Передайте мои наилучшие пожелания Гризельде… и скажите ей… что я умею надежно хранить любые секреты.

В самом деле, мисс Марпл такая душка…